

Сквозь мертвые пустыни я пройду,
Сквозь горные твердыни я пройду.

Алишер Навои

Так излучаться, так сиять светло
Юпитера сиянье лишь могло!

Г. МАКАРОВ

Фото автора.

НАВОИ

Есть на земле немало городов, больших и малых, древних и молодых, которые носят имена государственных деятелей, полководцев, ученых, писателей. Один из таких городов в сентябре этого года дважды отмечает свой юбилей — он родился десять лет назад на месте поселка Кермине, а 525 лет назад узбекский народ подарил миру поэта, чье имя теперь увековечено в названии растущего города — Навои.

Он еще невелик, этот светлый, зеленый, оригинальной планировки город, полный неожиданных архитектурных решений, запоминающихся деталей оформления площадей, скверов, улиц. Здесь нет характерных для восточных городов тупиков, запутанных переулков.

В этом городе много автобусов, есть и такси. Но, пожалуй, главный вид транспорта тут... детские коляски. Ранним утром множество одно- и двухместных

Киркой взмахнул, и вот уже громит
Он богатырскою рукой гранит.

Один из ветеранов-строителей Навои, бригадир монтажников-бетонщиков — Валех Мамедов.

Опять Фархад кирку пускает в ход,
Над озером он замок создает.

Идут работы на одной из многочисленных строительных площадок.

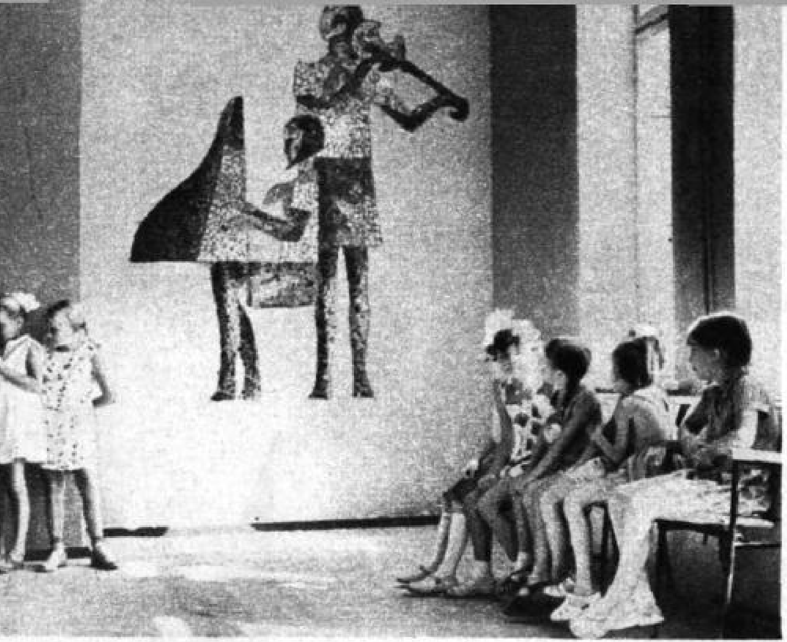

Как чудо это создала земля!
Был дивный ларчик весь из хрусталя.

В одном из многочисленных магазинов города.

И здесь, как мы в дальнейшем узнаем,
Фархадом был устроен водоем.

**Красавицы, как розы, все нежны
Прогуливались по дворцу Весны.**

Музыкальная школа, абитуриенты.

разноцветных экипажей, ведомых папами и мамами, торжественно плывет по всем направлениям. Дорога им предстоит недальняя: в Навои что ни квартал, то детский сад или ясли.

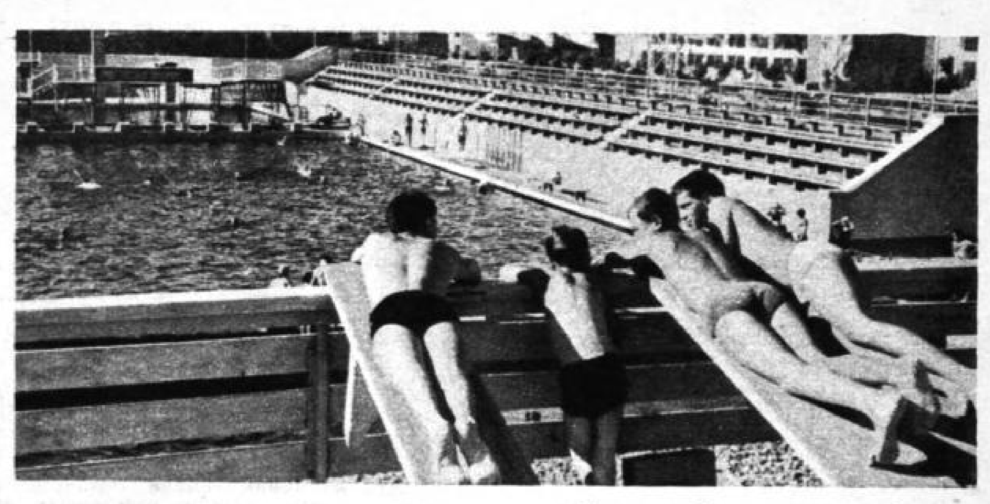
Вечером, когда жаркое солнце уходит в пески Кызыл-Кумов, на улицах снова многолюдно. Но никто уже никуда не спешит. Люди неторопливо идут в юный парк, где ждет их прохлада, где можно найти и тихий уютный уголок и озаренную неоном танцплощадку, где среди зелени сверкают стеклом кафе...

Над городом, стремительным символом наших сегодняшних дней, вознеслись к небу сверкающие ракеты. Живи сегодня старый Алишер, он прославил бы дела современного Фархада-строителя.

**По прихоти ночь превращают
в день,
День затмевают, вызвав ночи тень.**

Вечером в парке.

На месте былых песков — бассейн, работающий круглый год.

Нет на них ОРУДа!..

Высотники не монтажники.

**Тончайших яств нельзя там было
счесть:
Что б кто ни вспомнил, то и мог
он съесть.**

Хороша дынька!

ВИЗИТ В БРАТСКУЮ СТРАНУ

Корейский народ отпраздновал 20-ю годовщину провозглашения Корейской Народно-Демократической Республики. В торжествах по случаю знаменательной даты приняли участие делегации из социалистических стран, а также стран Азии, Африки и Латинской Америки. Советскую правительственную делегацию возглавлял член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Д. С. Полянский. В состав делегации входили председатель исполкома Приморского краевого Совета депутатов трудящихся М. М. Кузнецов и посол СССР в КНДР Н. Г. Судариков.

Выступая на торжественном собрании в Пхеньяне во дворце съездов «Мансудэ», Генеральный секретарь ЦК Трудовой партии Кореи, председатель Кабинета Министров КНДР тов. Ким Ир Сен указал на необходимость укрепления социалистического лагеря и сказал, что это служит залогом обеспечения безопасности каждой социалистической страны. Он далее обратил внимание на необходимость поддержки борьбы антиимпериалистических, национально-освободительных движений и международного рабочего класса.

Глава советской делегации тов. Д. С. Полянский от имени советского народа горячо поздравил корейский народ и его партию со знаменательной датой. В своей речи он отметил, что трудящиеся СССР и КНДР всегда были и будут вместе. Традиционные отношения подлинного братства и единства, подчеркнул тов. Д. С. Полянский, выражены в советско-корейском Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

В праздновании 20-й годовщины провозглашения КНДР приняли участие делегация ВЛКСМ во главе с секретарем ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастуховым, делегация Комитета советских женщин во главе с депутатом Верховного Совета СССР, председателем Комитета советских женщин, Героем Советского Союза, летчиком-космонавтом В. В. Николаевой-Терешковой.

На снимке: В сельскохозяйственном кооперативе провинции Северный Хванхэ. Председатель кооператива Кан Мен Ок (слева) рассказывает тт. Ким Ир Сену и Д. С. Полянскому о достижениях хозяйства.

ЧТО МЫ ВИДЕЛИ В ЭТОТ ДЕНЬ

Странно, но прошло четверть века... Жизнь целого поколения. Мы снова сидим за редакционным столом, только теперь в «Огоньке», а не в нашей военной газете Западного фронта.

Четверть века тому назад ясной сентябрьской ночью редакционная машина мчалась по старой Московской дороге. У Колодни объехали взорванный мост и поднялись на приднепровские высоты. Отсюда открывались необозримые дали, перечеркнутые столбами дымов, заревами пожарищ и всполохами орудийных выстрелов. Фронт дышал, ощутимо передвигался, сжимая клещи вокруг древнего города.

Смоленск горел. Столбы искр и пламени прорывались сквозь плотную пелену дыма. Над Днепром бесконечный перестук автоматных и пулеметных очередей. Шел бой. Немцы, оставив заслоны и факельщиков, убегали из города.

Глухо рвались мины, прибывали все новые и новые подразделения пехотинцев и артиллеристов. Бойцы разворачивали пушки, оборудовали в развалинах огневые позиции. Где-то в вышине надсадно выл немецкий разведчик.

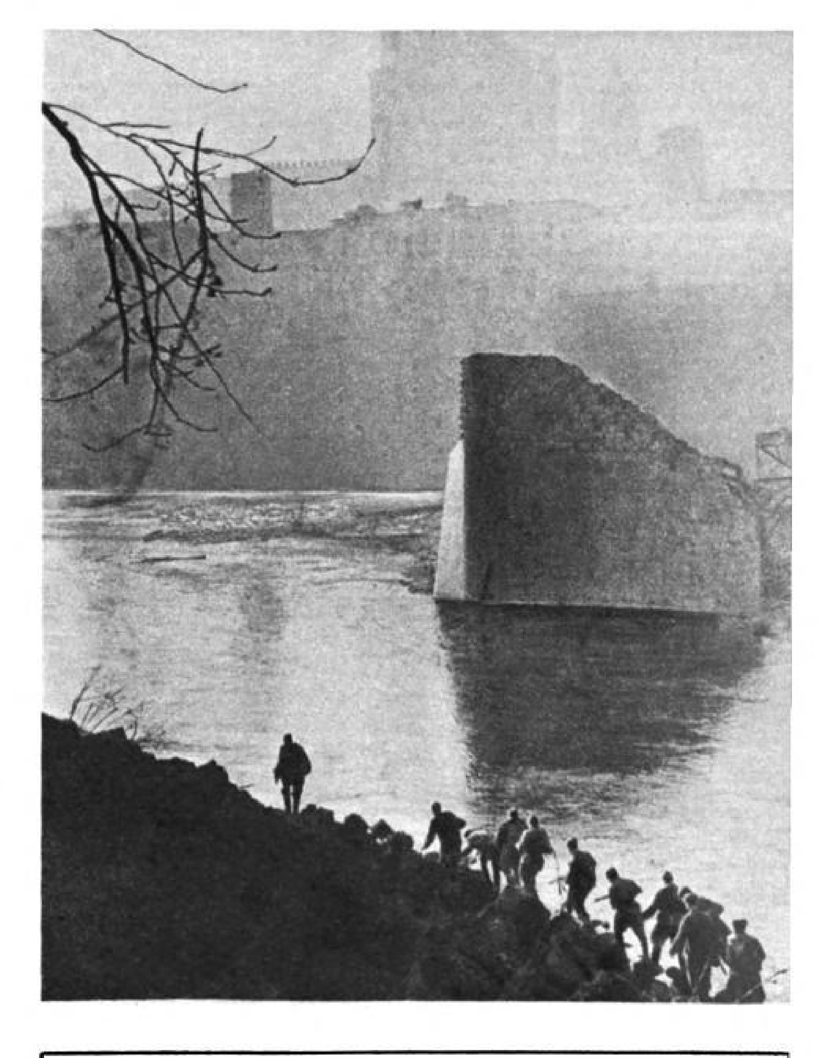
Быстро светает. Из темноты вырисовываются взорванные быки моста и могучая громада уцелевшего собора. У берега стучат топоры, доносится скрежет металла: готовится переправа. К воде спускаются бойцы под командованием капитана Ушакова. Фотокорреспондент Михаил Савин делает первый в этот исторический день снимок. Перегруженный плот медленно, хлюпая на волне, плывет на западный берег Днепра. Справа, слева тоже выплывают плоты и плотики и не плывут — ползут к земле Смоленска. Конечно, начинают рваться мины, потом снаряды. Шипят по воде пулеметные очереди. Огонь врага быстро слабеет. Через Днепр плывут все новые и новые до предела перегруженные плоты.

Город встречает нас запахом гари, глазницами разрушенных домов. Поднимаемся к знаменитым в Смоленске часам. Половина влюбленных города назначала когда-то здесь свидания...

Руины, руины, руины... Щебень и битые стекла. Пустой, мертвый город. Все взорвано, все сожжено... Рысцой, с наушниками на головах, бегут саперы. Мы идем дальше. Поднимается солнце, и вдруг среди развалин — жизнь. Делаем снимок первых увиденных нами жителей освобожденного Смоленска.

Вечером, когда Москва салютовала освободителям Смоленска, он еще горел, рушились целые кварталы деревянных зданий, обнажая печи и раскаленные, корчащиеся в углях железные кровати. А в город возвращались его жители.

В. МЕЛЕНТЬЕВ,
гв. подполковник запаса
Фото М. Савина,
ст. лейтенанта запаса.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 39 (2152)

Основан 1 апреля 1923 года

21 СЕНТЯБРЯ 1968

КОММУНИСТ, СЫН ГЕРОЯ

Эту фамилию знают многие. Она часто встречается в скупых строках газетной хроники, в официальных сообщениях.

Член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, кавалер шести орденов Ленина, министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев. Те, кто знаком давно с его семьей, говорят, что Николай Семенович очень похож на своего отца — героя гражданской войны комбрига Первой конной армии Семена Михайловича Патоличева.

Погиб боевой комбриг летом 1920 года. В селе Мирогоща, Ровенской области, поставлен ему памятник.

Командир 11-й дивизии Ф. М. Морозов послал тогда в штаб Конной армии рапорт, просил разрешения выдать семье комбрига двадцать тысяч рублей, деньги по тем временам совсем небольшие. А семья была многолюдная: больная жена и семеро ребят, старшему Михаилу исполнилось всего пятнадцать лет, мальчишкой он уже воевал в бригаде отца.

Рапорт Ф. М. Морозова пришел в штаб Конной армии почти одновременно с сообщением о том, что жена комбрига умерла от голода. Остались семь сирот. Через несколько дней пятнадцатилетний Михаил отправился домой, увозя с собой деньги, собранные бойцами Первой конной.

Михаил вернулся в кавбригаду, стал ее воспитанником, а его братья и сестры перебрались к родственникам отца.

Николая взял брат комбрига Андрей Михайлович. Жизнь складывалась нелегко — у самого Андрея Михайловича было десять детей. Даже младшие старались хоть чем-то помочь семье. Николай научился плести лапти. Будущему министру было тогда двенадцать лет. А через два года он с котомкой за плечами отправился поступать на завод.

На завод Николая не взяли по малолетству, в ФЗУ не приняли, потому что не сдал экзамены. Сидел парнишка пригорюнившись на крыльце, тут и увидел его председатель завкома Ушаков, расспросил и повел к директору ФЗУ Степанову:

— Слушай, Иван Иванович, мой сын поступил к тебе учиться, а вот этому мальцу и жить негде, и не ел он, видно, давно. Устрой его к себе, а мой подождет до следующего набора.

Ни Ушаков, ни Степанов не могли тогда и предполагать, что мальчишка с котомкой в руках вскоре станет директором этого же ФЗУ.

В 1928 году Николай Семенович Патоличев вступил в партию.

В 1937 году Н. С. Патоличев окончил военную академию, затем был на ответственной работе в аппарате ЦК ВКП(б), парторгом ЦК на Ярославском резиновом комбинате.

В 1939 году Н. С. Патоличев избирается первым секретарем Ярославского обкома и горкома партии. В годы Великой Отечественной войны Н. С. Патоличев возглавлял партийную организацию Челябинской области. С присущей ему энергией он делает все, чтобы расширить промышленность области и увеличить выпуск вооружения для фронта.

Слушая его страстные призывы, увлекавшие на трудовые подвиги, рабочие говорили: с такими руководителями хорошо работать, даже в такое суровое время.

С мая 1946 года Н. С. Патоличев — секретарь ЦК ВКП(б), член Оргбюро ЦК ВКП(б) и одновременно заместитель председателя Совета по делам колхозов при Правительстве СССР.

В 1947 году Н. С. Патоличев — секретарь ЦК КП(б) Украины, а в августе того же года он избирается первым секретарем Ростовского областного и городского комитетов партии.

Жители разрушенного фашистскими оккупантами Ростова и поныне с благодарностью вспоминают большую работу Николая Семеновича по восстановлению города и его промышленности. В то время, когда раздавались голоса о том, что Ростов уже не восстановить, легче построить новый, Н. С. Патоличев заявил, что город должен стоять, где стоял и должен быть лучше, чем был. Ростовская партийная организация, жители города не только восстановили свой любимый город, но и сделали его еще краше.

Огромную работу по восстановлению промышленности, городов и сел, разрушенных в годы войны, провел Николай Семенович, работая первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии в 1950—1956 годах.

Последние десять лет Николай Семенович Патоличев — на посту министра внешней торговли СССР. Дипломатический протокол требует, чтобы в печати сообщалось об отъездах и приездах за границу государственных деятелей, потому в газетах часто появляется фамилия Н. С. Патоличева. Только в августе этого года Николай Семенович побывал в Англии, Японии, Сирии, ГДР. Это нелегкая, но благородная работа по расширению торговых отношений Советского Союза со многими странами мира.

Строитель с большой буквы, ленинец, человек широкого кругозора, беспредельно преданный делу Коммунистической партии, государственный деятель Николай Семенович Патоличев в расцвете творческих сил встречает свое шестидесятилетие.

Мих. АНДРИАСОВ

ПОРТР
В ГО

Из проявочной машины каждые две минуты выползает целлулоидная змея. Когда накапливается ворох пленок, я иду к Стэну. У него на лбу — зеленый козырек, рукава рубашки закатаны по локти, на поясе — полотенце.

— Что у вас сегодня?

— Чикаго,— говорю я.

Он вздыхает и кивает головой, будто ничего другого и не ожидал. Затем молча вставляет пленку в увеличитель и принимается печатать. На столе увеличителя проходят отрывочными кадрами дни съезда демократической партии в Чикаго, улицы, люди, лица...

ХЬЮБЕРТ ХОРАЦИО ХЭМФРИ. Два пальца вверх — знак победы. «XXX» — кандидат в президенты США от демократической партии. Его речь на заключительном заседании была долгой — 50 минут. Хэмфри любит поговорить. И сам признает за собой этот недостаток. Его жена — Мюриэл — часто повторяет: «Хьюби, чтобы речь стала бессмертной, вовсе не нужно, чтобы она была вечной». Однако этот афоризм на него не действует.

За сутки до произнесения торжественного «спича согласия» Хэмфри сидел у себя в гостиничном номере (отель «Конрад Хилтон», 25-й этаж, 175 долларов в день) в удобном кресле, вытянув ноги, и следил за голосованием в «Международном амфитеатре» по телевизору.

— Гуам! — зычно выкрикивала в микрофон секретарь съезда.

— Все пять,— спокойно предсказывал Хэмфри со своего кресла.

— Мадам секретарь,— торжественно кричал из зала съезда глава делегации Гуама,— мы отдаем все пять своих голосов за следующего президента Соединенных Штатов, великого американца Хьюберта Хорацио Хэмфри.

— Нью-Йорк!

— Эти дадут девяносто шесть с половиной,— без ноты сомнения говорил Хэмфри.

И Нью-Йорк действительно отдавал ему 96,5 из своих 190 голосов.

...Очередь дошла до Пенсильвании. Хэмфри наклонился к телевизору, сжал ручки кресла.

— Ну вот...

Пенсильвания дала вице-президенту 103% голоса. Это было уже больше, чем требовалось для победы. Люди в гостиничном номере по очереди подходили к Хэмфри, жали руки. На экране показывали зал заседания конвента. Сторонники «XXX» бросали вверх пластиковые канотье и дули в охотничьи трубы.

Очевидцы, которые были в номере Хэмфри, рассказывают, что в этот момент вице-президент Соединенных Штатов прослезился. Но не от эмоций. Просто двадцать пятого этажа отеля «Конрад Хилтон» достигли клубы слезоточивого газа, которым полиция и солдаты разгоняли демонстрантов внизу, на улице. Там, на Мичиган-авеню, в это время били людей.

СОЛДАТЫ. Они стояли, широко и прочно расставив ноги. Первая шеренга — прижав приклады карабинов к животам и выставив дула вперед и вверх. Пуленепробиваемые нейлоновые жилеты, каски, противогазные сумки, ножи у пояса. Еще у пояса — серый металлический баллончик, похожий на консервную банку со свиной тушенкой. На баллончике — красные цифры и одно слово: «Riot» — «восстание». Это гранаты со слезоточивым газом и с газом, который называется «мэйс» — от него нестерпимо жжет кожу.

За спинами солдат — джипы с военной полицией. На тротуаре — пулеметы. Перед солдатами — молодые парни и девушки. Протягивают ладони.

— У нас нет оружия. Мы пришли не драться. Просто мы не хотим войны во Вьетнаме. И хотим, чтобы делегаты знали об этом.

Солдаты жевали резинки, смотрели куда-то выше голов, чтоб не видеть глаз собеседников, неловко крутили головами на длинных юношеских шеях.

Среди них не все, далеко не все были равнодушными исполнителями приказа. Сорок три солдата из форта Худ отказались лететь в Чикаго. Сорок три из шести тысяч — не так много, но и не мало. И ведь это тот самый форт Худ, в котором служили три американских солдата, отказавшиеся в позапрошлом году ехать во Вьетнам. Трое — в позапрошлом году, в этом — сорок три.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ. Меня увидел Чак — приятель из чикагской газеты:

— Ты без каски? С ума сошел!

На нем был пластиковый мотоциклетный шлем, на груди противогазная маска. Рядом стоял длинный дядька, увешанный фотоаппаратами. У него тоже была противогазная маска, на руках — толстые кожаные перчатки, на голове — солдатская каска. Спереди и сзади на каске было написано большими красными буквами «Лайф». Во время войны на крышах госпиталей так же вот рисуют большие красные кресты, чтобы авиация противника не бомбила. Я не выдержал, засмеялся. Длинный лайфовец посмотрел на меня снисходительно, дал совет:

— Когда они начнут вас бить, не закрывайтесь камерой. Прежде всего лупят по камере. Вы ее опустите, нагнитесь, а лицо и голову закройте локтями.— Он показал, как.— Жаль, что перчаток у вас нет — будут бить по пальцам.

«МИРНИКИ». На башмаке одного из парней, что стояли против шеренги солдат, я заметил комок вазелина. Соседи нагибались к башмаку, брали вазелин на пальцы, мазали себе лица. Я спросил у одного: зачем? Оказалось, вазелин предохраняет от газа «мэйс». А от слезоточивого газа, если нет противогазной маски, надо держать в кармане наготове смоченный водой носовой платок и, когда понадобится, закрыть им нос и рот. Я сказал парню, что в немецких душегубках некоторые спасались вот так же. Парень кивнул и грустно усмехнулся...

ПОЛИЦИЯ. То было часов в семь вечера. Через три часа, как раз в то время, когда в зале «Международного амфитеатра» на скотопригонном дворе шло выдвижение кандидатов в президенты Соединенных Штатов Америки, на Мичиган-авеню шла бойня. Самая настоящая бойня. Красномордые озверевшие полицейские поднимали дубинки и опускали их на головы «мирников».

Те не могли ответить. Они только пробовали закрывать головы руками. Полицейские в голубых касках и таких же безрукавках со всего размаху били по пальцам, по головам, по ключицам.

Кто-то закричал:

— Гестапо! Гестапо! Палачи! Весь мир смотрит на вас!

Крик подхватили, стали скандировать. Но что помощи в крике!

РИЧАРД ДЭЙЛИ. Он грузен. Одутловатое неподвижное лицо. Настолько неподвижное, что, когда говорит, даже губы не шевелятся. Так разговаривают чревовещатели на эстраде. Но глаза быстрые и умные. И сам он легок на подъем, спор в ходьбе. Ему пришлось много двигаться на съезде.

Он — мэр города Чикаго, один из влиятельнейших боссов демократической партии. Один из

ЕТЫ, СДЕЛАННЫЕ
РОДЕ ЧИКАГО

тех, кого называют «кингмейкерами» — делателями королей. Он решал, за кого будут поданы 112 из 118 голосов делегации штата Иллинойс. В его руках не менее ста тысяч голосов для ноябрьских выборов. Это люди, прямо или косвенно зависящие от муниципалитета, от негра-уборщика в муниципальном госпитале до городского инспектора по электричеству, плюс взрослые члены их семей. Он был хозяином съезда. Не только хозяином, который принимает гостей, но и хозяином, который управляет гостями.

Его не было в президиуме. Большую часть времени он находился в зале, среди делегатов. Но председатель и многие люди в президиуме, не отрываясь, глядели на него. Если мэр хватал себя рукой за горло, председатель съезда — щуплый старик с сорванным голосом и великолепным знанием процедурных способов уничтожения противника — знал, что надо «задавить» неугодного оратора. Если часть делегатов громко выражала свое недовольство ведением съезда или возмущалась расправами чикагской полиции над демонстрантами, прессой и делегатами, Дэйли делал несколько движений правой рукой, будто играл на тромбоне. И сразу в действие вступал большой оркестр, сидевший перед трибуной. Он заглушал крики несогласных жизнерадостным галопом «Снова настали счастливые денечки». Если же мэр поднимал руки над головой и соединял ладони в пожатии, в президиуме знали, что он одобряет деятельность председателя — пусть продолжает в том же духе.

На партийном съезде он вел себя точно так же, как в чикагском муниципалитете, где микрофоны выходят из строя каждый раз, как слово получает человек, не разделяющий мнений отца города.

После уличных зверских расправ полиции над мирными демонстрациями и прессой ожидалось, что в последний день работы съезда часть делегатов и гостей — противники нынешней администрации — может устроить демонстрацию протеста в самом зале конвента. Но когда началось последнее заседание, в ложах для гостей оказалось несколько тысяч служащих чикагского муниципалитета. Каждый из них имел при себе отпечатанный типографским способом плакат: «Мы любим Дэйли» — и, конечно, собственную глотку. И тем и другим незваные «гости» съезда пользовались по команде Дэйли. Знак рукой — и муниципалитетчики принимались орать, петь и размахивать плакатами. Корреспондент журнала «Ньюсуик» спросил одного из них, чем объяснить такую любовь к отцу города. Тот ответил: «Он платит мне жалованье».

РОБЕРТ КЕННЕДИ. Его движение к президентскому креслу прервала в июне пуля. В Чикаго он появился лишь на киноэкране конвента. Отлично сделанный, скупой киномемориал поднял на ноги всех делегатов. Одни поднялись в искреннем порыве. Другие — из приличия. Те, кто из приличия — их было большинство на съезде демократической партии,— быстро перестали аплодировать и уселись на места. Но несколько сот человек продолжали стоять, хлопать в ладоши и петь. Так прошло пять минут, восемь, десять. Овация меньшинства уже не относилась к фильму, она превратилась в демонстрацию против нынешней администрации, против нового кандидата в президенты.

ЭДВАРД КЕННЕДИ. Он тоже не присутствовал в Чикаго. И вдруг, в самом начале работы конвента, в Чикаго пронесся слух, что символ имени Кеннеди может материализоваться в образе единственного оставшегося в живых брата — Эдварда Кеннеди, которого съезд «завербует» в кандидаты вместо Хэмфри.

Как ни странно, но одним из инициаторов этого слуха был все тот же наш старый знакомый — мэр Чикаго Ричард Дэйли.

Никто до этого не сомневался, что Дэйли преподнесет голоса своей делегации Хьюберту Хэмфри. И вдруг накануне съезда Дэйли объявил, что делегация Иллинойса пока что считает себя свободной от обязательств.

Это была сенсация. Я видел, как суетились возле неподвижного Дэйли корреспонденты, пытаясь выяснить тайный смысл решения. К вечеру стало известно, что «мастодонт» звонил Тэду Кеннеди и предлагал свою помощь, если тот согласился на «вербовку».

Среди противников Джонсона и Хэмфри началось движение «Тэд — в президенты». Юджин Маккарти, понимавший, что его собственные шансы свалить Хэмфри равны нулю, тоже позвонил Тэду и предложил свою помощь. Однако одно дело — движение, другое — реальные факты. Одному из своих сторонников, который по телефону сообщал Кеннеди о начавшемся «большом движении», сенатор так и сказал:

— Меня не интересует большое движение. Меня интересуют факты.

А факты не были обнадеживающими. По самым оптимистическим подсчетам, Кеннеди мог получить не больше тысячи голосов (считая даже тех, кто откололся бы от Хэмфри). Это значило, что «XXX» побеждал при первом же голосовании.

Накануне голосования Ричард Дэйли последний раз позвонил Тэду Кеннеди. Тот ответил решительным отказом. Через пятнадцать минут Дэйли связался с Хэмфри и сказал, что голоса иллинойской делегации — его.

Только теперь в печать проникли слухи о том, чего в действительности добивался хитроумный Дэйли. Он вовсе не собирался угрожать Хэмфри. И не собирался «делать королем» Тэда Кеннеди. Его замысел (не исключено, что он обсуждался с Хэмфри) был тоньше: вовлечь Тэда в политическую борьбу на съезде, провалить в качестве кандидата в президенты, но сделать для него невозможным отказ от «вербовки» в вице-президенты. Смысл? Простой. Имя Кеннеди (даже вторым номером) в избирательном бюллетене демократической партии увеличило бы в ноябре шансы Хэмфри против Никсона.

РИЧАРД НИКСОН. Всю неделю, пока шел демократический съезд, «трики-Дики» (Дики-трюкач), как зовут его многие в США, провел на небольшой бело-желтой яхте под названием «Коло-Лобо» у берегов Флориды. Республиканский кандидат в президенты США отдыхал и наслаждался рыбной ловлей. Вести в это время избирательную кампанию было бы делом бессмысленным: первые полосы всех газет страны отданы скандалу в Чикаго.

О демократическом съезде Никсон в это время не высказывался — по крайней мере для печати. «Это их неделя» — вот, пожалуй, все, что позволил себе заявить осторожный конкурент Хьюберта Хэмфри. При этом, правда, иронически улыбнулся.

А в том самом чикагском отеле «Конрад Хилтон», где расположилась штаб-квартира демократического съезда, а также штаб-квартиры Хэмфри и Маккарти, как выяснилось, горстка никсоновских разведчиков сняла трехкомнатный номер на девятнадцатом этаже. Три телевизора — один цветной и два обыкновенных — давали «лазутчикам» всю необходимую информацию о расколе на скотобойне. А из окна отеля они отчетливо (когда не слезились глаза) видели, как действует полиция Дэйли.

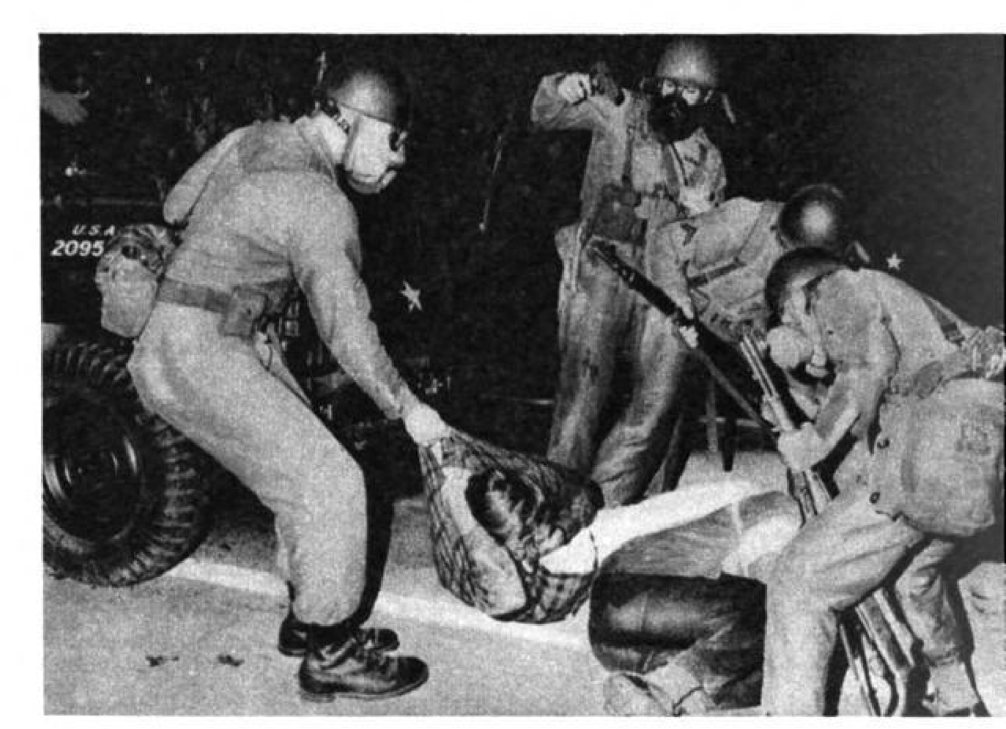
Один из «разведчиков» — губернатор штата Колорадо Джон Лав — так подытожил свои впечатления: «Не думаю, что мы могли бы лучше сработать против демократов, чем они сработали сами». Другой сказал: «Ричард Дэйли преподнес Ричарду Никсону бесценный подарок».

И уже, как видно, в порядке создания хлестких фраз, которыми будет пользоваться Никсон в предвыборной борьбе, на девятнадцатом этаже Хилтона были отлиты такие чеканные формулировки: «Партия, которая не может объединить себя, не может объединить страну» и «Партия, способная управлять страной, не смогла бы допустить такого хаоса на съезде».

Стэн закончил печатать снимки. Ловко подцепив мокрую груду бумаги толстой деревянной палкой, он вытащил ее из закрепителя и небрежно швырнул в чан с водой — промываться.

Генрих БОРОВИК (АПН)

Чикаго — Нью-Йорк.

Расправа на Мичиган-авеню.

Полиция в Линкольн-парке действовала привычно.

Фото автора, ЮПИ.

Орлин ОРЛИНОВ

ОДА СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

О тебе моя ода,
о тебе моя песня,
о тебе — ныне и всегда...
Ты должен все иметь:
танки и ракеты,
сверхзвуковые самолеты,
гениальных физиков,
гениальных поэтов,
микрополупроводники,
станки многотонные,
океанские атомные лодки подводные,
черную металлургию,
печи доменные,
волнующую драматургию,
гидроцентрали огромные...
Ты «виноват» во всем:
что у тебя еще есть соломенные хаты,
что нет у тебя изобилья томатов,
что идешь ты не в ногу с парижской модой,
виновен даже в рождении моей оды.
Господи боже!
Матушка милая,
скажи, где берешь богатырскую силу ты?
Упрек встретить лаской,
удар — ударом,
угрозу — с надвинутой каской.
Ты должен все мочь,
ты должен все иметь:
нефть,
золото,
бриллианты,
взводных командиров и маршалов.
Ты должен революцию продолжить
и сына блудного понять.
А чтобы спасенный твоим солдатом
мог недовольно морщиться,—
иметь терпение, не идущее
ни в какое сравнение...
А ведомо ли всем им —
новым пророкам и ветхим витиям,—
что если исчезнут твои боевые стволы,
что если исчезнут твои корабли,
что если исчезнут твои площадки,—
разговоры с н и м и
будут страшны и кратки.
Довольно!
Довольно!
Довольно!
Ставь крест на эти забавы,
хватит мелодрамы.
В мире этом,
изверившемся и зубастом,
двух дорог нет.
Там. Или здесь.
Диалектика ясная,
до грамма взвешенная и прекрасная.
И мы хорошо истину знаем:
за каждую проданную «каплю любви» —
американский заем.
И если рука, убившая
Кеннеди первого,
Кинга Черного,
Кеннеди второго,
захочет зажечь землю, воду
и небесные просторы,—
кто остановит безумную силу?
Кто защитит народы мира?
Небесное знамение?
Чудо нежданное?
Ты!
Ты!
Ты!
И только ты!
Ты будешь тем первым,
кто вступит в ад боя:
белокурый Иван
сядет в танк,
твой Алеша
будет сражаться на всех фронтах,
чтобы остаться бессмертным
на чьих-то далеких холмах.
Здесь шуток нет и нет обмана,
двух нет путей, а лишь один.
И пусть нас поносят,
пускай ненавидят,
закон наших дней таков:
кто тебе, Советский Союз, изменит,
тот на измену всегда готов.
О тебе моя ода,
о тебе моя песня,
о тебе — ныне и всегда...

г. София

Перевела с болгарского
Анна Словачевская.

Юлия СОЛНЦЕВА,
кинорежиссер,
народная артистка РСФСР

Будущей осенью исполняется 75 лет со дня рождения Александра Петровича Довженко. К тому времени я хотела бы сделать фильм о нем. Не просто биографическую ленту, но картину о жизни художника удивительного... Во всем удивительного и далеко еще не до конца познанного. На редность полно и глубоко вобравшего в себя ПОЭЗИЮ СОВЕТСКОЙ ЖИЗНИ, ее красоту, достоинство и величие. Преклонявшегося перед неизменной отзывчивостью, благородством и добротой советского народа. Перед неисчерпаемой мудростью ленинской партии, силой ее идей.

Особым взглядом пересматриваю я сейчас книги и записи Довженко. Снова перечитываю все то, что оставил он после себя нам — людям сегодняшним.

И, может быть, потому, что вся я как-то особенно поглощена, захвачена таким вот необычным душевным состоянием — непрекращающимся внутренним разговором с Довженко,— кажется мне, что многое, очень многое из того, что было сказано им вчера, нынче звучит еще более жизненно. Звучит требовательно и страстно. Звучит — при всей мягкости и лиризме Довженко — НАСТУПАТЕЛЬНО.

Здравствуй, Ташкент!

Мурси Саад эд-Дин

В этом месяце посланцы более сорока стран соберутся в Ташкенте, чтобы отпраздновать десятилетие движения солидарности писателей Азии и Африки. Для меня это будет еще одной годовщиной. Десять лет назад я впервые вступил на советскую землю, чтобы участвовать в подготовке Первой конференции писателей стран Азии и Африки. Она тоже состоялась в Ташкенте, и воспоминания об этой конференции вечно живы в моей памяти. В конце концов не так уж часто возникают мощные общественные движения, и, более того, не каждый может сказать, что ему повезло и он присутствовал при зарождении этого движения.

Ташкент 1958 года. Первые встречи делегатов стран Азии и Африки. Еще предстоит сломаться ледку в отношениях между незнакомыми людьми. Теплые приветствия наших узбекских друзей. И рождение того, что будет названо «духом Ташкента». Этот дух стал двигательной силой всего афро-азиатского движения писателей. И в самые критические моменты, когда движение, казалось, было на грани распада, именно дух Ташкента спас его. Здесь не место описывать негладкую историю движения. Достаточно сказать, что свой десятилетний юбилей это движение отмечает тогда, когда оно находится на подъеме, объединяя более семидесяти писательских организаций.

Мы, писатели ОАР и Советского Союза, вместе обдумывали, как отметить это десятилетие. В этом отражается дружба, которая существует между нашими писателями и между нашими странами.

...Интересно, как сейчас выглядит Ташкент. Я помню Ташкент 1958 года, залитый ярким солнцем. Я помню теплые приветствия, яркие цвета одежд, сотни разновидностей арбузов и, кажется, тысячи сортов винограда. И фонтан между новым зданием гостиницы и Театром имени Навои, который был великолепно подсвечен по ночам. Для нас, посланцев арабской страны, Ташкент был напоминанием о древней цивилизации, которая связывает наши народы. Но в то же время это был живой пример общества, сохраняющего свои

Неотъемлемое качество души и творчества большевика — его наступательность — сейчас, пожалуй, как никогда, требуется всем нам, советским людям, рыцарям и пропагандистам советского образа жизни, ее поэтам, художникам, защитникам... Убедиться в этом пришлось каждому из нас в те недавние дни, когда события в Чехословакии волей-неволей поставили всех и каждого именно перед такой необходимостью.

Сейчас жизнь в Чехословакии постепенно входит в свои берега. Но значит ли это, что мы все меньше, все реже будем вспоминать о свершившемся?..

Конечно, чужая душа, как говорится, потемки. И, наверное, не исключена возможность, что кое-кто спокойствия душевного ради постарается отмахнуться поскорей от прогремевших событий, придать им задним числом значение инцидента малозначительного и скоропреходящего. Зачем, мол, отягощать себя лишними неприятностями,— ну, поговорили, ну, поволновались, да сколько же можно! Все теперь, кажется, слава богу, улеглось, утряслось. Почему бы и не вернуться потихоньку-полегоньку к тому, чем жили вчера, к тому, о чем вчера беспокоились...

А вот о чем беспокоились вчера мы, кинематографисты?.. И было ли наше беспокойство достаточно высоким, достаточно результативным?

На этот вопрос я пробую найти ответ у Довженко. И нахожу!

Как всегда, не лукавя, он говорит нам слова очень важные и очень точно, очень метко характеризующие нашу вчерашнюю (хочется думать, что вчерашнюю) деятельность:

«Что-то мы упустили в своих картинах. Где-то недостаточно вспахивали ниву... Мы обязаны повысить требования к самим себе. Этого требует наш зритель. Нельзя сложнейшие вопросы творчества подменять простым, некритическим, натуралистическим, набором случайных фактов повседневности, зафиксированных в повестях, рассказах и сценариях...

Надо всегда помнить, что люди наши умны и образованны и что главная наша задача и смысл нашей жизни заключается в возвеличении средствами искусства советского народа как лидера передовых народов мира».

Вот слово Довженко. Вот его творческое кредо. Вот неизменное этическое и эстетическое требование художника, который всегда считал себя коммунистом. Требование, неумолимо обращенное и к личной и к общей нашей гражданской совести.

Задачу ВОЗВЕЛИЧЕНИЯ образа советского человека, советского народа Александр Довженко искренне считал единственно возможной духовной целью художника, работающего в литературе и искусстве. Он говорил о себе:

«Кинематографистом меня сделала социалистическая революция, и я всегда думаю, что, сколько бы я ни работал и как бы я ни работал, я всегда останусь в долгу у моего рабочего государства, воспитавшего меня для работы в самой высокой сфере человеческой деятельности — в искусстве».

В долгу!.. Меня потрясает, что эти слова принадлежат Довженко. А что ж тогда остается сказать нам, если, по правде говоря, мы, случалось, выпускали иногда и такие фильмы, где в общем-то мыслей о родном рабочем классе, о родном рабочем государстве либо вовсе не было, либо представали они серо и скудно, отнюдь не приближаясь к решению поставленной задачи: ВОЗВЕЛИЧЕНИЮ народа, показа его как ЛИДЕРА мирового прогресса, как бескорыстного воина за счастье, благополучие и самую жизнь всех передовых народов.

Нет, мы, художники, не можем зачеркнуть в памяти своей те недавние дни, когда нашим солдатам снова пришлось ступить на землю Чехословакии, чтобы еще раз отстоять свободу своих братьев.

Невзирая на все провокации, наши воины не оружие пустили в ход — их оружием стали ленинские идеи советской жизни, советской дружбы, великие идеи братского интернационализма.

Я думаю об этом с потрясенным сердцем. На мой взгляд, это — явление необычайнейшее; явление огромной нравственной красоты и силы. А ведь может и так случиться, что оно останется не замеченным в искусстве, пройдет мимо «сферы внимания» наших кинематографистов. Обойдутся хроникой и на этом сочтут свою миссию выполненной. Довженко, словно заглядывая в нашу жизнь, словно видя и наблюдая вот этих самых прекрасных советских людей — сегодняшних солдат в сегодняшней Чехословакии — и думая об их душевном благородстве, об их поразительном подвиге, советует каждому из нас:

«Нам пора проанализировать для себя коллективный портрет советского человека. Целый ряд моментов в наших картинах и литературе свидетельствует о СНИЖЕНИИ КОЛЛЕКТИВНОГО ОБРАЗА СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА. Советский человек — особенный человек в мировой истории, с этих позиций мы и должны изображать его».

Идея советского патриотизма была, есть и будет первой, главной и самой важной идеей современности. Она питает душу художника, не позволяя ей стареть, оскудевать, вянуть. Она держит художника в строю, сообщая его творчеству приподнятость и оптимизм, свежесть и новизну, масштабность и революционность. Она сообщает ему современность подлинную, ибо исходит из интересов партии и народа в их живом, реальном отношении к тем острейшим, невыдуманным проблемам, которые, как мы видим, все время выдвигает перед нами сама жизнь, хотим мы того или не хотим.

Разумеется, нужно время, чтобы глубже, серьезней подумать обо всем этом. Чтобы сказать свое слово художника. А главное — чтобы начать наконец отдавать свои долги!..

Мы не ошибемся, приняв еще один добрый совет Довженко: неизменно видеть перед собою родной народ.

«...Все лучшее в народе, все его усилия, все жертвы, щедрость, величие духа и моральная стойкость на протяжении многих лет — вот это должно светиться немеркнущим светом перед духовным взором тех, кто воплощает свои замыслы на экране...»

Зоркость души Довженко, его многозвучие, многогранность порождались великим талантом художника. Но сам-то он считал свой талант всего лишь СОБСТВЕННОСТЬЮ НАРОДА... И это еще один совет, о котором нелишне вспомнить. Еще одна нужная подсказка.

древние традиции и в то же время ставшего активным членом современного содружества народов. Там были и танцы и поэзия. Все настоящее, подлинное. «Лейла и Меджнун», классическая арабская история о любви, превратилась в современную оперу. Но при этом были сохранены все ее народные черты. И это лишь один пример того, как сочетается старое и новое, традиции и современность. Наша поездка в Ташкент была поистине откровением.

Затем мои посещения Советского Союза стали более частыми. Не проходило года, чтобы я не приезжал в СССР. Я даже не знаю точно, сколько раз я бывал в вашей стране. Но я знаю, что с каждым приездом сюда у меня становилось все больше друзей, что мое знание Советского Союза возрастало. И в СССР многое менялось. Прогресс Советской страны в области общественного развития, культуры и экономики шел быстрыми темпами. Его просто не с чем сравнить в мире. За последние десять лет Советский Союз достиг такого величия, что было бы очень трудно даже попытаться описать это. Но, пожалуй, одним из самых больших достижений является та все возрастающая роль, которую играет СССР в международной политике. СССР поставил всю свою мощь на сторону освободительного движения, на сторону развивающихся стран, на сторону антиимпериалистической борьбы.

БЕССМЕРТИЕ

В. Ю. АХУНДОВ,
Первый секретарь ЦК КП Азербайджана

Подлинные герои, самоотверженные борцы за счастье людей, принадлежат всем народам. Их делами и подвигами, их именами гордится все человечество. Нет на земле страны, где бы не знали 26 бакинских комиссаров. Они стали символом доблести и мужества в борьбе за торжество добра над злом, света и разума над мраком.

26 бакинских комиссаров — это славный, могучий отряд несгибаемых революционеров-большевиков, верных ленинцев. Они поистине бессмертны. Залечивая раны Отечества после интервенции и гражданской войны, восстанавливая хозяйство страны, строя социализм, сражаясь на фронтах Великой Отечественной, воздвигая фундамент коммунистического общества, всюду и всегда мы чувствовали их рядом. У вечного огня над их могилой произносят слова священной клятвы, приносят присягу юные пионеры и комсомольцы, продолжатели дела 26-ти. Гости из далеких стран, представители самых разных социальных групп, с уважением склоняют голову перед их могилой. Зимой и летом вокруг вечного огня, олицетворяющего неугасимое пламя их сердец, благоухают радужные цветы. Это благодарность, любовь поколений, людей из разных частей света. С большим волнением и очень образно сказал один из гостей нашего Баку: «Теперь я знаю, что Кавказ славен подвигом не одного Прометея, а целой плеяды Прометеев».

Да, комиссары Бакинской коммуны были бесстрашными Прометеями, которые несли сквозь бури и грозы сурового времени немеркнущий факел свободы и счастья для трудящихся. В неимоверно трудных условиях, сложившихся в Азербайджане, в Баку, они героически продолжали дело Великой Октябрьской социалистической революции и до последнего дыхания, до последней капли своей крови боролись против врагов народа, против черных сил зла и мракобесия.

Пролетарский Баку, как известно, первым на Востоке встал на октябрьскую баррикаду. Уже через шесть дней после победы вооруженного восстания в Петрограде красное знамя Советов победно взвилось над Баку. Не случайно Баку, бакинская партийная организация, как цитадель пролетарского интернационализма, привлекали внимание всей передовой России и не раз удостаивались высокой оценки В. И. Ленина. Героические пролетарии Баку были застрельщиками многих классовых битв и являлись одним из передовых отрядов общероссийского революционного движения. В гуще дружной интернациональной семьи бакинских пролетариев, в боях против их заклятых врагов закалились,

завоевали высокое народное доверие комиссары, вошедшие в состав первого бакинского Совнаркома. Это были сыны разных народов, объединенные, сплоченные единством идей и цели, беззаветной преданностью Ленину, его великому делу. Это были замечательные революционеры, высоко поднявшие знамя социалистической революции в Закавказье.

Степан Шаумян, Мешади Азизбеков, Алеша Джапаридзе, Иван Фиолетов, Миргасан Везиров и другие плечом к плечу стояли против натиска озверевших внутренних и внешних врагов. Возглавляемая ими Бакинская коммуна с первых же часов направила свою политику, все усилия на то, чтобы обеспечить боевой союз пролетариев и трудящегося крестьянства с Советской Россией.

За короткое время своей деятельности Бакинский Совет Народных Комиссаров осуществил ряд важных, решающих для судьбы революции во всей России мероприятий. Были национализированы нефтяная промышленность, Каспийская флотилия, рыбная промышленность. Значительно повысилась добыча и перегонка нефти. Бакинский пролетариат, руководимый большевиками Азербайджана, делал все, чтобы обеспечить молодую Советскую республику нефтью, помочь Красной Армии разгромить внутренних врагов и интервентов. За четыре месяца Бакинская коммуна отправила в Советскую Россию около 80 миллионов пудов нефти.

Огромную работу Коммуна проводила среди крестьянских масс, поднимая их на борьбу против помещиков, мусаватистов, эсеров, дашнаков и меньшевиков, которые всячески старались погасить пламя революционной борьбы, вызвать национальные братоубийственные столкновения.

Владимир Ильич Ленин внимательно следил за развитием событий, за ходом революционной борьбы в Закавказье. Деятельность Бакинской коммуны всегда была в центре его внимания, он руководил ею, направлял ее сложную, многогранную работу в труднейших условиях. Рабочие и крестьяне России оказывали братскую помощь борющемуся Азербайджану. Из Царицына в Баку наши друзья и братья посылали зерно.

Враги Коммуны — враги народа не брезгали ничем, чтобы ослабить позиции Коммуны, подорвать ее авторитет, усилить экономические трудности. Саботаж, клевета, поджоги, диверсии, провокации, террор — весь арсенал подлых контрреволюционных средств они направляли против Совнаркома, работавшего в сложнейших условиях послевоенной разрухи и голода.

Несмотря на все трудности, первый Совнарком Азербайджана уделял большое внимание и вопросам культуры, образования, искусства. В Баку были открыты курсы по подготовке воспитателей для дошкольных учреждений. В рабочих районах города создавались детские дома и колонии. По декрету Совета Народных Комиссаров от 12 мая 1918 года школа была отделена от церкви и мечети, вводилось обязательное бесплатное обучение для трудящихся и их детей. Совнарком выделил средства для создания народного театра, рабочих клубов. Были открыты библиотеки. Могучим средством в руках Бакинского Совета Народных Комиссаров была большевистская печать — газеты «Гуммет», «Бакинский рабочий», «Известия Бакинского Совета» и другие.

Социалистические преобразования, осуществляемые бакинскими комиссарами, приводили в ярость помещиков и капиталистов, иностранных империалистов, их прислужников и агентов. Кольцо провокаций и диверсий все теснее сжималось вокруг Коммуны.

Невозможно не восторгаться стойкостью и последовательностью, непоколебимой революционной волей бакинских комиссаров, которые в окружении враждебных сил, ежечасно, ежеминутно сталкиваясь со смертельной опасностью, смело, упорно и настойчиво отстаивали ленинские идеи, первые завоевания революции. Опираясь на высокосознательных, передовых рабочих, коллективно взвешивая каждый шаг, поддерживая друг друга, они находили выход там, где, казалось, не было выхода.

Но враждебное окружение было еще сильно. Оно пользовалось поддержкой международной реакции, империалистов. Летом 1918 года под натиском турецко-германских интервентов и их прислужников — мусаватистов, вооруженных сил английского империализма и его эсеро-меньшевистско-дашнакской агентуры — Советская власть в Баку временно пала. Народные комиссары, верные сыны народа, были зверски расстреляны агентами английского империализма в песках Закаспия. Они погибли, приветствуя восход незакатного солнца революции: «Мы умираем за коммунизм! Да здравствует коммунизм!»

Враги народа, враги большевиков ликовали. Характерно, что к этому кощунственному хору кровавых палачей присоединили свои голоса и так называемые социалисты-революционеры. В газете «Голос Средней Азии», издававшейся в Ашхабаде, где окопались в то время эсеровские заправилы, было опубликовано сообщение о «задержании бакинских главарей большевиков». Нельзя без содрогания читать его. Во всей мерзости обнажается в нем лютая ненависть «социалистов-революционеров» к действительным революционерам, к подлинным борцам за освобождение трудящихся. Газета обвиняла бакинских комиссаров в том, что они «провоцировали и пропагандировали среди населения и солдат и всеми способами дискредитировали новую власть — диктатуру»...

Да, бакинские комиссары до последней возможности выполняли свой долг перед трудящимися и смело разоблачали антинародную, контрреволюционную сущность так называемой «Диктатуры Центрокаспия».

На жаргоне палачей, языком оголтелых варваров газета писала: «Судьба нам снова улыбнулась. К нам в руки попали бывшие вершители судеб Баку... Среди нашей **добычи** (выделено нами.— **В. А.**) находится один из самых знаменитых героев, Шаумян, которого давно окрестили кавказским Лениным... Мы живем в эпоху варварства, так будем пользоваться его законами. Око за око, кровь за кровь, голова за голову. За каждого убитого **эсера и буржуя** — расстрел большевика».

Сейчас на Западе немало «теоретиков» и «практиков» психологического наступления на коммунизм изощряются в проповеди, согласно которой надо допустить существование в социалистических странах наряду с коммунистическими также оппозиционных политических, «социалистических» партий. Эти новоявленные «теоретики» упускают из виду, что рабочий класс, трудящиеся на собственном историческом опыте убедились в предательстве и продажности партии «социалистов-революционеров», они помнят, как в годы суровых испытаний, на всех этапах исторической борьбы труда и капитала только коммунисты последовательно и самоотверженно боролись за освобождение человечества от гнета и произвола эксплуататоров.

Жизнь, борьба и героическая смерть 26 бакинских комиссаров, являя собой ярчайший пример пролетарского интернационализма в действии, в то же время показывают, до каких пределов ожесточения доходят классовые враги рабочих и крестьян, напоминают о том, сколь необходима нам высокая революционная бдительность.

Весть о трагической гибели 26 бакинских комиссаров потрясла рабочих, всех трудящихся страны. Волна народного гнева грозной силой обрушилась на палачей, на врагов Советской власти. Разгул интервентов и их мусаватских наймитов был недолог. В суровых испытаниях освободительной борьбы под руководством большевистских организаций в Азербайджане крепли и закалялись революционные силы. 20 марта 1919 года, через полгода после кровавой расправы над бакинскими комиссарами, Президиум Бакинской рабочей конференции в своем обращении к пролетариату писал: «Товарищи рабочие! Сегодня мы все, как один, должны заявить гнусным палачам, подлым изменникам, всем явным и тайным врагам пролетариата, что от грязных рук палачей пали наши вожди — великие борцы. Они пали, но их память вечно жива в наших сердцах, и святое дело их не умерло. Оно разрослось, приняло более широкие, могучие размеры, как наилучший способ увековечения их памяти. Мы будем теснее сплачиваться.

Пусть сегодняшний наш протест против международных империалистов послужит венком на свежих могилах павших борцов.

Дадим, товарищи, святую клятву, что так же самоотверженно и преданно будем продолжать ту борьбу, на терновом пути которой геройски пали наши вожди и товарищи!

Вечная память павшим борцам!»

27 апреля 1920 года в Баку началось вооруженное восстание рабочих против мусаватского правительства. ЦК АКП(б) образовал азербайджанский революционный комитет во главе с Н. Наримановым. В ночь на 28 апреля мусаватское правительство было свергнуто и провозглашена Азербайджанская Советская Социалистическая Республика. На помощь революционному Азербайджану прибыли части XI Красной Армии.

Освобожденный народ перенес останки бакинских комиссаров в столицу Советского Азербайджана. Их братская могила в сердце Баку стала символом бессмертия, памятником величию человеческого духа, могучей воли и стойкости коммуниста. Трудящиеся нашей страны не забывают героев революции. Имена 26 бакинских комиссаров будут переходить из поколения в поколение как образец пролетарского интернационализма, беззаветного служения делу коммунизма.

Героический подвиг 26-ти вдохновенно воспели наши поэты В. Маяковский, С. Есенин, Самед Вургун и многие другие. В стихотворении «Банкет» из цикла «Европейские воспоминания» Самед Вургун, изобличая матерого поджигателя войны, врага Советского Союза, гордо заявляет ему:

Да, я — бакинец, на твоем пути!
Да, я — наследник двадцати шести!
Ты помнишь все, конечно, старый дьявол!
Так пристальней, пожалуйста, гляди!

Сергей Есенин в своей поэме «26» воспевает бессмертный дух комиссаров, витающий над столицей расцветающего Азербайджана. И невольно думаешь: если бы сегодня наши бакинские комиссары вместе с нами объездили всю республику, все Закавказье, весь наш необъятный Советский Союз! Они увидели бы, какой гигантский скачок совершил Азербайджан — от полуфеодальной окраины России к высокоразвитой республике; они увидели бы новых людей социалистического Азербайджана, изменивших своим созидательным трудом облик любимой Родины, прославивших ее своими научными открытиями, художественными творениями, людей, которые добывают со дна моря нефть и создают у подножия древней горы настоящее море, развивают новые отрасли промышленности — металлургию, нефтехимию, энергетику, машиностроение, многоотраслевое сельское хозяйство; они увидели бы выросшие за годы Советской власти новые города, новые промышленные очаги республики — Сумгаит, Кировабад, Нахичевань, Степанакерт, Мингечаур, Али-Байрамлы, Дашкесан; они увидели бы, что за годы Советской власти у нас построено 15 миллионов квадратных метров жилья — во много раз больше, чем за всю предшествующую историю Азербайджана; они увидели бы, что в республике, как и во всей стране, произошла подлинная культурная революция: там, где до революции 90 процентов населения было неграмотно, ныне осуществляется всеобщее среднее образование, там, где не было ни одного высшего учебного заведения, ныне в 12 вузах учатся 80 тысяч студентов, среди которых 500 юношей и девушек из многих стран Европы, Азии, Африки, Латинской Америки; они, наши бакинские комиссары, увидели бы, как деятели литературы и искусства воспевают жизнь своих соотечественников; они услышали бы, с какой гордостью за своих отцов, за своих любимых героев говорят современники: «Да, мы — наследники двадцати шести!»

В непрестанно цветущей, неуклонно претворяемой в жизнь революционной мечте, в немеркнущей любви поколений — бессмертие славных героев!

Т. Нариманбеков. ЗА СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ.

Баку. Музей искусств.

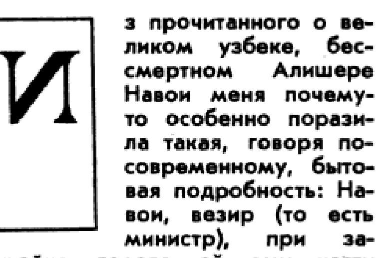

МИНИАТЮРЫ РУКОПИСИ «ХАМСЕ» НАВОИ.

1521—1522 гг.

ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ СЕРДЕЦ

Вячеслав КОСТЫРЯ

Из прочитанного о великом узбеке, бессмертном Алишере Навои меня почему-то особенно поразила такая, говоря по-современному, бытовая подробность: Навои, везир (то есть министр), при застройке дарованной ему части Герата на берегу канала Инджиль не только живо обсуждал с мастерами и ремесленниками, что, где и как возводить, чем и как украшать, но и лично месил глину, носил кирпичи... А историк Хондемир, современник великого Алишера, свидетельствует, что, имея титул эмира, он «старался и радел... также об уплате налогов за бедных и о раздаче милостыни... ему сообщали имена нуждающихся, и он оделял их своей щедростью... Помимо этого, он ежедневно давал много денег кому-либо из своих слуг для раздачи неимущим...»

Не удивительно, что, несмотря на пятивековую толщу времени, отделяющую нас от эпохи Навои, мы сегодня говорим о нем как о нашем друге-современнике — живом, сердечном, мудром. Торжественно отмечая 525-летие со дня рождения великого узбекского поэта и мыслителя, отдавая должное его заслугам перед родным народом, мы вместе с тем особенно признательно называем то, что породнило его со всем человечеством, со всеми народами и временами. Это он, великий Алишер, пять столетий тому назад, в глухую пору феодального деспотизма и духовного мракобесия, сказал:

Высоким званьем «человек»
достоин зваться тот,
Кто о народе никогда
не ослаблял забот.

Беззаветное служение народу... Пожалуй, в этом одна из главных причин, почему мы, люди двадцатого века, с таким интересом читаем сегодня газели, поэмы, глубокие теоретические высказывания Алишера Навои. Каждое новое поколение изучает его жизненный путь, бережно прикасается к его поэтическим откровениям, восхищается его мужеством и целеустремленностью.

Перенесемся же к истокам жизни и творчества великого Алишера.

Географически — это земли Мавераннахра и Хорасана, нынешние территории Узбекистана, Афганистана, Ирана. Здесь проходили торговые пути, связывавшие Среднюю Азию с Индией и Китаем. Здесь сталкивались экономические интересы феодальных властителей, бушевали политические страсти. И здесь же, естественно, била ключом творческая мысль средневекового Востока, высокого уровня развития достигли художественные ремесла. В середине XV века столица Хорасана город Герат, где до 1447 года успешно царствовал последний сын Тамерлана — Шахрух, утвердился как политический и культурный центр этих земель. Медресе и книгохранилища, гостиницы и больницы, бани и мастерские — все это свидетельство столичной исключительности Герата, где особенно энергично бился пульс средневековой жизни.

Здесь, в Герате, в семье знатного горожанина Гиясаддина Кичкинэ, и родился Низамаддин Алишер. В четыре-пять лет он уже учится в школе. Если дома привычно звучит родная тюркская речь, то в школе говорят и преподают только по-персидски и по-арабски. И к тому же на этих двух чужих языках созданы волшебные стихи! Когда Алишер, например, прочитал поэму «Язык птиц» персидского поэта Аттара, он был буквально потрясен. Возможно, это было первым толчком к самостоятельному творчеству. Но стихи у Алишера слагаются не только по-персидски — на общепризнанном языке самой поэзии, он пробует сочинять их и на родном, тюркском, а точнее, как мы говорим теперь, на староузбекском языке. Конечно, он тогда не подозревал, что это было началом великого подвига его жизни — создание узбекского литературного языка, основоположение целой литературы на этом языке, языке простых землепашцев, скотоводов и ремесленников.

Стихи на языке родного народа не хуже передавали мысли и чувства, чем это можно было сделать по-персидски. Более того, они звучали сердечнее, ласкали ухо знакомыми с детства интонациями. Но писать на этом языке было не принято. Правда, среди океана поэтических творений на персидском языке уже были небольшие островки староузбекской поэзии — стихи придворного поэта Улугбека — Саккаки, а также Атаи, Лутфи. Но гибкий, емкий, красочный язык простонародья побуждал Низамаддина Алишера сотворить его выразительными средствами целый поэтический материк. И, думается, неспроста Низамаддин Алишер взял себе псевдоним «Навои», что в переводе значит «Мелодичный». В этом псевдониме чувствуется сильный полемический заряд, решимость отстоять право народного языка жить в высокой поэзии. Позже, в самом конце столетия, в 1499 году, Алишер Навои, уже автор тысячи первоклассных лирических стихов, канонического цикла поэм «Пятерица», ставшей как бы паспортом этому языку в государстве Поэзии, победительно напишет в своем знаменитом трактате «Спор о двух языках»: «Богатство тюркского языка доказано множеством фактов. Выходящие из народной среды талантливые поэты не должны выявлять свои способности на персидском языке. Если они могут творить на обоих языках, то все же очень желательно, чтобы они на своем языке писали стихов побольше». В этом же трактате Навои с полным правом назовет родной язык «сокровищницей, полной сказочных богатств».

И закономерно: иная языковая стихия пришла в поэзию с новым, более прогрессивным содержанием, да, собственно, языковая победа Алишера Навои и была обусловлена этим содержанием, являвшимся новым горизонтом самой истории. В поэзию вторгалась новая действительность, с ее демократическими требованиями, с ее отрицанием социальной несправедливости и духовной ограниченности. И под этим напором жизни теряла свои вековые и довольно расшатанные временем позиции придворная персидская поэзия, переживавшая в те годы убийственный кризис формалистической бесплодности.

В каком бы жанре ни писал Алишер Навои, он наносил разрушительный удар изживающей себя традиции, наполняя стихи целительными соками народной жизни. Газели Алишера Навои, даже при всей строгости жанровых канонов, даже при узаконенной ограниченности тем и образов,— всегда живые свидетельства времени. В них яркие приметы того, чем живет общество, какие проблемы его заботят, каковы его заветные мечты и нравственные идеалы.

Десятки тысяч строк газелей и произведений других стихотворных жанров Алишера Навои — это энциклопедия духовной жизни средневекового Востока. Эти произведения составили знаменитую книгу поэта «Чар диван», что значит «Четыре сборника». У каждого из сборников, или диванов, выразительное название: «Чудеса детства», «Редкости юности», «Диковины среднего возраста» и «Полезные советы старости». Из наиболее дорогих его сердцу стихов этих четырех диванов Навои составляет диван «Сокровищница мыслей», в который вошли избранные **газели, мухаммасы** — газели с пятистрочными строфами, **мусаддасы** — с шестистрочными строфами, **мустезады** — с «наращенными», многострочными строфами, а также **рубаи, туюги** и фрагментарные стихи под названием **«кыта»**.

Поэт видит свое призвание в том, чтобы утверждать на земле справедливость, дарить людям добро, истреблять пороки и обман. В одной из газелей он говорит:

Знай: что посеешь — то
пожнешь!
На поле жизни сей добро!
А сеять семена вражды
и злобы семена зачем?

Или так:

Нет в любви числа печалям
и страданьям Навои,

Словно бы за всех пред небом
он один несет ответ.

Особое место в литературном наследии Алишера Навои принадлежит циклу поэм «Хамсе», то есть «Пятерица». Этот жанр был хорошо разработан в восточной поэзии, начиная со знаменитой «Пятерицы» великого азербайджанца Низами. Известны классические «Пятерицы» Эмира Хосрова и современника Навои, его учителя и друга — великого таджика Абдуррахмана Джами. Но Навои не только писал свою «Пятерицу» языком, который в высшем обществе не считался достойным поэзии, но и в содержание частей цикла привносил такие мотивы и толкования, что его именитые современники, в том числе и правитель Хорасана Султан-Хусейн Байкара (кстати, друг детства и школьный товарищ поэта), начинали сомневаться в политической благонадежности автора. Негласный надзор, а затем в 1487 году и ссылка в провинциальный Астрабад были мерами, которые красноречиво свидетельствуют об отношении современных поэту правящих кругов к вольнодумному мыслителю, ставившему интересы народа и государства превыше всего.

Первая часть «Пятерицы» — это поэма «Смятение праведных», своеобразный пролог, в котором автор воздает хвалу предшественникам и декларирует свою философско-политическую программу процветающего общественного порядка. С поразительной смелостью он клеймит позором властителей, забывающих о благе народа, высмеивает их пороки: корыстолюбие, разврат, невежество, тщеславие.

В двух последующих частях — «Лейли и Меджнун» и «Фархад и Ширин» — поэт создает поэтические образы высокой моральной чистоты и верности, вопреки религиозным установлениям ислама воспевает нравственную и физическую красоту женщины, гневно протестует против низведения ее до уровня вещи, славит созидательную мощь человека, которая победно расцветает только под живительными лучами любви и справедливости.

Эти гуманистические идеи получают дальнейшее развитие в четвертой части «Пятерицы» — в поэме «Семь планет». Ее герой, иранский шах Бахрам Гур, жестоко наказывается за неумение оценить гордую красоту и добро, олицетворенные в образе прекрасной Дилярам, он погибает в «болоте завлечений и удовольствий». В этом произведении довольно прозрачны намеки в адрес правителей-тимуридов и их придворных. И не случайно, рисуя идеальный образ Александра Македонского в пятой части «Пятерицы» — «Стена Искандара», Алишер Навои посвящает эту поэму владыке Хорасана Султан-Хусейну Байкара и молодому Бадиаззаману, наследнику Султан-Хусейна.

Конечно, политическая программа Алишера Навои исторически ограничена, но это программа прогрессивного сына своего века, ее философско-нравственная основа по-прежнему глубоко современна, ибо поэт в каждом своем помысле исходил из интересов народных масс. «Тот, кто причинит народу зло, погубит и себя,— пишет он.— Если ты делаешь народу добро, то от этого и тебе самому больше пользы... Выбирай самый правильный путь — путь разума. Считай разум своим другом и наставником».

Верой в людей, в торжество разума и справедливости проникнуто и другое поэтическое произведение Алишера Навои, одноименное с полюбившейся ему еще в детстве поэмой персидского поэта Аттара,— «Язык птиц».

Целый ряд прозаических произведений написаны Алишером Навои в 90-е годы XV века. Это книга «Собрание редкостных», где собраны записи Навои о поэтах-современниках; книга «Весы размеров» — научный труд об арабском и персидском стихосложении; упоминавшаяся уже книга «Спор о двух языках»; книга «Возлюбленная сердец» (1500 год), в которой собраны заметки поэта о современном ему обществе, о сословиях и свойственном им быте, о том, каким бы хотел видеть это общество поэт.

Эти книги — истоки узбекской прозы. Зрелый, многоопытный Алишер Навои как бы подводил итоги своей жизни, которая прошла через многие испытания и превратности. Ведь уже пятнадцатилетним юнцом он вступил на стезю государственной службы — вместе с будущим правителем Хорасана Султан-Хусейном Байкара был в свите Абуль-Касыма Бабура. После смерти Бабура Алишер переезжает в Мешхед и несколько лет учится там в медресе. В 1464 году, 23 лет от роду, он уезжает в Самарканд, продолжая образование в медресе у Фазуллы Абу-Лейси. А через четыре года, когда в Герате воцарился Султан-Хусейн Байкара, Алишер по старой дружбе приглашается к его двору, получая государственный чин хранителя печати. В 1472 году Алишеру Навои присваивается титул эмира, а вскоре он становится везиром — министром Султана-Хусейна.

Власть и давняя дружба с правителем помогли Алишеру Навои совершить множество благородных, в интересах общества государственных актов. Он был и миротворцем, и защитником бедных от произвола шейхов, факихов, налоговых чиновников, и зодчим-строителем, и в роли нравственного судьи, не боящегося открыто высказывать свое мнение даже самому Султан-Хусейну Байкара. И, уж конечно, он был подлинной совестью времени в своих литературных произведениях.

Каждое отдаление Алишера Навои от государственных дел — будь то Астрабадская ссылка или обычное недоверие Султан-Хусейна — всегда оказывалось чреватым смутой, беспорядками, торжеством тех, кто «насилье выпускают из ворот и грабят для своих пиров народ...»

Разочаровавшись к концу жизни (он умер 3 января 1501 года) во многих своих устремлениях юности, Алишер Навои все же свято нес в сердце огонь веры в счастливое будущее родного народа. Он дал ему литературный язык, он создал на этом языке бессмертные книги, в которых неугасимо горит этот священный огонь веры. И уже то, что ныне, через 525 лет со дня рождения великого сына узбекского народа, его чествуют все народы земли, все прогрессивное человечество, превосходно свидетельствует о нетленной славе великого поэта — языкотворца и мыслителя.

К юбилею Навои узбекское издательство «Фан» готовит замечательный подарок — десятитомное собрание сочинений великого поэта на русском языке. В нем впервые печатаются переводы входящих в «Пятерицу» двух прославленных поэм — «Смятение праведных» и «Стена Искандара». Эти переводы принадлежат перу поэта Владимира Державина.

Предлагаем вниманию читателей отрывки из обеих поэм, отражающих многогранность гения Навои, необъятность его духовного кругозора, глубину этических, социальных и исторических воззрений создателя узбекского литературного языка.

Алишер НАВОИ

ИЗ ПОЭМЫ

„СМЯТЕНИЕ ПРАВЕДНЫХ"

РАССКАЗ О ХАТАМЕ ТАЙСКОМ [1]

Спросил Хатама некий человек:
«О славный муж, я прожил долгий век,

Но кто же равного тебе найдет
С тех пор, как ты простер ладонь щедрот?»

Ответил: «Я под сень шатров моих
Созвал однажды всех людей степных.

Чтоб изобильна трапеза была,
Барашков я зарезал без числа.

На том пиру мне душно стало вдруг.
Я вышел в степь, гостей покинув круг.

И на тропе глухой, среди песков,
Увидел старика с вязанкой дров.

Под этой тяжестью сгибался он,
Кряхтя, на посох опирался он.

Вся хижина телесная его
Шаталася от бремени того.

Так, что ни шаг, он тяжело вздыхал
И, останавливаясь, отдыхал.
Я был взволнован видом этих мук
И ласково сказал ему: «О друг,

Твой непосилен груз! Тебя язвит
Колючек ноша, как гора обид.

Ты — житель степи,— видно, не слыхал,
Что здесь у вас Хатам с шатрами стал.

Что он, дабы в сердцах посеять мир,
Всех, злых и добрых, звать велел на пир?

Сбрось ты колючек ношу с плеч долой!
В цветник добра, на пир идем со мной!»

Мое волненье увидал бедняк;
Он улыбнулся мне и молвил так:

«Цепями алчности окован ты,
На шее у тебя — петля тщеты.

На башню благородства никогда
Не вступишь ты, не знающий труда.

Поверь: мой тяжкий труд не тяжелей,
Чем иго благодарности твоей.

И лучше мне трудом дирхем [2] добыть,
Чем от Хатама стадо получить!»

[1] Хатам из племени Тай — легендарный герой, прославившийся своей щедростью.
[2] Мелкая монета.

Рисунки С. БРОДСКОГО.

И не сказал в ответ я ничего,
Склонясь перед величием его».

* * *

О Навои! Будь сердцем щедр во всем,—
Да будет сам Хатам твоим рабом!

Дай чашу, кравчий, щедро нам служи.
Пример Хатаму Тая покажи!

Мы бедны. Не на что купить вино,
Тебе лишь море щедрости дано!

РАССКАЗ О БАХРАМЕ-ГУРЕ [1]

Когда из мира Язди-Джирд [2] ушел,
Бахрам воссел на отческий престол.

Но вместо управления страной
Он затевал вседневно пир горой.

Коль царь умеет только пить и спать,
Враги начнут державу разрушать.

Бахрам, в угодьях рыская степных,
Не видел горя подданных своих.

Его вельможи грабили казну
И разоряли славную страну.

Охотился Бахрам в глухих степях.
Отстала свита; заблудился шах.

Шалаш разрушенный увидел он,
Услышал чей-то тихий плач и стон.

Дом обвалился, словно дом души,
От всех таящей боль свою в тиши.

В стене торчали стрелы, след вражды,
Насилия или другой беды...

В руину царь вошел и видит в ней
Ограбленных, измученных людей.

Хозяин бедственной лачуги той
Принес Бахраму хлеб, кувшин с водой.

«Как ты живешь?» — спросил его Бахрам.
Ответил: «Как живу, ты видишь сам».

Бахрам сказал: «Всю правду мне открой,—
Что здесь случилось с ними и с тобой?»

Ответил: «Прежде лучше нам жилось,
Пока гонение не началось.

Наш новый царь вино беспечно пьет,
Не видит он, как мучится народ.

Царь спит, а слуги царские в тот час
Идут и грабят беззащитных нас.

Вся эта столь богатая страна
В пустыню мертвую превращена».

Руины замка увидал Бахрам,
Спросил: «Скажи, что прежде было там?»

Ответил: «Это был богатый дом,
Прекрасный сад старинный рос кругом.

Цвели там розы, зрели там плоды,
Журчал поток каризовой воды.

От тех живых неистощимых вод
У земледельца множился доход.

Насильники, что грабить нас взялись,
Разрушили, засыпали кариз [3].

Сады погибли, высохли поля,
Мертва неорошенная земля.

Край обезлюдел, рушатся дома,
Как будто здесь у нас прошла чума.

Сам погляди — что с этих взять людей?
А слуги шаха все лютей и злей.

Мы — нищие, все отняли у нас,
Нам нечем жить. Пришел последний час!»

Все понял шах: мучительным огнем
Душа, скорбя, воспламенилась в нем.

Меч состраданья грудь ему терзал,
От горя ком под горло подступал.

От сердца прочь беспечность отошла,
Увидел ясно он все корни зла.

Решил он — притеснителей казнить,
Добро и справедливость утвердить.

Великую он в этом клятву дал...
Тут кто-то с вестью доброй прибежал:

«Как мы взялись раскапывать кариз,
Воды прозрачной струи полились!»

Хозяин молвил: «Милостив творец!
Видать, наш царь-пьянчужка наконец

Над нашим горем сжалился душой.
Вода! К добру, наверно, знак такой!»

Встал царь, дехкана поблагодарил
И щедро всех несчастных одарил.

Он истребил насилие и гнет,
От лихоимства защитил народ.

И правда им была утверждена,
И снова расцвела его страна.

Великий шах живет — известно мне —
Заботой о народе и стране.

За то и раем Хорасан зовут,
Что люди в благоденствии живут.

* * *

Мой шах! Мечты да сбудутся твои!
Да будет радость в том и Навои!

Эй, кравчий, поспеши фиал налить,
Хочу достойно шаха восхвалить!

Душа моя скорбит, угнетена.
Я смою гнет живой водой вина.

ИЗ ПОЭМЫ

О ПРАВДИВОСТИ

Того в подлунной счастье озарит,
Кто неуклонно правду говорит.

Кто исполняет все, что обещал,
Тот обретает все, что пожелал.

Будь верен клятве, помня в час любой
Завет творца: «Обет исполни свой!»

Ты слово дал — так сохрани его,
Как заповедь пророка самого.

Долг неисполненный — источник мук,
Он весом — волос, а гнетет, как вьюк.

Лжецу не верят, чтó б он ни сказал,
Хотя б слова корана повторял.

И как высóко лжец ни возведен,
Доверия ни в ком не встретит он.

Жил некий лжец. Беда пришла к нему —
Пожар случился у него в дому.

Кричал он, звал на помощь... а народ
Негодовал: «Смотрите, как он врет!»

Сгорело обиталище лжеца;
И услыхал он слово мудреца:

«Кто лжет во всем, забывши божий страх,
То ведь и правда — ложь в его устах.

Ты лгал всю жизнь, судьбу свою губя...
Так жалуйся на самого себя!»

Дом строили царю одной страны;
Был нужен ровный столб — без кривизны.

И дерево пригодное нашли
У бедной бабки — на клочке земли.

Но дерево она не отдала —
Ни на какую сделку не пошла.

И золота верховный казначей
По весу дерева отсыпал ей.

И, поваливши древо и забрав,
Поставили, умело обтесав,

Опорой дома царского всего
И оковали золотом его.

Тогда старуха в царский дом пришла
И, дерево обняв, произнесла:

«Лишь потому, что ты прямым взросло,
Себе и мне ты радость принесло».

Где справедливый утвержден закон,
Там бедствовать народ не принужден.

Коль честным человека воспитать,
Не может он кривить душой и лгать.

Особенно царю претить должна
В делах его и мыслях кривизна.

Ты помни, чтобы в бездне не пропасть,
Что правда выше, чем венец и власть.

Кому дано на троне восседать
И слово знаком перстня утверждать,

Тот прямоты и честности держись,
А лживым от геенны не спастись.

Коль верен человек своим словам,
То, значит, он и по природе прям.

Кто прав и в правоте уверен, тот
В день испытанья тьму врагов побьет.

Пред кличем правдолюбца боевым
Враг побежит, смятением гоним.

И птицы неба захотят слететь
В разумно им расставленную сеть.

Но как врага ты в друга превратишь,
Не веря сам тому, что говоришь?

Терпенье, размышленье превратят
В усладу сердца кислый виноград.

Рассказывал мне старый чудодей
О заклинателях индийских змей —

Как зорко заклинатель за змеей
Следит и обезвредит в миг любой.

Когда красноречивый говорит,
Народ как зачарованный молчит.

Так, внемля наю [1] в глубине лесной,
Змея сама становится ручной.

А человек — змеи не хуже он,
Ведь он умом и сердцем наделен.

Бывалый водолаз в пучине вод
Из пасти у акулы перл возьмет.

---

[1] Бахрам-Гур — персидский шах из династии Сасанидов (V в.).
[2] Язди-Джирд — отец Бахрама, был известен своей жестокостью.
[3] Подземный оросительный канал.

[1] Искандар — Александр Македонский.

[1] Свирель, символ прямоты в восточной поэзии.

За жемчугом, подолгу не дыша,
Ныряет он — бесстрашная душа.

Так сладкоуст, когда он говорит,
Внимающим жемчужины дарит.

А даром речи каждый наделен;
Разумной речи только скот лишен.

Но речь рождается в сердцах людей,
Добро живет и зло таится в ней.

Живого можно словом погубить
И мертвого из гроба воскресить.

Коль слово служит разуму, вовек
Не скажет злого слова человек.

Коль мудрый человек красноречив,
Он будет и в делах своих правдив.

Коль правду добромыслящий гласит,
Бог по его желаньям совершит.

О ПРИЯТНОСТИ ВЕСНЫ

Прекрасный мира сад меня влечет.
Прекрасен утра юности восход.

Дни юности, как воды с крутизны,
Свергаются, но радости полны.

Весною к голубым лугам Овна́[1]
Идут пастись и солнце и луна.

И обрастают молодой листвой
Нагие ветви с новою весной.

Гремящие громады облаков
Идут, как стадо боевых слонов.

То, низвергая брызги вдалеке,
Смотри,— слоны купаются в реке!

И капли падают из темных туч,
Как с каменных боков слоновых круч.

Не капли — струи, бурная река!
Весенние несутся облака,

Не капли рассыпая — жемчуга
На синие моря и на луга.

Трава открыла кровь глубинных жил,
И красный свой фиал тюльпан раскрыл.

Но в чашечке тюльпана чернота,
Дурная у него в крови черта.

Огнонный луг, цветением объят,
Перепоясал шелком свой халат.

Такие расцвели цветы в саду,
Что равных им я в Чине не найду.

Вкруг кипариса, красно-золотой,
Как волос, вьется дягиль молодой.

И дягиля высокие цветы,
Как амбровые кудри, завиты.

Фиалка к говорливому ручью
Склонила томно голову свою;

Она хмельна, хоть из ручья пила,
Недаром полы риз подобрала.

И у нарцисса день за днем пиры,
А пьет он из лимонной кожуры.

И, набекрень колпак напялив свой,
Он в полудреме никнет головой.

Цвет лилии белеет невдали,
Иль то Меджнун тоскует о Лейли?

Или душой от мира он ушел
И радость в отрешенности обрел?

Пылает роза, пламени красней;
Над ней, как саламандра, соловей.

---

[1] Созвездие.

Но роза не гнездо его сожгла,
А существо само его сожгла.

Несется по полям гонец ветров,
Стеля шелка стоцветные ковров.

Как фонари, тюльпаны зажжены,
Но чернью их сердца заклеймены...

И ветерок, когда о том узнал,
Их лепестки по степи разметал.

А роза белая, полна красы,
Отяжелела в серебре росы.

И на рассвете инеем блестит
Роса, что цвет весенний тяготит.

В ту пору расцветает аргуван,
Весь в пурпуре — блистает аргуван.

И восхищает он сердца людей
Багряною одеждою своей.

Из тучи капли падают, блестя,
Круги на влаге циркулем чертя.

Нет, ты взгляни: без циркуля они
Круги и кольца чертят, как Мани́ [1].

Блистая станом дивной красоты,
Подвесил тополь серьгами цветы.

И, как Эдем, цветет весенний луг,
Где кипарисы стали в полукруг.

И дождиком на рощи и луга
Апрель свои рассыпал жемчуга.

Несутся грозовые облака,
Раскатывая гром издалека,

И львиным ревом содрогают степь
И синих молний разрывают цепь.

Живую воду мы сравним с дождем,
Нить ливня нитью жизни назовем.

Идут — за водоносом водонос —
Над степью тучи в полыханьи гроз.

И воплощается душа травы
В ростки, цветы и яркий блеск листвы.

А в том, кого не радует весна,
Жизнь не жива, душа омрачена.

В том человеческого сердца нет,
Кого весны не опьянит расцвет.

Вот распустилась роза, и над ней
Поет, гремит, стенает соловей.

Но тот под сени сада не придет,
Кто встречи с другом избранным не ждет.

А мы за Искандаром в сад сойдем,
Осыпанный сверкающим дождем.

* * *

Эй, кравчий! Чашу счастья поднеси,
Мой мозг усталый ливнем ороси!

Чтоб ожил я, испивши чашу ту,
Как степь в благоухающем цвету!

Последним бейтам [2], мой певец, внемли,
Печаль души напевом утоли!

О Навои, ты все свершил, что мог,
Твои наво [3] тебе внушил твой бог.

Не спи! В сияньи утренней зари
Дарующего свет благодари!

---

[1] Мани — легендарный художник.
[2] Бейт — двустишие.
[3] Наво — мелодия.

Перевел со староузбекского
Владимир ДЕРЖАВИН.

Интервью «Огонька»

ГРУППА „Б" БЕРЕТ РАЗБЕГ

Н. МИРОТВОРЦЕВ
Заместитель председателя Госплана СССР

Производство промышленной продукции по признаку фактического ее использования экономисты подразделяют на две группы — «А» и «Б».

Группа «А» — это продукция, направляемая для дальнейшей промышленной переработки или производственного потребления, производство средств производства, обеспечиваемое в основном предприятиями тяжелой индустрии.

Группа «Б» — это все, что делается для личного потребления: изделия легкой и пищевой промышленности, холодильники, телевизоры, мебель...

Корреспондент «Огонька» обратился к заместителю председателя Госплана СССР Николаю Николаевичу Миротворцеву с просьбой ответить на несколько вопросов, касающихся развития группы «Б».

Вопрос. Характерной чертой нынешней пятилетки является значительное ускорение производства товаров народного потребления и сближение темпов роста продукции группы «Б» и группы «А». Чем это вызвано?

Ответ. Вопрос выходит далеко за рамки узкоэкономических проблем. Пропорции в развитии производства продукции групп «А» и «Б» — это лицо страны.

Как известно, Россия представляла собой отсталую в индустриальном отношении страну, ее промышленная продукция составляла в 1917 году менее 3 процентов мирового производства. После победы Октябрьской революции независимость и само существование первого в мире социалистического государства могли быть гарантированы только при условии быстрого роста экономического и оборонного могущества нашей Родины. А это, в свою очередь, зависело от того, какие будут определены пропорции в развитии групп «А» и «Б». Партия, как известно, взяла курс на скорейшее развитие группы «А».

В годы первых пятилеток мы, ограничивая себя в питании и одежде, сознательно отказываясь от многих бытовых удобств, почти все имевшиеся финансовые и материальные ресурсы использовали для строительства тяжелой индустрии. На ее развитие в этот период было направлено 85 процентов капитальных вложений. Темпы роста группы «А» более чем в два раза превысили темпы развития группы «Б». В невиданно короткий срок была создана современная тяжелая индустрия.

История подтвердила правильность такого курса. Именно благодаря тому, что мы располагали могучей индустрией, наша страна смогла разгромить немецко-фашистские полчища, а в послевоенный период быстро восстановить народное хозяйство и выйти на новые рубежи строительства коммунистического общества.

В настоящее время Советский Союз располагает первоклассной тяжелой промышленностью, способной обеспечить все нужды государства, включая и необходимость поддерживать на должном уровне нашу оборонную мощь. Более того, теперь наряду с высокими темпами роста группы «А» имеется возможность направлять крупные средства для ускоренного развития группы «Б», непрерывно повышать жизненный уровень народа.

Как того требуют Директивы XXIII съезда КПСС, производство предметов потребления увеличится за 1966—1970 годы на 49 процентов, а средств производства — на 55. За первые два года пятилетки опережение развития группы «А» составило примерно 18 процентов против 50 за прошлое пятилетие. В плане на нынешний год предусмотрен более быстрый рост выпуска товаров для населения по сравнению с тем, что даст группа «А».

Вопрос. Итак, группа «Б» наращивает темпы. С точки зрения покупателя, этот процесс прост и ясен: в магазинах появляется больше необходимых товаров и можно купить то, что раньше не всегда удавалось приобрести. Но, чтобы прийти к такой простой, с точки зрения отдельного человека, цели, несомненно, нужно решить массу сложнейших экономических проблем. Расскажите, пожалуйста, об этом.

Ответ. Да, проблем и трудностей на нашем пути немало. Хозяйство страны — сложнейший организм. Каждая экономическая проблема связана множеством нитей с сотнями других. Поговорим, для примера, лишь об одной из них.

Объем производства легкой и пищевой промышленности в гораздо большей степени, чем другие отрасли промышленности, зависит от состояния сельского хозяйства. Известно, что в предшествующем пятилетии ежегодный прирост сельскохозяйственной продукции составил лишь 2,4 процента. Разумеется, это значительно тормозило разбег легкой и пищевой промышленности.

Партия и правительство наметили и успешно осуществляют меры по увеличению сельскохозяйственного производства. В текущей пятилетке по сравнению с предшествующей оно сделает большой шаг вперед. За последние два года его среднегодовой прирост составил 4,7 процента — примерно в два раза выше, чем в минувшем пятилетии.

Такие высокие темпы — лишь одно из непременных условий хорошего разбега группы «Б». Но есть и другие, не менее важные. Очень много должны сделать строители. Только в легкой промышленности нужно построить и реконструировать несколько сот предприятий, которые должны обеспечить население страны дефицитными сейчас товарами.

Так, за пять лет у нас будет построено свыше 30 крупнейших комбинатов по производству хлопчатобумажных, шерстяных и шелковых тканей и около 150 крупных трикотажных, обувных и швейных предприятий. Выпуск бельевого и верхнего трикотажа в 1970 году составит свыше 1 400 миллионов штук и кожаной обуви — 673 миллиона пар. Намного возрастет производство разнообразных швейных изделий. Ускоренный рост выпуска одежды, обуви и других предметов широкого потребления ставит серьезные задачи перед машиностроителями и химиками, призванными в короткие сроки оснастить легкую индустрию современным, высокопроизводительным оборудованием, обеспечить ее в достатке широким набором синтетических волокон.

Вопрос. Следовательно, возможности увеличения производства средств потребления есть. А каковы возможности для улучшения их качества?

Ответ. За последние годы сделан значительный шаг вперед — расширяется ассортимент изделий, улучшается их качество. Тем не менее в ряде случаев по-

купатели справедливо предъявляют серьезные претензии к внешнему виду, отделке, качеству одежды, обуви, трикотажных и других изделий. В значительной степени это связано с тем, что не на всех предприятиях культура производства находится на должном уровне, не всегда сырье и материалы по ассортименту и качеству соответствуют тем изделиям, для которых они предназначены, недостаточно оборудования, отвечающего современным требованиям.

Здесь свое веское слово должны сказать предприятия группы «А», вооружающие производство предметов потребления новейшей техникой, поставляющие необходимые сырье, материалы. Большой вклад в улучшение качества изделий вносят наши ученые, конструкторы, инженеры, художники, модельеры.

Вопрос. Известно, что многие предприятия тяжелой индустрии также производят предметы народного потребления. Стоит ли, скажем, авиазаводам выпускать холодильники и стиральные машины, а заводам тяжелого машиностроения — детские коляски?

Ответ. Стоит. Эти предприятия располагают хорошей материально-технической базой, квалифицированными кадрами. Организация производства товаров народного потребления в их цехах экономически эффективна, позволяет более полно использовать имеющиеся технические, материальные и трудовые ресурсы. Кроме того, при новой, более гибкой и рациональной системе планирования заводам тяжелой индустрии выгодно выпускать товары для населения.

Надо сказать, что это «побочное производство» группы «А», развиваемое, разумеется, ни в коем случае не в ущерб основным задачам, составляет немалую долю в общем выпуске предметов народного потребления. Так, например, почти три четверти всех изготовляемых в стране товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода — пылесосы, холодильники, стиральные машины, телевизоры, металлическая посуда, утюги — поставляют торговле предприятия тяжелой индустрии. В текущем пятилетии ее участие в техническом вооружении быта советских людей еще больше увеличится. К концу пятилетки удельный вес товаров народного потребления, выпускаемых предприятиями тяжелой индустрии, составит почти 17 процентов от всего объема продукции группы «Б».

Повышение материального благосостояния населения является всенародным делом. Для человека, пришедшего в магазин, не имеет значения, какая отрасль промышленности предлагает ему телевизор или мясорубку. Главное, чтобы товары имелись в магазине, были бы недорогими и хорошего качества. Это опять-таки с точки зрения покупателя. С точки же зрения экономиста, одной из основных особенностей текущей пятилетки является ускоренное развитие производства товаров народного потребления. Это — очень примечательное явление. Разбег группа «Б» взяла хороший. Теперь задача состоит в том, чтобы и дальше обеспечивать непрерывный рост производства товаров для народа.

Что, где, когда? — «Огонек» отвечает на письма читателей

ГОСТ и лучше ГОСТа

Вопрос подсказан статистикой

Обратил внимание на ту часть сообщения Центрального статистического управления, где говорится, что потребление хлеба и сахара в нынешнем году ниже, чем в прошлом. В чем тут дело?

В. СИЛАНТЬЕВ. Новосибирск.

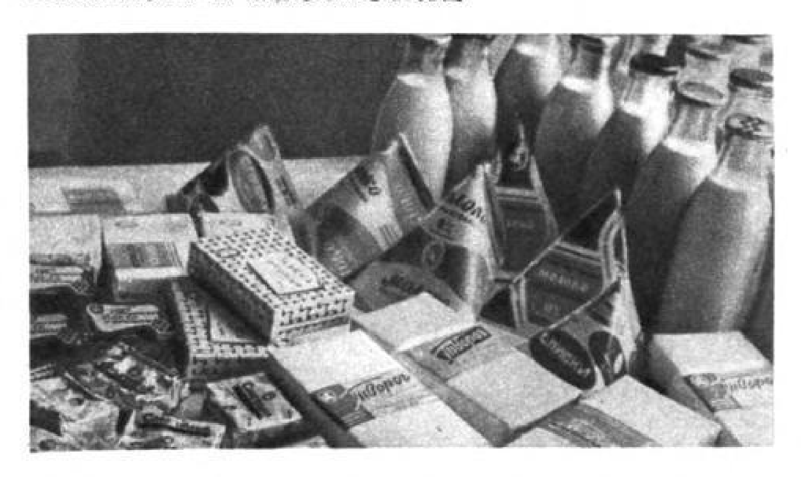
Чтобы ответить на этот вопрос читателя, иду в Министерство торговли РСФСР, беседую с начальником управления торговли хлебопродуктами М. В. Ватником. Он раскрывает динамику торговли хлебом, которая утверждает:

— Меньше стали есть хлеба. Он уже не занимает в семейном меню то место, которое было прежде. А теперь его потеснили другие продукты. Правда, хлеб, как говорят, всему голова. Но и хлеб хлебу рознь. Ассортимент меняется заметно. Покупают хлеба меньше, но зато лучших сортов. Выпекавшиеся много лет «ржаной» и другие сейчас уступают место «столовому», «орловскому», «обдирному». Если общее потребление хлеба несколько уменьшается, то за тот же период спрос на высшие сорта возрос более чем на 15 процентов. Так что говорить о снижении потребления хлеба приходится с оговорками. Например, в Новгородской области в 1966 году было израсходовано более 131 тысячи тонн муки, из них только 44 тысячи тонн сортовой. На первое же полугодие 1968 года области потребовалось всего лишь 50 тысяч тонн муки, но доля сортовой в ней заметно возросла — более 22 тысяч тонн. В первом полугодии 1967 года изделия из особо высококачественной муки составляли немногим более 67 процентов от общего количества хлеба, выпеченного в России, а в первые шесть месяцев нынешнего года израсходовано почти 75 процентов такой муки. В РСФСР сейчас более 200 магазинов, имеющих в постоянной продаже хлебобулочные изделия не менее 50—60 наименований. Есть из чего выбрать! Таким образом, как видите, хлеб-то покупают, но с большим, чем прежде, выбором.

Та же картина и с сахаром. Сам по себе он находит спрос несколько меньший, но резко растет выпуск конфет, различных кондитерских изделий. Только в нынешнем году разработано несколько десятков сладких новинок.

С. КРУТОВ

Стакан молока

Топленое молоко, глазированные сырки и подобные им вкусные вещи появились в магазинах не так давно, а уже успели всем понравиться. Какими другими новинками собирается порадовать нас молочная промышленность? И еще: вкусные вещи, по-моему, должны и глаз радовать своей упаковкой, и упаковку стоит делать попрочнее. Бумажные пакеты для молока, например, частенько разваливаются. Думают ли об этом работники промышленности?

Г. СМИРНОВ, Ленинград.

Едем в Останкино к генеральному директору объединения «Молоко» Н. И. Антонову. Четыре крупных завода, два поменьше и три холодильника — это и есть флагман молочного дела в стране.

— Сначала о новинках, — начинает Николай Иванович. — Объединение приступает к выпуску стерилизованного молока в пакетах. Питательная ценность его высока, срок хранения — десять и более дней. Разработана рецептура вкусных сливочных сыров — высококалорийных, питательных, с различными наполнителя-

Три тысячи «сверхплановых» мелочей

По-моему, пришла пора всерьез заняться мелочами быта и решительно ввести в домашнее хозяйство малую механизацию, как говорят у нас на заводе. Интересно, что думают по этому поводу товарищи из торговли и промышленности.

М. УСКОВА. Москва.

Чтобы ответить на этот вопрос читателя «Огонька», наш корреспондент побывал в московском магазине «1 000 мелочей».

Из газет известно, что Государственный знак качества присужден некоторым изделиям тяжелой промышленности, машиностроения. Присваивается ли он лучшим товарам народного потребления?

Л. КАГАНОВ. Минск.

...Если идти вслед за служебным определением, то Государственный знак качества — это высшая степень аттестации изделия. Рассчитывать на такую аттестацию может лишь та серийная и массовая продукция, показатели которой выше требований ГОСТа.

Сравнительно недавно такого отличия удостаивались лишь немногие товары. Поистине избранные. Отрадно отметить, что их количество растет. Только в нынешнем году на аттестацию было выдвинуто несколько сот изделий легкой и пищевой промышленности. Присвоен знак «Юбилейному» печенью, высокой оценки заслужили выпускаемые фабрикой «Красный Октябрь» конфеты «Столичные», а также пиво «Юбилейное», грильяж в шоколаде. И один торт — «Кольцо».

— Такие изделия — привилегия только тех предприятий, на которых они разработаны? — поинтересовался я в Министерстве пищевой промышленности СССР.

— Вовсе нет. Технология их изготовления, рецептура доводятся до многих родственных предприятий — выпускайте! Но при одном условии — не снижая качества, не отступая от «эталона».

Интересно работает ситценабивная фабрика имени Веры Слуцкой. Ее набивной марнизет с особо прочным красителем, широкой гаммой расцветки, специальным видом отделки мягок, эластичен, легок — лучшая наша платьевая хлопчатобумажная ткань! Внесли свой вклад в расширение ассортимента товаров, удостоенных знака качества, текстильщики и других предприятий. Драп «подмосковный» Купавинской тонкосуконной фабрики. В нем — рациональное сочетание шерсти с синтетическим волокном. Отличны костюмные ткани «визит» и «палуж» — они носят марку Брянского камвольного комбината и созданы его работниками. 120 тысяч метров «визита» — 40 тысяч костюмов. В 1968 году покупатели получат также 200 тысяч метров «палужа». Об этом нам рассказывает главный инженер комбината Р. И. Волошина.

— Приятно, что два вида наших тканей удостоены такого признания,— замечает она.— И «визит» и «палуж» имеют оригинальное оформление, модную структуру. Существует 40-балльная система оценки тканей. Так вот, обе эти ткани «выбили» из нее по 40 очков — как говорится, сто из ста. Сейчас мы разработали и готовим к аттестации еще одну ткань — назвали ее «грот». Все, кто уже знает это костюмное трико, хвалят его. В нынешнем году из цехов предприятия выйдут первые пятьдесят тысяч метров новой ткани.

Право носить знак качества заслужили модельные туфли киевской фабрики № 6, ткань «вира», некоторые изделия рижской трикотажной фабрики.

В Министерстве торговли нам сообщили:

— Изделия, получившие Государственный знак качества, пользуются повышенным спросом. И чем больше различных товаров будет аттестовано, тем выгоднее и государству и покупателям. Да и самим предприятиям.

К. МАРИН

ми. И еще один сыр вскоре отведают москвичи: закусочный, типа камамбера.

Показываю Николаю Ивановичу письмо из Ленинграда.

— Разделяю точку зрения автора,— говорит генеральный директор.— Не только покупатели, но и торговля много теряет из-за непрочных бумажных пакетов. В нынешнем году предполагается на останкинском заводе пустить автоматизированную линию для производства ламинированной бумаги: она покрыта изнутри полиэтиленовой пленкой. Уж из нее-то пакеты будут прочными.

В Министерстве мясной и молочной промышленности РСФСР беседуем с Владимиром Федоровичем Пышкиным, членом коллегии, начальником «Росглавмолпрома». Он, в частности, рассказывает:

— Производство молока быстро растет. Сейчас наши предприятия полностью удовлетворяют заказы торговли на молочные продукты. В нынешней пятилетке ожидается значительный рост выпуска готовой продукции и увеличение ассортимента.

Магазины получат больше разных видов творога, сырков, новых сыров, созревающих в полимерной пленке. В дальнейшем намечаем выпускать новую упаковку — полистироловые стаканчики, коробки, пленки, тубы.

А. ВЛАСОВА
Фото Г. Санько.

ХИМИЯ В ПЕРЕДНИКЕ

Дорогие товарищи! Вашего порошка «Песувалгендая», что, как мы знаем из перевода на этикетке, означает отбеливатель белья, у нас в Одессе не найти. В шутку принято говорить, что в Одессе, где я живу, все можно достать... А вот отбеливателя — нет! Прошу вас помочь мне.

А. КИЗИЛОВА, Одесса.

Валентина Меллик и Айно Талихярм, инженеры-химики из эстонского производственного объединения бытовой химии «Флора», улыбаются. Таких писем-просьб сюда приходит много.

...Кажется, еще не так давно бабушка расстилала холсты на твердом мартовском снегу, чтобы выбелили их весенние лучи, влажные снегопады да ночные морозы. Или кипятила белье в щелоке, боясь недосинить или, еще хуже, пересинить, подолгу отполаскивала его в ледяных реках. Теперь, например, таллинским жительницам ничего этого не надо делать — достаточно опустить белье после стирки в раствор отбеливателя, и оно уподобится сиянию горных вершин.

Заведующий лабораторией Эвальд Эльманн рассказывает:

— Новый отбеливатель — это полгода работы, десятки, а может быть, и сотни рецептов и проб. У него тройной эффект: один из компонентов способствует быстрой и ровной смачиваемости ткани, второй химически разрушает особенно въедливую грязь, а третий, называющийся на языке химиков «краситель прямой белый», придает белью снежную яркость.

Зимой в Таллине отбеливателя, в общем, хватает: «Флора» выпускает пять миллионов пакетов в год. А вот летом — не всегда: гостям Эстонии этот порошок тоже очень нравится. Например, только Москва хотела бы иметь в год пятьдесят миллионов пакетов. Значит, надо скорее расширяться.

«Флора» знаменита не только отбеливателем. Спасибо таллинским химикам и за стиральный ароматизированный порошок «Пирита»; после него белье пахнет чистотой речной воды и чуточку хвоей; за «Флорапон» — универсальный моющий крем и универсальную пасту для чистки кастрюль и раковин; за «Дипро» — жидкое моющее вещество для тканей всех видов. Ну, а свечи «Романтика» — цветные, фигурные, ароматические и романтические, а также миниатюрные для украшения праздничных тортов и именинных кренделей — кому они не нравятся?

А что в перспективе? Стиральные и кухонные пасты. Средства для мытья автомобилей. Сверхпрочные клеи. И большое желание привести эстонскую бытовую химию к уровню мировых стандартов.

Н. РЕБРОВА

В лаборатории «Флоры». Старший инженер Айно Талихярм (слева) и лаборантка Анне Роозмаа.
Фото В. Салмре.

Название это устарело; во всяком случае, оно неточно: в отделах и на прилавках магазина, на его складах никак не меньше четырех тысяч различных изделий. Виноваты в такой «дискредитации» названия магазина его директор Михаил Карпович Симуни, его коллеги и многие промышленные предприятия, базы, которым директор каждый день заказывает что-нибудь новенькое. У магазина установилась добрая деловая дружба с несколькими фабриками и заводами (ну, хотя бы с тем, что начал делать мангалы и яйцерезки), которые не отмахиваются от конкретных просьб торговли, и поэтому на прилавках всегда есть что-то такое, чего не сыщешь ни в одном другом магазине.

— Промышленность в последнее время все охотнее контактирует с торговлей, стремится учитывать наши пожелания; в конечном счете от этого выигрывает и покупатель и товарооборот,— замечает М. Симуни.

Немыслимое дело — рассказать обо всех товарах, поступивших в магазин только в последнее время; замечу лишь, что за год примерно на 170—180 изделиях появляется надпись: «новинка».

Что за новинки? Неплохой туристский мангал для шашлыка, яйцерезка, шашлычница, умещающаяся в духовке газовой плиты, домашний полуавтомат для приготовления пельменей, сифон для воды, зажигалки для газовых плит, термос для супов и вторых блюд, щипцы для находящегося в баке с кипящей водой белья...

Магазин просит — заводы дают. Вот и сейчас я присутствую при переговорах, которые завершатся появлением в магазине особой ложки, пока не имеющей названия, но универсальной — ею можно будет без особого труда и навыка вынуть из кипящей воды и яйцо и сосиски...

Мелочь есть мелочь, но в этом магазине она главная, вокруг нее все заботы. Поэтому так обрадовался директор, когда одно из предприятий предложило нехитрый, но очень удобный крючок для хозяйственных сумок; стоит он 40 копеек и, пока не получил широкого паблисити, скромно пребывает на прилавке. Когда же узнают о его достоинствах, тотчас раскупят.

Магазин заказал и ждет начала массового выпуска электромангала, автосифона большей, чем делаются ныне, вместимости и современной формы, цепи для колеса забуксовавшего автомобиля, квартирного звонка, не пугающего резким звуком, а позванивающего мелодично, каната для буксировки легкового автомобиля...

Магазин заказал, но он весьма озабочен тем, что вещи эти идут пока крохотными партиями. Многого, очень многого из того, что принято называть мелочами, еще нет. Обычного шила в магазине не найти. Не производят... Или утюги... После планового «девятого вала», когда электроутюгов было много и разных, снова наступил период «дефицита». Здесь, оказывается, существуют своеобразные приливы и отливы — лет десять назад электроутюги были даже более дефицитны, чем сейчас, потом наступило этакое «утюжное изобилие», сейчас сменившееся «утюжным голодом». Исчезли с полок магазина и мясорубки — их тоже нет. Вдруг сняли с производства водоумягчитель, не попадает в магазин также рублевый воздухоувлажнитель — вещица незатейливая, но полезная в каждой городской квартире.

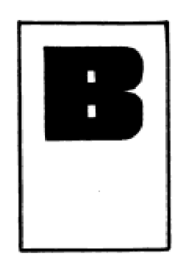
Словом, не все ладно в «мелочном хозяйстве», а работники магазина вовсе бы не возражали, чтобы в номенклатуре «торговой точки» была не тысяча, как определено рангом, даже не четыре тысячи, как ныне, а шесть и восемь тысяч изделий. Правда, тогда придется расширять и без того тесный магазин, но это уже другая забота.

К. КОСТИН

Эдик и Садко

Н. ХРАБРОВА

Вот беда — одолела скука моего соседа Эдика. Прямо как есть в расклешенных своих брюках повалился на диван. Полежит вот так, потом включит радиоприемник — и прощай тишина. У соседа моего хобби: он слушает «поп», то бишь популярную музыку. Разумеется, не на своих, не на советских волнах. Самые разнообразные чужие «голоса» услужливо подсовывают ему в уши свои передачи. В общем-то юный сосед мой — славный парнишка; иногда по его приглашению я пытаюсь быть «гибкой» и даже пробую слушать эту самую поп-музыку. Только ведь у каждого из нас насчет музыки свое представление, и никак не могу я принять за музыку эти дряблые, не то мальчишечьи, не то девчоночьи голоса, с трудом пробивающиеся сквозь мяуканье, вой, мычание, блеяние, оголтелый бой ритуальных барабанов — чего только нет! И все такое возбужденное и раздражающее, что я отступаю в свою комнату, успев, однако, уловить, как в промежутках между завыванием и мяуканьем дикторша с преувеличенно хорошим русским произношением сообщает, что Светлане Аллилуевой нравится американский образ жизни, что она не испытывает тоски по родине и по образу мыслей очень быстро стала космополиткой. И опять молодые парни подделываются под голоса старух; кто-то заполошно бьет во что-то; поп-музыка бушует на весь дом.

Но все на свете кончается. Кончается и поп-передача. Эдька стучит ко мне и спрашивает 7-й том Золя, свой потерялся.

— Эк тебя как швыряет,— говорю я ему,— от поп-музыки к Золя.

— По закону контрастов,— отвечает он.

— А по закону контрастов тебе мелодии в музыке не хочется?

— Хочется,— неожиданно признается Эдька.— А разве вы не заметили, что поп-музыка помаленьку возвращается к мелодичным песням?

— Не заметила,— сознаюсь я.

— Да-да, прогрессивные поп-певцы возвращаются к мелодиям,— утешает меня парень.

Вот, значит, как. Значит, и там, в поп-музыке, есть прогрессивные и консервативные теории?

— Ну, а в промежутках между поп-песнями ты «вынужденно» слушаешь «объективную» информацию?

— Да нет, я особо не прислушиваюсь. Мне просто нравится современная музыка, вот я и ищу ее.

Но он вовсе не так наивен и прост — этот «просто поиск» современности в музыке. Зарубежные «голоса» вколотили в Эдькину голову мысль о том, что поп-музыка — это современно. В промежутках же между поп-песнями они осторожненько, скользяще пытаются привить ему как минимум равнодушие к судьбе своей страны.

А вот дома, в своей стране, случается подчас, что ни школа, ни семья не умеют научить Эдьку слушать и понимать Шостаковича, Прокофьева, Стравинского, Гершвина... Никто не позаботился о том, чтобы Эдька сделал над собою мозговое усилие и попробовал проникнуть в суть симфонической музыки. Поп-певцы блеют так, словно стадо овец пасется перед микрофоном, и Эдька восторгается:

— Вот здорово!.. Смело! Современно!..

Попробуй начни доказывать, что Бетховен будет современен, как все настоящее, всегда. Эдька поскучнеет, зевнет, нехотя скажет:

— Понимать-то я понимаю... Уважаю. Да ведь на Баха, Бетховена, Чайковского время нужно: в музыкальный лекторий ходить, билеты на концерты доставать... А тут крутанул приемник, и пошло: бам-ба, тья-та-та-пшшш! Популярно — значит доступно!

Я подсчитал: в год слышу до тысячи трехсот новых поп-песен.

— И все они тебе нравятся?

— Ну, нет. Нравятся из них в общем штук тридцать — мелодичных. Семьсот — так себе, еще можно слушать... А остальное, ну, там, с грохотом и разными вывертами, плохо, конечно, не музыкально; ну, это сбрасываешь, как говорится, со счетов...

Вот так и идет мой юный сосед по линии наименьшего сопротивления: пьет мутную водичку из чужих волн. Поискать свой чистый родник ему духовная лень не позволяет. И пробила поп-музыка брешь в его нормальном восприятии мира. Брешь вроде бы небольшая: всего-навсего перерезано у человека родство с его родной музыкой. Но в эту брешь тихонечко заползает Иван, не помнящий родства.

* * *

Иван, не помнящий родства. Я пытаюсь вспомнить: откуда идет это выражение? А вот откуда. Оказывается, во время оно беглые каторжники, скрывая свое настоящее имя, называли себя именем, самым распространенным на Руси, а от родителей отказывались, будто бы совсем их не помнят... Не помнить родства — это само по себе вызывает сочувствие и жалость. Не помнит человек родства — ну, что с него спросишь?

А Иван, не помнящий родства, сыграв на жалости и спасшись от возмездия, со временем входит в эту роль. Он становится теоретиком; у него возникает философия незапомненного родства.

— Подумаешь,— бойко рассуждает он,— семья, родина, Россия, твоя река, моя улица. Все это в двадцатом веке безнадежно устарело. С точки зрения космического века наша родина — Земля... Или еще шире — Вселенная!.. Нет, друзья мои, я космополит. Да и что такое русская музыка, русский дух — театр там или кино?.. Вы забываете о взаимопроникновении культур!

Ба, вот он, еще со школьной скамьи знакомый наш Иван Николаевич Неуважай-Корыто! Тот самый Неуважай-Корыто, что утверждал, будто русский Чурилка «...не кто иной, как швабский дворянин VII столетия», и что Владимир Красное Солнышко вовсе даже не Владимир, а датчанин Канут. И там же, на той же странице «Дневника провинциала в Петербурге», разглагольствует премудрый Болиголова, который у Салтыкова-Щедрина всю Европу изъездил, чтобы доказать, что у русского «Чижика» есть мавританский подлинник, и чижик вовсе не на Фонтанке, а на Гвадалквивире воду пил.

Вот куда завел нас с Эдькой диспут о поп-музыке. Мои доводы кажутся ему преувеличенными и к поп-музыке отношения не имеющими. А за Ивана, не помнящего родства, он себя считать несогласен! Просто он знаток поп-музыки, и все. Знаток этакой современной, глобальной, космополитической музыки.

А мне его доводы — тоже не доводы! Вся эта поп-музыка кажется мне утомительно-шумной, нарочитой, больной и злой какой-то какофонией.

На этом наш диспут и обрывается.

Но вот о чем я думаю: мало у нас музыкальных передач для молодежи! Ищем мы их в радиопрограммах, либо просто наугад крутим приемник, и я убеждаюсь: наше молодежное радиовещание пока еще не удосужилось понастоящему противопоставить этой нахальной, со всех волн лезущей в уши поп-музыке свою, действительно популярную музыку. А ведь нам ее не занимать стать!.. Скорее уж это они у нас занимают, а потом перекореживают на свой лад наши песни!..

Почему бы не устроить по радио конкурс туристических и студенческих песен? Почему не провести диспут о современности в музыке?

Форм музыкальной пропаганды много. Выбор велик. Но... живого дела нет. И несомненно одно — в музыкальном воспитании молодежи допущен промах. Как джин из бутылки, выпущен на волю дурной, мещанский вкус. Ведь на поводу у стихийного мещанства, как известно, идти намного легче, чем искать, думать и творить.

Песня же — всякая песня! — это не просто мелодии или ритмы. Песни — это мировоззрение.

* * *

Не могу не признаться: я рада, что не вышло из меня космополитки.

Мне нравится именно моя страна — от псковских голубых льнов до снежных вершин Ала-Тоо, от укутанного запахом роз Намангана до белых приполярных пространств. Мне нравятся русские поля и ветры, пахнущие клевером или земляникой, первым снегом или первым теплым зерном. Мне хорошо на улицах Москвы и Ленинграда, Сургута и Белозерска... Хорошо в палисаднике маленькой деревушки, где синие башмачки и мальвы заглядывают в низкие окошки.

Разные люди читают эти строки. Среди них есть и такие, которые, наверно, хотели бы мне подбросить этакий прозрачно-туманный, с подтекстом вопросик:

— А за рубежом-то вы бывали?!.

Отвечу: была. И не любознательным туристом, которому надо быстрым взглядом охватить разнообразие картинных галерей и бистро, отличное покрытие дорог и удобство кэмпингов, эластичность синтетических тканей и торговлю сосисками в аптеках... Восторгнуться всем этим, а потом снова — домой!

Почти половину своей жизни я прожила именно за рубежом.

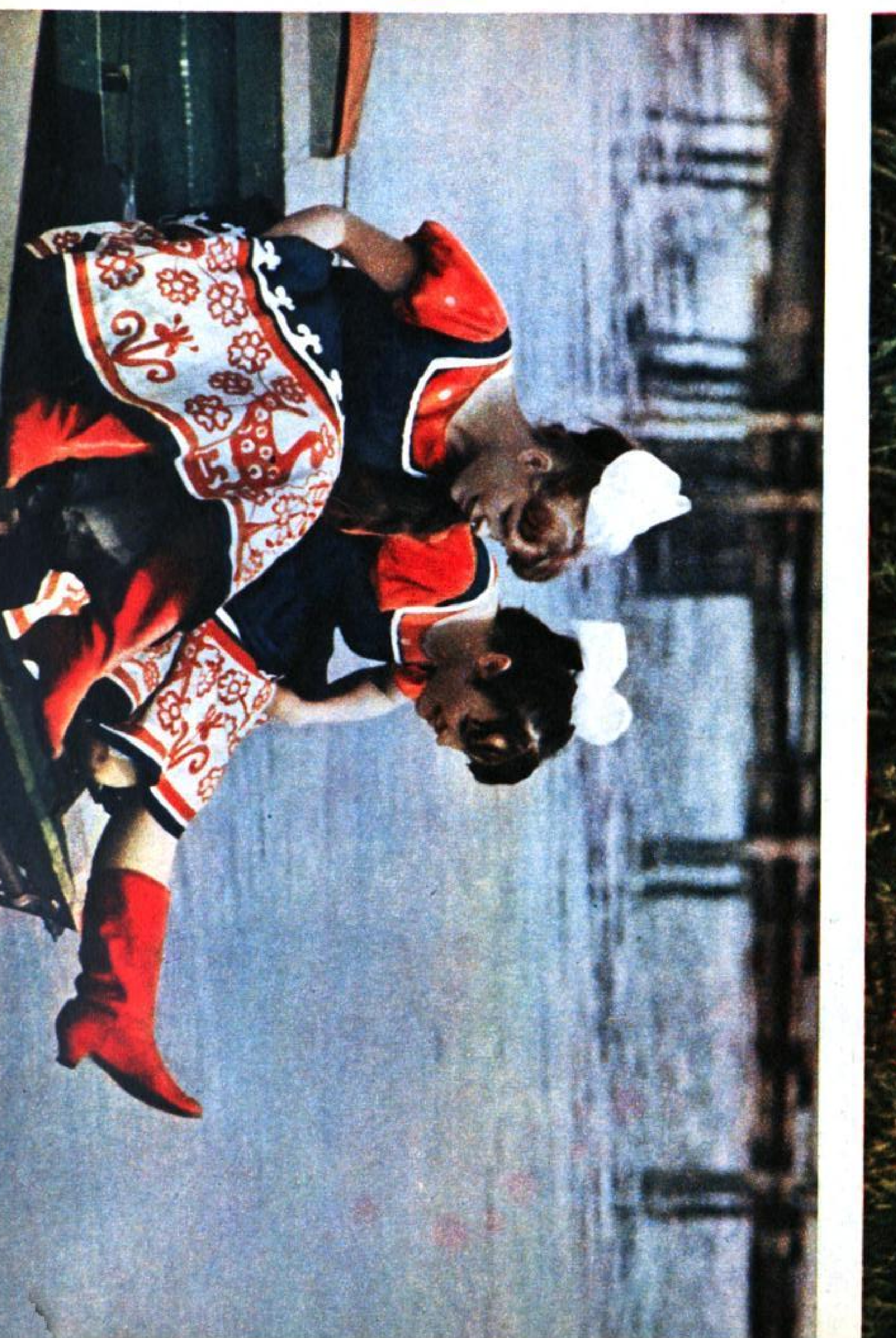
Чужие дороги. Чужие ветры. Чужие песни. Чужие мысли.

Об этом много рассказано и написано. Много спето печальных песен. И все-таки, чтобы понять это сполна, надо пережить. Разница между буквой и сутью неизмерима. Слово «разлука» — это не сама разлука с ее болью. И слово «возвращение» — лишь отдаленный символ настоящего возвращения с его счастьем, не похожим ни на какое другое счастье на земле.

Но это лишь так, к слову о музыке и песнях, которые я люблю.

Эдька с вызовом признается, что любит поп-музыку. А почему бы мне с радостью не признаться, что я люблю Бетховена, Чайковского и Шопена! И совершенно так же люблю песни Советской Грузии, Советского Узбекистана, Советской Молдавии и Советской России. Мне нравится разная и яркая национальная окраска этих песен. Я люблю их за то, что, кроме мелодии и ритма, в них всегда есть душа, чувство и мысль. За то, что они помогают не ста-

Алла Москвичева и Валя Терешина — солистки танцевальной группы ансамбля.

Выступает ансамбль «Садко». Фрагмент из «Русской сюиты».

Фото Д. Ухтомского.

Репетиция народного праздника на Волхове.

Галя Клушина.

Виктор Сеничев.

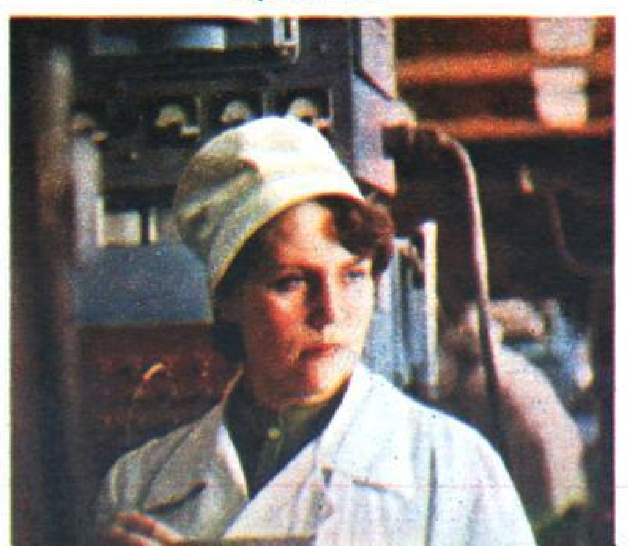
Люда Быстрова.

ВОТ ОНИ, АРТИСТЫ АНСАМБЛЯ, В ТРУДЕ...

Соломонида Байкова.

Вера Иванова.

Алла Москвичева.

Юрий Прохницкий.

Лариса Беленкова.

Алла Зорина.

Юлия Павлова — солистка танцевальной группы.

«Ильменские переборы». Финал.

Группа гусляров ансамбля.

реть сердцем, зовут шагать и не спать, строить и жить, едут вместе с людьми на целину, на строительство заоблачных дорог и куда-то еще — в пески Каракумов, жерла вулканов, на поиск алмазов в краях вечной мерзлоты.

Я люблю их за то, что они человечные и человеческие. За то, что поют их сильные и красивые голоса.

* * *

Как только откроется театральный и концертный сезон, рано утром я возьму билет на поезд или на самолет и через несколько часов окажусь в Новгороде. Буду слушать там песни Садко. Ну да, того самого былинного гусляра и певца. Нынче короба его полны новгородских товаров двадцатого века; нынче в коробе путешественника и торгового гостя Садко — пуговички с прозаическим названием «полупроводниковые приборы».

Нынче, как всегда, удачлив и талантлив в делах и в песнях Садко, только теперь «Садко» называется не один человек, а заводской молодежный хор: мальчишки и девчонки, закончившие среднюю школу или заканчивающие ее по вечерам. Студенты-заочники. Они, как и Эдька, танцуют современные танцы и понимают современную музыку, но умеют смотреть на мир не в одну щелку, а по всему горизонту.

Нынче, как и всегда, Садко полон любопытства ко всему, что происходит вокруг — и в небе и в подводном царстве. Но больше всего привязан он к земле, ее простым и привычным вещам — и к крику перепелки во ржи, и к бегу новгородских челнов, и к скрипу уключин... Ему по сердцу самые простые, изначально простые вещи и явления. А вот поди ж ты — образуются без них пустота и оскудение в человеческой душе...

...Сугробы белые, а небо синее,
Ресницы девичьи в морозном инее,
Дорожка дальняя, а милый рядышком,—

поет «Садко». И я, усевшись в уголке полутемного зала, забываю, что идет всего-навсего репетиция. Песня сделала чудо: она запрягла для нас тройку в быстрые сани, подняла над летящими гривами коней расписные дуги с серебряными бубенчиками и помчала в белый простор, под неописуемую синеву и высоту неба, в гости к березам и елям, укутанным в снежные полушалки. И мчимся мы вместе с песней по серебряно-белой стране, а

Колокольчики — ти-ли ти-ли звенят,
Из-под легких саночек снежиночки летят...

Песня колдует над нами. Она делает с нами, что хочет. Она посреди зимы разбудила спящую весну с ее белою ночью и дурманными облаками черемух. Повела нас по сонной зеленой земле: смотреть и слушать, как рождается нежный день на Востоке, как начинает поблескивать роса и розовеет Ильмень. Как запоздалая и счастливая

по селу идет гармошка не одна,

и как лукаво, мягко и весело повторяет хор гармошкины переборы... А потом песня напомнит:

Ты тоже родился в России,
В бревенчатом милом краю,

и, благодарные за разбуженную память, мы пройдем еще и еще раз по этому бревенчатому милому краю, вдохнем запах медуницы и иван-чая... Почувствуем: чтобы ни случилось, наше главное — с нами, мы — дома, а дома человеку и стены помогают...

А тем временем хор отступит и как бы растает; останутся пятеро баянистов. Развернут они свои белые баяны тихонько и медленно, чтобы дать выплыть на сцену девочкам с тоненькими талиями и такими пластичными движениями, что каждая из них хоть чем-нибудь да напомнит Уланову; чтобы дать время появиться парням с их легкой, стремительной походкой.

А когда появятся они в северных своих нарядах — словно ожили и побежали по заснеженным улицам расписные дымковские игрушки, словно все цвета радуги упали в воды Волхова и Ильменя; вот тут уж баяны развернутся во всю ширь! И полыхнет цветным вихрем русский танец с его озорной, вольной и чистой красотой движений.

А потом в руках у ребят появятся старинные новгородские гусли. Звук их густой и проникновенный, как шум елей на ветру, как голос веков и легенд... Он напомнит вдруг звон вечевого колокола, разволнует давнее, исконное, любимое. И вспомнится старинное присловье гусляров перед игрой: «Эх, вы гусли — мысли мои!»

* * *

Вот такой захватывающей и влекущей силой обладает «Садко». Не профессиональный коллектив, а просто молодежный заводской ансамбль.

Дружба с песней означает, что бригадир Вера Иванова и токарь Юра Прохницкий, сотрудница лаборатории типовых испытаний и председатель цехкома Лариса Беленкова, заводская повариха Соломонида Байкова, сборщики и токари, сотрудники ОТК и КБ Алла Розанова, Алла Зорина и Алла Москвичева, Володя Кириллов, Виталий Маларев, Люда Орефьева, Люда Быстрова и Галя Клушина, Валя Терешина и еще сотня ребят разных профессий Новгородского завода полупроводниковых приборов, занятые с утра производством самых современных материальных ценностей двадцатого века, по вечерам уходят в особый, манящий мир творчества.

Любой поиск в этом мире прекрасен. Необязательно покрыть всю страну густой сетью народных хоров: в мир творчества ведет и песня, и слово, и кисть художника, и резец скульптора... Но думается, вот что обязательно: в минуту духовной расслабленности и скуки не опираться тотчас же на услужливо подсунутый гниловатый посошок той же поп-музыки. Не велика доблесть — механически усвоить чужие ритмы и плясать под чужие барабаны. Если ты хорошо образован, хорошо подготовлен в области живописи, наверное, очень интересно заняться исследованием как голубого, так и розового периода Пикассо.

Но можно ли быть хорошо образованным, хорошо подготовленным, если ты так и не сумел заглянуть в мир творчества, окружающий тебя с детства? Если ты так и не понял, что первый глоток искусства надо испить из своего родного родника?

Моды приходят, и уходят, и возвращаются снова. Самые разные моды — на танцы и на песни, на одежду и на прически. Радость, принесенная ими, тоже недолга, она приходит и уходит вместе с модой. Но есть в мире ценности непреходящие. Их не так уж и много. И, может быть, самая большая из них — это твое **запомненное родство.**

* * *

А репетиция в Новгородском Доме культуры идет поздно за полночь: только в это время свободны ребята всех смен.

Никто не жалуется, что время отнимают у них от сна,— это часы высокого творческого наслаждения. И, конечно, в эти поздние часы песня и танец потому так ярки, что поют и танцуют здесь те, кто пришел сюда по любви, по зову сердца. И еще потому, что ребята с благодарностью относятся к людям, позвавшим их в этот мир: Петру Семеновичу Синицыну и Виктору Алексеевичу Никитину. У этих людей было одинаково нелегкое детство. Война потребовала от них воинского и гражданского мужества, когда им было всего по десять лет. И мужества у них оказалось достаточно. Потом, когда снова пришли на землю покой и тишина, они подружились между собой. Подружились еще и потому, что общей была их любовь к русской народной музыке, к северной новгородской песне... Учились. Дружили. Вместе работали. Сначала в деревне, теперь вот в Новгороде, в Доме культуры. Петр Семенович руководит ансамблем, Виктор Алексеевич учит певцов профессиональному мастерству. Он сам пишет для ансамбля веселую и нежную музыку. В ее древний, национальный северный строй естественно и просто вошли мелодии сегодняшнего дня. Приезжают балетмейстеры в гости к «Садко» из Москвы и Ленинграда. Влюблена в «Садко» художница и знаток русского народного костюма, москвичка Инна Георгиевна Ткачева. С помощью мастерских Большого театра она создала для «Садко» такие наряды, что если бы хор не пел, а танцоры не плясали, а вот только взяли бы и прошлись в своих ярких костюмах перед нами — и то можно было бы благодарить «Садко» за радость и полноту художественного наслаждения.

Расписной ларь новгородской старины словно без дна: он полон сокровищ. Гусельные звоны. Катание на старинных челнах в дни народных праздников. Зимние катания с гор.

И все это — веселое и яркое — выплескивается на улицы современного Новгорода, молодит и красит его.

Что же будет еще? Будет новая программа: «Новгородский сувенир». Будет танец «Крестецкие узоры». Танец этот придумался Петру Семеновичу после того, как побывал он на фабрике крестецкой строчки: той самой, что в силах соперничать даже с самим вологодским кружевом! Инна Георгиевна придумала костюм, крестецкие мастерицы сделали для него широкую строчку, снежным кружевом ляжет она на яркие сарафаны, и развернется перед нами девичий танец, плавный и узорчатый.

Будет и такой танец, который назовут «Валдайские колокольчики». В Валдае разыскал Петр Семенович старых мастеров, что лили когда-то знаменитые — дар Валдая — колокольчики. В новой программе будут они звенеть в руках у танцоров.

Много будет старинных и новых песен и плясок у «Садко».

И всю эту разысканную и заново созданную красоту щедро подарит людям новгородская молодежь. Повезут ее на заводы и в школы, в маленькие и большие города, в далекие деревушки...

* * *

А вы, ребята? Вернувшись домой после лекций или после работы — **чем вы занимаетесь!** Ведь таких, кто, взлохматив нестриженые волосы, отправляется в подъезды дуться в карты под поп-музыку, очень немного.

Думающих, чувствующих, ищущих чистоты и красоты в жизни неизмеримо больше.

Какую же музыку вы любите? Есть ли у вас свой «Садко», своя любовь к созиданию прекрасного! Свой поиск в мире творчества!

Напишите нам о нем.

О СЕРЬЕЗНОМ И СМЕШНОМ

О многом рассказывает А. Г. Алексеев в интересной книге своих воспоминаний «Серьезное и смешное».

Очень серьезно о смешном и очень смешно о серьезном. В книге вдоволь и того и другого.

Алексей Григорьевич Алексеев — один из наших старейших конферансье. Но эпитет «старейший» слабо характеризует этого человека. Старейшим может стать любой артист, коли ему это позволяет крепкое здоровье и отсутствие забот. Об Алексееве надо сказать: один из самых умных, остроумных, талантливых актеров эстрады. Большой мастер разговорного жанра, автор многих конферансов, юмористических сцен, пародий, оперетт.

«Я иногда спрашиваю молодых, да и не совсем молодых артистов: «Очень волнуетесь перед выходом?» «А из-за чего волноваться?» — порой отвечают мне.

А я вот уже пятьдесят пять лет волнуюсь».

Пятьдесят пять лет волнуется и столько же лет учится. Он учится у старого актера, у «дедушки» Давыдова, у Василия Ивановича Качалова, у товарищей по сцене, у Демьяна Бедного, с которым дружил, у Маяковского. Он учится, много читает.

В книге Алексеева много взволнованных строк о зрителе — тогдашнем и теперешнем. Вот что он внес в свои воспоминания об одном концерте:

«Казалось бы, и успех и аплодисменты — чего более? А ушел я оттуда с ощущением пережитого унижения: не было у меня связи с привычным зрителем. Связи равного с равным, той связи, которую всегда чувствует советский актер с советской публикой. Я же тогда видел не улыбки радости и уважения, которые шлет наш сегодняшний зритель артисту..., а полуулыбки снисхождения, равнодушия, покровительства, какое оказывает высший низшему...»

А вот страницы, посвященные Маяковскому. Знакомство с ним на одном из концертов.

Приходили на концерты разные люди, и среди них бывали выскочки, пошляки. Они всячески «острили» и мешали артистам. Вот один такой «остряк» совершенно разошелся. И вдруг в зале раздался громкий голос, ответивший на очередную нэпмановскую пошлость уничтожающей репликой. Но нэпман не унимался. Тот же голос ответил очень резко, оскорбительно. «Окончился концерт, и за кулисы вошел большой человек с властным, как будто знакомым лицом. Он протянул мне руку.

— Маяковский. Что ж вы, Алексеев, с ними, с нэпманами, шуточками да вежливенькими словами разговариваете? Не церемоньтесь! У них шкуры толстые! Бейте их! Уничтожайте словами!..

На улицу вышли вместе.

— Ну, заходите ко мне, Алексеев.

Мы много раз встречались у него, у меня, у Николая Николаевича Асеева, в нашем клубе...»

Книга Алексеева читается с неослабным интересом. Читая ее, перелистываешь много серьезных и веселых страниц из истории советской эстрады.

Г. РЫКЛИН

А. Г. Алексеев. Серьезное и смешное. Издательство «Искусство», 1967.

И плывут по Волге...

Б. СМИРНОВ

Фото Г. КОПОСОВА.

Позывные рации агитпохода.

Слово «агитпоход» жители верхней Волги впервые услышали в 1920 году. «К вам идет агитпоход»,— передавалось вниз по реке от Ржева до Калязина. И в глухих приволжских городках и деревушках, голодных, разоренных войной, гадали, кто такой этот «агитпоход» и что принесет он с собой.

«Агитпоход» оказался пароходом, назывался он «Рылеев». Пассажирские помещения его были переоборудованы в красный уголок, библиотеку, кинобудку и артистические уборные. Когда к «Рылееву» собиралась толпа местных жителей, на трибуну поднимался комсомольский агитатор и говорил о Советской власти, о войне, о хлебе и о мире... Вот таким — взволнованным, молодым и горячим — запомнилось старым волгарям слово «агитпоход».

Прошли годы. Маршруты агитпоходов, агитрейсов, агитпробегов и агитполетов пересекли всю карту страны. И снова тверские комсомольцы вышли на Волгу.

«27 июля 1936 года.

Привет из Саратова!

...От самого Куйбышева не брали в руки весла: шли все время на парусах. Попали три раза в шторм, который налетал как-то внезапно. Ты только представь себе: здоровые волны, широченная Волга и среди нее в волнах маленькая лодочка с надутым парусом. Взбираешься на волну и одно мгновение сидишь, как в седле, на ее гребне... Хорошо и интересно бороться со стихией! Хорошо, ужасно хорошо...

28 июля в 13 часов назначено совещание с активом. Будем в Энгельсе. Завтра думаем побывать на комбайновом заводе, познакомимся с производством...»

Это отрывок из письма Сергея Стрейбо, одного из семи комсомольцев, решивших пройти на легких яликах от родного города Кимры до Астрахани. Свой переход молодые тверяки посвятили тогда пропаганде Конституции СССР.

Спустя 32 года, в июне 1968 года, на берегах Волги вновь прозвучало слово «агитпоход».

«Всем, всем, всем!

Здесь верхняя Волга. Я четыре «ЭЛ» один «А». Работает любительская радиостанция агитационного похода по Волге, посвященного пятидесятилетию Ленинского комсомола...»

На этот раз голос верхней Волги звучал на весь мир. Радиолюбители далеких и близких городов, стран и континентов ловили сообщение о том, что земляки знаменитого тверского путешественника Афанасия Никитина собрались пройти по великой реке.

Походный передатчик был установлен прямо в отсеке корабля, и радиолюбители всего мира метались по эфиру в поисках «экзотической русской четыре «ЭЛ» один «А». «Верхнюю Волгу» сразу же «поймали» Южная Африка и Латинская Америка, Канада и Швейцария. За сутки было установлено много радиосвязей. В короткие, строго отсчитанные минуты передачи калининцы едва успевали сообщить основные данные о своем походе.

Путешествие началось в поселке Пено, у самого истока Волги, где жила, сражалась с фашистами и героически погибла Герой Советского Союза комсомолка Лиза Чайкина. Комсомольцы должны пронести по великой русской реке сосуд с водой, зачерпнутой в роднике, который дает начало Волге, и шкатулку с горстью земли, взятой на могиле Лизы Чайкиной. Два символа: символ Родины и символ верности ей.

Сначала реликвии приняли шестеро. На легких байдарках они проплыли триста километров до Калинина и там передали необычную эстафету экипажу катера — молодым ребятам из морского клуба ДОСААФ. К ним присоединился и корабль юных моряков из Кимр. В пути эти суда сопровождал маленький катер «Робинзон» — выездная редакция молодежной калининской газеты «Смена».

Участников похода мы встретили в Калязине.

Тихий, старинный городок в то утро был взбудоражен веселой предпраздничной суматохой. Горком комсомола напоминал штаб: кто-то дописывал последние буквы лозунга на кумаче, растянутом на полу, за стеной «пробовал голос» духовой оркестр, под окнами шумели пионеры. Потом все двинулись на речной причал. И вот уже разукрашенный, заполненный парнями и девчатами теплоходик спешит вверх по Волге — встречать гостей.

За поворотом показалась «эскадра» кораблей агитпохода. Первым в кильватерном строю шел корабль, на борту которого бело-голубой линейкой выстроились юные моряки, следом — маленький «Робинзон».

Борт к борту сошлись корабли гостей и встречающих, взлетели к небу красные ракеты. На берегу грянул оркестр...

Калязин — девятый город в маршруте молодых, и в каждом из городов местные комсомольцы готовили свой, особый церемониал торжественной встречи. Но было и общее — рапорты о трудовых делах, подарки комсомолии города. В Конакове монтажники всесоюзной ударной комсомольско-молодежной стройки ГРЭС передали на корабль пластмассовую каску высотника. Здесь же музей похода обогатился замечательной вазой, сделанной руками молодых мастеров фаянсового завода. Калязин подарил отлично выполненную модель верстака. Все эти сувениры, рапорты будут потом переданы в музей Лизы Чайкиной, строящийся сейчас в Калинине.

Участники похода тоже прибыли не с пустыми руками. «Багаж» у агитаторов солидный: скутеры, водные лыжи, радиоуправляемые модели кораблей, стенды передвижной выставки. На стадионе гости-спортсмены дали «бой» калязинским футболистам и городошникам. В парке устроили показательную «охоту на лис». А вечером встречались с жителями города. Тут ждали их дорогие гости. Прослышав о походе, в Калязин приехали старые комсомольцы города Кашина — С. А. Эпенетосский, И. К. Калинин, З. В. Чистякова, А. Ф. Иванова. Ячейка, созданная ими, была одной из первых ленинских молодежных организаций Верхневолжья. Ветераны рассказывали, как комсомольцы тех лет боролись с кулаками, помогали создавать колхозы, учили крестьян грамоте в кружках ликбеза. Ребята внимательно слушают, и рассказы старичков кажутся им ожившими страницами книг, учебников.

Приход кораблей стал большим событием дня для юных калязинцев.

...А вот и древний Углич. Командир калининского этапа похода В. Ф. Ломов вручил дорогие реликвии комсомольцам Ярославской области. Агитпоход двинулся дальше, чтобы пройти по Волге до Каспия.

Так же, как и во времена первых комсомольских агитпоходов, приходили на берег Волги люди, сотни, тысячи людей. Что влекло их сюда? Любопытство? Нет, волгарей теперь не удивишь ни комфортом лайнеров, ни подводными крыльями, ни воздушной подушкой. Вся эта праздничная обстановка и даже само слово «агитпоход» рождали в каждом удивительное чувство родства героического прошлого комсомолии с трудовыми делами современной советской молодежи. И плывут вниз по Волге на одном корабле, в одной каюте вместе — земля с могилы героини минувшей войны и каска строителя — нашего современника.

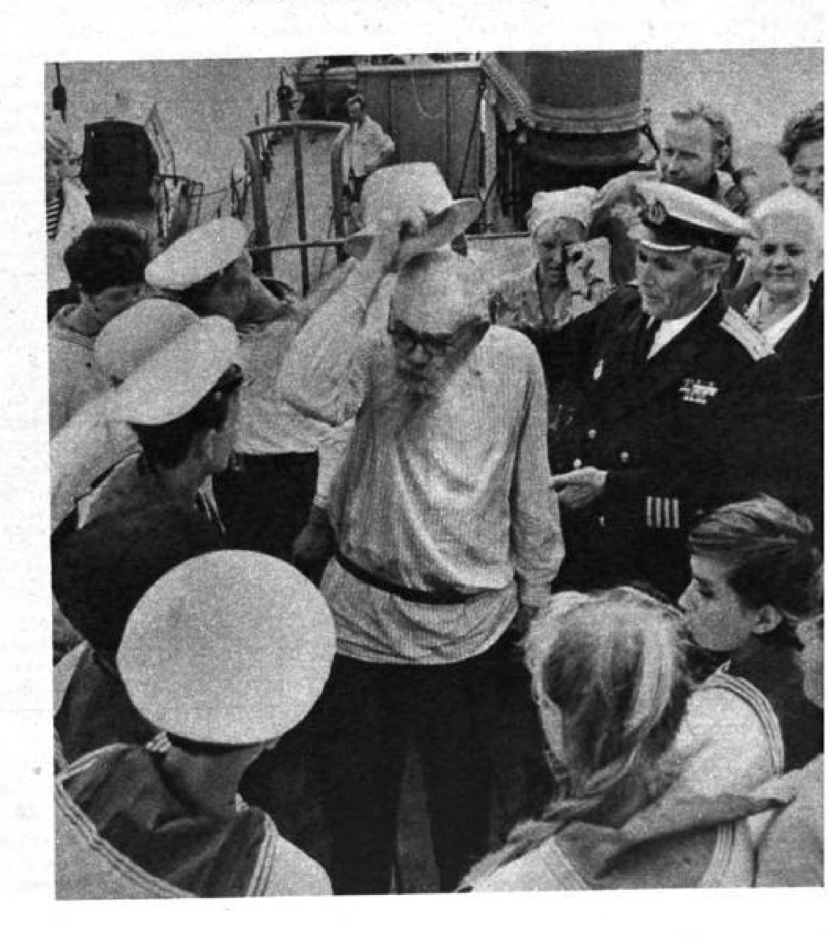

У истоков Волги поход комсомольской славы начали на байдарках калининские комсомольцы: конструктор Александр Чернышев, инженер Анатолий Любимов, вагоностроитель Валерий Громов, техник Анатолий Артемовский, инструкторы туризма Георгий Писанко и Анатолий Куюкин.

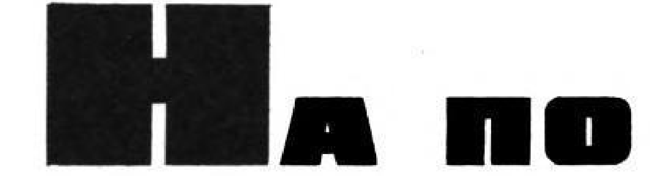
Алло. На связи Валя Рожкова.

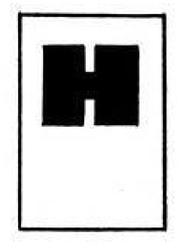
— В 30-х годах я преподавал в «Кашинском ликбезе»,— вспоминает старый комсомолец Сергей Александрович Эпенетосский.

Генерал армии М. М. ПОПОВ,
Герой Советского Союза,
бывший командующий Брянским фронтом

Наступательная операция, которая привела к освобождению города Брянска от гитлеровских захватчиков, ни по масштабам, ни по результатам не принадлежит к числу наиболее выдающихся операций Великой Отечественной войны, отчего, возможно, о ней до сих пор написано очень мало. Но я вспоминаю об этой операции с особенной гордостью. Ведь Брянск был освобожден при помощи хитрого маневра, реализованного нашим фронтом. И врагу, заглотавшему подсунутую наживку и не сумевшему разгадать замыслы советского командования, не оставалось ничего другого, как спешно убраться из Брянска, даже не успев подорвать подготовленные к взрыву здания и предприятия города.

Однако расскажу все по порядку.

После разгрома немецко-фашистских войск на Курской дуге, на Орловском и Харьковском направлениях гитлеровское командование предпринимало отчаянные усилия, чтобы приостановить дальнейшее продвижение советских армий.

Естественные условия полосы наступления Брянского фронта благоприятствовали противнику. За линией вражеских оборонительных рубежей, которые гитлеровское командование уже давно и весьма основательно готовило, лежали многочисленные реки, текущие с севера на юг, с высокими, хорошо укрепленными врагом западными берегами, такие, как Десна, Болва, Беседь, Ипуть, Сож, Днепр, речушки и болота, а главное — густые массивы Брянских лесов, создававшие крайне неблагоприятные условия для действий танков, авиации и артиллерии.

Сам Брянск, который Гитлер приказал удерживать любой ценой, расположен, как известно, на высоком и крутом западном берегу Десны, который господствует над заболоченной поймой реки. Здесь, на западном берегу, в районе города гитлеровцы создали мощный оборонительный пояс. И всякая попытка штурмовать город в лоб заранее обрекалась на неудачу.

Об этом меня особо предупредил по телефону Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин. Предварительно осведомившись, приходилось ли мне бывать в Брянске (на это я ответил отрицательно), И. В. Сталин обрисовал расположение города и категорически запретил пытаться взять его лобовым ударом.

— Изыскивайте возможности обходных маневров,— сказал он в заключение.— Но при этом не забывайте и о сложности действий в Брянских лесах!

Учитывая условия, в которых приходилось вести наступление нашему фронту, Ставка Верховного Главнокомандования так сформулировала задачу: развивая наступление в общем направлении на Брянск, к концу августа выйти к Десне, форсировать ее северо-западнее и южнее Брянска, овладеть Брянским плацдармом и лишь после этого — Брянском. После взятия города нам предстояло продолжать наступление на Гомель.

Задача эта была не из легких, принимая во внимание природные условия, а также численность и состояние войск, которые должны были принять участие в операции.

В состав Брянского фронта входили пять общевойсковых армий, одна танковая и одна воздушная, кавалерийский и два артиллерийских корпуса, одиннадцать полков знаменитых «катюш» — гвардейских минометных частей (сокращенно ГМЧ) и других технических частей.

Но хотя число наших соединений превосходило количество соединений противостоящего врага, фактического превосходства в силах мы не имели. Войска фронта в ходе почти полуторамесячного наступления (которое началось еще 12 июля) понесли большие потери и были утомлены. Расстояние от баз до передовой достигло двухсот километров. Необходимые войскам грузы приходилось подавать в основном по разбитым фронтовым дорогам. Ощущался острый недостаток боеприпасов, особенно артиллерийских снарядов, отчего при преимуществе в количестве артиллерии мы не могли создать преимущества в огне.

Однако войска фронта, воодушевленные благодарностью Родины и первым в истории Великой Отечественной войны салютом за взятие города Орел, не снижали темпов наступления.

Партийные и комсомольские организации и политорганы неустанно вдохновляли воинов на новые подвиги. И этот наступательный порыв войск мы, разумеется, принимали во внимание, планируя операцию. К тому же в Брянских лесах действовали прославленные партизанские бригады и соединения. Мы считали помощь партизан немаловажным фактором успеха предстоящего наступления и, как показали последующие события, не ошиблись.

Наш первоначальный план выполнения директивы Ставки состоял в том, чтобы нанести два удара на флангах: один — из района Жиздры в направлении Дятьково, Шамордино, другой — из района Ревны на Орменку.

План этот, однако, не удался. Войска, наступавшие из района Жиздры, не смогли преодолеть основательно подготовленную, плотную вражескую оборону, тройную линию которой, как выяснилось позже, гитлеровское командование закодировало под названием «рубеж Хаген». Сильно пересеченная местность не давала возможности вести наблюдение и, следовательно, подавлять оборону противника ударами авиации и артиллерии. А прорвавшиеся местами части были лишены поддержки танков, которые не могли действовать в дремучих лесных дебрях.

Словом, наступление потерпело неудачу. Требовалось искать иное решение.

Прежде всего мы решили отказаться от двух ударов и сосредоточить усилия фронта на одном направлении. Каком именно? Откровенно говоря, выбирать было почти не из чего. Единственный участок, который подавал в этом смысле кое-какие надежды, находился юго-западнее города Кирова, который лежал в полосе 10-й армии, входившей в состав Западного фронта (командующий В. Д. Соколовский). Здесь оборона противника была вынесена на полтора-два километра от опушки леса, а сами леса не так густы, как те, с которыми нам пришлось иметь дело у Жиздры. Правда, на лесных просеках с наблюдательных пунктов ясно просматривались завалы, которых можно было ожидать и в глубине леса. Однако делать было нечего. Здесь все-таки была надежда смять оборону врага, на плечах его отступающих войск ворваться в леса и продолжать развивать наступление.

Командарм-10, мой однофамилец генерал В. С. Попов, с которым я был хорошо знаком еще до войны, согласился, что удар из района города Кирова возможен и целесообразен. Однако сам В. С. Попов помочь нашему наступлению не мог: 10-я армия находилась на второстепенном направлении Западного фронта, который готовился к наступлению на Смоленск, и сидела на голодном пайке, не получая ни пополнения, ни снарядов.

Доложили Ставке. Она согласилась с нашими соображениями и несколько изменила разграничительную линию между Брянским и Западным фронтами, включив город Киров в нашу полосу. Затем мы начали скрытную перегруппировку войск, которая потребовала напряженной творческой работы командования и штабов всех степеней. В первую очередь в район Кирова перебрасывались две армии: 50-я — генерала И. В. Болдина и 3-я — генерала А. В. Горбатова, а также 2-й гвардейский кавкорпус, которым командовал генерал В. В. Крюков.

Пока шла перегруппировка войск, мы тщательно уточнили все сведения о противнике, и днем и ночью в бинокли и стереотрубы исследовали его оборону, которая, кстати сказать, и здесь, под Кировом, просматривалась слабо. Тем не менее удалось заметить мощные лесные завалы на опушках. В глубине леса их было, несомненно, еще больше.

4 сентября я принял решение основательно прощупать оборонительные рубежи противника — провести разведку боем. Для этой цели мы отобрали четыре батальона во главе с надежными командирами. Разведка боем — операция не простая. Противник должен быть уверен, что мы идем в решительное наступление — только в этом случае он раскроет все свои хитрости и секреты и обнаружит (а следовательно, их можно будет и подавить!) замаскированные огневые точки и артбатареи, которые приберегает до поры, чтоб неожиданно обрушить огонь на наступающие войска.

Однако и разведка боем не дала обнадеживающих результатов. Наблюдая за ходом наступления батальонов, я убедился, что и здесь, под Кировом, враг основательно подготовил оборону: повсюду были хорошо подготовленные траншеи, дзоты, развитые проволочные заграждения и минные поля. Все это поддерживалось хорошо организованным минометным и артиллерийским огнем. К тому же пленные, захваченные наступающими батальонами, не принадлежали к частям, расположенным здесь ранее. А это наводило на мысль, что от противника не укрылась наша перегруппировка, что он разгадал наш замысел, подтянул на этот участок новые войска и ждет нашего наступления в полной готовности.

Однако командиры батальонов, принимавших участие в разведке боем, заверяли, что оборону врага здесь прорвать можно. И хотя это не могло рассеять возникших у меня опасений, я отдал приказ готовить наступление. Тем более, что южнее Брянска наши соединения, которым активно помогали партизаны, ворвались в леса и теснили противника к Десне.

Ночью 5 августа вместе со штабом фронта мы продолжали тщательное изучение обстановки в нашей полосе и у соседей. Настроение у меня было невеселое: я, разумеется, был уверен, что оборону врага под Кировом мы прорвем. Но какой ценой? Судя по всему, крупных потерь избежать не удастся.

Мое внимание привлекла одна незначительная, казалось бы, деталь: командарм-10 В. С. Попов информировал, что 4 сентября его войска овладели двумя важными командными высотами в районе Дубровки — местечка, которое лежит на север от Брянска. При этом в плен были захвачены нестроевые солдаты противника. Я задумался: как мог В. С. Попов, ко-

дступах к Брянску

торый, как я прекрасно знал, не располагал ни достаточным количеством людей, ни боеприпасами, провести такую операцию? И почему вражеские солдаты, захваченные в плен, нестроевые?.. А не под Дубровкой ли то самое место, откуда враг не предполагает нашего удара?

Я тут же сел в машину и поехал на командный пункт В. С. Попова, который находился неподалеку от КП нашего фронта.

В. С. Попов подтвердил все мои догадки. Вместе с ним мы выехали в район Дубровки, ознакомились с обстановкой. Было ясно: именно отсюда следует наносить удар. Для прорыва слабой обороны врага в этом районе много войск не потребуется. За одну-две ночи можно подтянуть две-три дивизии, 2-й гвардейский кавкорпус и полки ГМЧ. С этими силами вполне можно начинать наступление... Что касается авиации, она в перегруппировках не нуждается. А ствольную артиллерию командарм-10 согласился предоставить свою, разумеется, при условии, что мы обеспечим ее снарядами. На обратном пути я соображал, как лучше обмануть противника, убедить его, что мы не меняем своих намерений и готовим наступление в районе Кирова. Ствольную артиллерию нашего фронта, думал я, чтоб не привлекать внимания противника к перегруппировке, оставим под Кировом. Пусть ведет огонь по прежним целям! Командующему 3-й армии поставим задачу всемерно сковывать противника под Кировом и перейти в наступление, как только враг ослабит свою оборону и начнет перебрасывать подкрепления в район Дубровки... А дивизии, которые будут наступать под Дубровкой, возьмем из 50-й армии.

Словом, еще по дороге домой у меня зародился план, который, как мне казалось, мог сбить врага с толку...

Вернувшись на командный пункт, я прежде всего созвонился с командующим Западным фронтом генералом В. Д. Соколовским. Он согласился с моими соображениями и не стал возражать против временной «аренды» полосы 10-й армии войсками нашего фронта.

Более трудный разговор по телефону мне предстоял со Ставкой: неприятно во второй раз просить изменить направление удара. Тем более, что в Военном Совете фронта мнения по поводу изменения сроков и района прорыва разделились, кое-кто из членов Военного Совета, в частности Л. З. Мехлис, высказался против такого решения.

Но я был убежден, что именно здесь, под Дубровкой, мы быстро добьемся успеха, а главное — не понесем больших потерь. Совесть подсказывала: надо звонить в Ставку.

Заместитель начальника Генерального штаба генерал А. И. Антонов, которому я доложил свои соображения, ответил, что утверждение нового решения требует санкции И. В. Сталина. Пока я ждал окончательного ответа, штаб фронта приступил к подготовке и планированию операции у Дубровки.

Около 13 часов 5 сентября позвонил И. В. Сталин.

— Ручаетесь ли вы за успех под Дубровкой?— спросил он.

— Ручаться полностью трудно,— отвечал я.— Но это наиболее целесообразное решение. Приложим все усилия, чтобы перехитрить немца.

— Ну что ж, действуйте. Постарайтесь начать наступление не позже седьмого сентября...

Дальнейшие события показали, что нам удалось обмануть врага. Наступление под Дубровкой, которое началось в 11 часов 7 сентября

Брянск освобожден.

Фото С. Короткова.

Наши пришли!

после мощного удара бомбардировочной авиации и основательной артподготовки, в которой главную роль играли полки ГМЧ, наша пехота, поддерживаемая танками и штурмовиками, устремилась в атаку, не встречая организованного сопротивления. В самое короткое время и почти без потерь оборона врага была прорвана. Командарм-3 доносил, что под Кировом на стороне противника никаких передвижений не отмечается. Это означало, что наш удар был для врага полной неожиданностью.

Я отдал распоряжение ввести в прорыв 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Мимо КП 50-й армии, с которого я наблюдал за ходом боя, крупной рысью, вздымая пыль, промчались конники.

В небе над Дубровкой появилась десятка «юнкерсов», но, встреченная мощным огнем зенитчиков, повернула вспять. Один из «юнкерсов» был сбит. Взятый в плен гитлеровский летчик, увешанный железными крестами, фашистский ас, который, как выяснилось, был командиром этой десятки, растерянно рассказал, что он готовился к вылету на Киров, как вдруг, перед самым стартом, его десятке приказали лететь на Дубровку...

Около 14 часов позвонил генерал А. И. Антонов. Слышимость была хорошая, и я подробно доложил ему, как развиваются события.

— Значит, я могу порадовать командование?— спросил А. И. Антонов.

— Конечно, можете. Дело идет хорошо, мы немцев тут наверняка обыграем.

Лишь днем 8 сентября противник разобрался, что к чему, понял, какая угроза нависает над ним с тыла, и под прикрытием дымовых завес начал отвод своих войск из-под Кирова. Третья армия генерала Горбатова начала настойчивое преследование отступающего врага.

Конечно, не обошлось и без осложнений. Воспользовавшись тем, что конники 2-го гвардейского кавкорпуса, быстро продвигаясь вперед, оторвались от наших наступающих стрелковых дивизий, враг по образовавшемуся коридору начал отводить свои войска из Брянских лесов на запад, за Десну. Таким образом кавкорпус оказался отрезанным. Действительно конфуз. Кавкорпус в упорных боях, в которых он израсходовал большую часть боеприпасов, пробился к Жуковке, переправился через Десну, захватил плацдарм на ее западном берегу и продолжает его удерживать. Такой успех! И вдруг мы дали врагу отрезать кавкорпус! Это очень беспокоило и нас и Ставку, и мне пришлось выслушать резкие замечания Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина.

Я заверил Верховного, что принимаются все меры, что подтянуты новые стрелковые дивизии и полки ГМЧ, что здесь сосредоточены удары авиации.

— Словом,— заключил я,— с Крюковым завтра-послезавтра мы соединимся. Прошу вас не беспокоиться.

— Ну, смотрите,— последовал ответ.

13 сентября генерал Крюков донес, что на линию его КП вышли стрелковые дивизии и что он направляет их на плацдарм, который его конники отстояли в упорнейших, ожесточенных боях.

Словом, конница в этой операции сыграла важную роль. Мне по этому поводу позвонил С. М. Буденный.

— А еще говорят, что конницу нельзя использовать в современной войне! Присваиваю тебе звание буденновца!

Успех войск 50-й армии и 2-го кавалерийского корпуса вынудил гитлеровское командование поспешно отвести свои войска, противостоящие 3-й и 11-й армиям Брянского фронта. Преследуя врага, войска 11-й армии с боями преодолели Брянские леса, 17 сентября форсировали Десну, вышли на подступы к Брянску и Бежице и овладели этими городами. Враг, над тылами которого нависала теперь смертельная угроза, под ударами быстро наступающих советских войск не смог их удерживать и, как я уже говорил, поспешно бежал, не успев уничтожить подготовленные к взрыву заводы, фабрики и дома. Жители торжественно встретили освободителей. Вечером столица нашей Родины вновь салютовала воинам Брянского фронта.

А Брянский фронт, не давая врагу передышки, продолжал наступление.

Партизаны Брянского леса. 1942 год.
Фото Я. Давидзона.

ПАМЯТЬ ЗЕМЛИ

Вл. ПАВЛОВ

Не верится нынче, четверть века спустя, что по этим самым местам водили свои бригады и соединения знаменитые партизанские командиры!

А ведь именно здесь, на Брянщине, в чаще Клетнянского леса, у деревни Мамаевки, стояло лагерем наше партизанское соединение дважды Героя Советского Союза А. Ф. Федорова. Под Злынкой, у разъезда Закопытье, я впервые в жизни принял участие в диверсии на железной дороге — мы сожгли вражеский поезд с бензином. А между селами Николаевка и Каталино, раскинувшимися на берегах Ипути, прорывали кольцо вражьей блокады.

И еще в то далекое время я и мои товарищи знали, что партизаны взорвали на Десне, под Брянском, знаменитый Голубой мост, по которому шло снабжение вражеской группировки, готовящейся наступать под Курском. Что Вторая Клетнянская партизанская бригада под командованием Тимофея Коротченко разгромила станцию Пригорье, а Первая — ею командовал Федор Данченков — совершила дерзкий налет на деревню Сергеевку, в которой находился дом отдыха гитлеровских летчиков Сещинской авиабазы. Мы знали, что под Дятьково — партизанский край, работают сельсоветы и райком партии, что под Навлей и Трубчевском действуют крупные партизанские силы под руководством командира Емлютина и комиссара Бондаренко.

Я знал все это и многое видел сам. А сейчас еду по брянской земле и невольно спрашиваю себя: впрямь ли все это было? Уж больно мирно вокруг! Гудят трактора в поле. На колхозных дворах у новеньких кирпичных построек, среди шеренг комбайнов, только что закончивших жатву, суетятся озабоченные люди. Свечки водонапорных башен подпирают высокое голубое небо. Стада разлеглись в лугах на полуденный отдых. А по проселкам пылят вереницы грузовиков.

И только памятники, которые встречаются то в селе, то в местечке, то на перекрестках дорог, памятники да еще леса — звонкие березняки и хмурые боры — напоминают о годах военного лиха, о небывалой по масштабу и напряжению всенародной партизанской войне, которая была поднята здесь, на Брянщине, партией коммунистов.

Никто не остался в стороне от той войны. В леса и в подполье уходили и женщины, и старики, и дети, и здоровые, и больные. Уходили целыми семьями. И далеко не все из этих семей возвратились к мирной жизни без потерь. Кто без сына, кто без внука, бабушки, деда, матери или отца... А то и все до единого сложили головы на партизанских тропах или в гитлеровских застенках.

* * *

Эх, Иван, Иван, стоишь ты над пропастью, у самого ее края, и знаешь, что только один шаг отделяет тебя от гибели! Не глубока та пропасть — всего-навсего высота бочки. Да на шее петля: шагнешь — затянется.

Привязана эта петля к суку старой липы, мимо которой столько раз пробегал и проходил ты с малолетства до этого страшного часа. И, кажется, сама липа стонет от того, что невольно помогает казнить тебя...

Кругом враги. Ненавистные серо-зеленые солдаты обступили липу, ждут, когда ты скажешь слово. Слово, которое спасет твою жизнь, но сделает тебя предателем. И люди, согнанные солдатами со всей деревни, тоже ждут, затаив дыхание: скажешь или не скажешь?

— Как твое имя, где ты живешь? Говори! — в какой раз спрашивает переводчик, повинуясь приказам офицера.— Ты молодой, тебе надо жить... Расскажи, где находятся партизаны, кто здесь связан с ними, назови пароли и явки, и ты останешься жить. Жить! Понимаешь?!

Но ты молчишь...

Никто не знает и не узнает, о чем думал Иван Гаруськин, когда его, окровавленного, привели к старой липе, что растет посреди поселка, привязали к суку веревку, прикатили бочку. Он оттолкнул палачей, которые подхватили было его под руки, сам встал на бочку и сам накинул себе петлю на тонкую мальчишескую шею. Но если Иван думал в тот час о прожитой жизни, хоть и немного ее отмерила судьба, ему было что вспомнить.

Ни Иван, ни его сестра Анна, ни мать не спрашивали у главы семейства — Игната Игнатьевича Гаруськина,— что им надо делать, когда в Белизненский поселок, в котором они жили, вступили гитлеровцы. Отец был коммунистом, и это предопределяло его ответ.

— С чего начнем, батя?— только и спросил Иван.

— С оружия, сынок... Вон его сколько в поле!

Темными, осенними ночами, под дождем, оскальзываясь на топкой земле, отец и сын бродили по местам недавних боев, собирали оружие, оттирали его от ржавчины и от порохового нагара, смазывали, прятали в сарай, под сено, в заранее приготовленную яму. К весне у них был целый арсенал — с полсотни винтовок, несколько ручных пулеметов, два «максима» и около сотни тысяч патронов в цинках и пулеметных лентах. Да еще две пушки-сорокапятки были надежно запрятаны в кустах на берегу Белизны.

Нет, это было непросто — перенести вдвоем такое количество винтовок, пулеметов и патронов. Игнат Игнатьевич же был уже немолод, а Иван от рождения хром. И приходилось Гаруськиным делать все это в кромешной тьме, да так, чтоб ни единая живая душа не знала про их ночные походы. Угляди чей-нибудь недобрый глаз сгорбившиеся под тяжелой ношей фигуры отца и сына — и конец. Но никто не углядел, а ежели и углядел — не выдал. Не нашлось в поселке ни одного предателя. Да и не одни Гаруськины собирали оружие.

А в окрестных лесах уже гремели партизанские выстрелы, и по селам и хуторам шарили гестаповцы, вынюхивая партизанские связи. Держать оружие в сарае стало небезопасно, и однажды ночью отец и сын вырыли на огороде яму и бережно уложили в нее все собранное. Мать и дочь посадили сверху лук. Утром никому и в голову бы не пришло, что под луковой грядкой — тайный оружейный склад!

Впрочем, на новом месте склад существовал недолго. Командир отряда имени Чапаева (впоследствии

знаменитая Первая клетнянская партизанская бригада) капитан Федор Семенович Данченков, который от верных людей знал, что у Гарусьиных есть оружие, приехал в Белизненский поселок.

— И мы тоже с вами?— спросил Игнат Игнатьевич, когда оружие было погружено.

— Нет,— покачал головой Данченков.— Останьтесь здесь. Дел еще много. На селе нам каждый надежный человек дорог!

— А я как же?— спросил Иван.— Ведь я тут секретарем комсомольской ячейки был. Что люди скажут? Другие воюют, а секретарь сложа руки сидит?

— Нельзя,— снова качнул головой Данченков.— Говорю тебе: нам свои люди здесь нужны. К тому же...

— А-а!— подхватил Иван.— Думаете, хромой я, так и воевать не могу? Вот и военком отказал! Сколько заявлений подал, чтоб в армию взяли — не берут! А если на поверку — так я любого здорового перехожу и перебегаю!

— Чудак! Да у тебя здесь столько работы будет — любой партизан позавидует!

Данченков сказал правду. С этой ночи дел у семьи Гарусьиных появилось хоть отбавляй. Чуть не ежедневно отправлялся Иван на станцию Жуковка, где стоял крупный немецкий гарнизон, обходил явочные квартиры партизанских связных, донесения которых доставлял Данченкову и комиссару отряда Илье Кузьмичу Гайдукову.

Такие же задания приходилось выполнять отцу и сестре. А у матери хватало забот дома: группы партизанских разведчиков и диверсантов частенько заглядывали в гостеприимную хату Гарусьиных — разузнать обстановку, получить донесение, а то и просто поесть и передохнуть в сене на чердаке после тяжелого похода. И мать с утра до вечера орудовала ухватом в печи, переставляла чугуны с картошкой и борщом, стирала и штопала ветхую партизанскую одежонку и опасливо косилась на окна, когда мимо по сельской улице с ревом и грохотом проносились грузовики, набитые гитлеровскими солдатами.

В конце мая сорок второго к Гарусьиным пришла группа партизан во главе с главным отрядным рогачом, командиром боевой разведки, Сергеем Виноградовым. Рогачами с легкой руки Виноградова партизаны называли самых смелых, самых удачливых партизан. Тот, кто жался поближе к лагерю, у кого дрожали коленки перед выходом на линию железной дороги, тот, кто был плохим товарищем и не жертвовал для друга всем, никогда бы не удостоился звания рогача. О том, что Сергей Виноградов не взял бы такого с собой на задание, и говорить нечего. А задание Сергея на сей раз было нелегким: капитан приказал прощупать, какова обстановка на перегоне между станциями Олсуфьево и Жуковка, и заложить мину. В тех местах Виноградову бывать еще не приходилось. И для такого дела Сергею требовался хороший проводник. И не просто человек, знающий как свои пять пальцев окрестные урочища, а смелый партизан, который не струсит, ежели понадобится, пойти к самому черту в зубы. Лучше Ивана Гарусьина, не раз ходившего с партизанами на разные операции, проводника не найти.

...Ждали да так и не дождались Ваню дома. Ни в скором времени, ни в долгом. Никогда. Группа Виноградова, которую Иван потаенными тропками, скрытно вывел под самое Олсуфьево, без помех установила мину и пустила под откос гитлеровский воинский эшелон. После того, как отгремело эхо взрыва и утих грохот сталкивающихся и падающих с насыпи вагонов и платформ, Иван повел группу в глубь леса, к крохотной, затерянной в чаще полянке.

— Здесь сухо. Отдыхайте, ребята,— сказал он.— Я посторожу. Вам еще во-он сколько шагать. А мне рядом. Отосплюсь на печке!

Усталые партизаны улеглись на мягкую травку в тени деревьев и мгновенно заснули. Иван некоторое время походил вокруг спящих, прислушиваясь к лесным звукам, потом присел под дерево. «Э, да кто сюда придет!— подумал он.— Немца в лес и пряником не заманишь!»

Ошибся Иван Гарусьин. Не подозревал, что по следам группы уже торопятся немецкие солдаты с овчарками. Гитлеровцы еще издали приметили Гарусьина, незаметно подобрались сзади, выхватили винтовку, хотели зажать рот. Но Иван что есть силы впился зубами в чью-то руку, рванулся, крикнул:

— Немцы!

Этот крик спас Виноградова и его товарищей — они вскочили и, огрызаясь огнем, кинулись в чащу. А Ивана уже ничто не могло спасти...

Правда, когда, подгоняя штыками и прикладами, вели его по мостику через Белизну, он вырвался, перепрыгнул через шаткие перильца, нырнул. Но невелика речка Белизна, негусты заросли по ее берегам. Укрыться беглецу негде.

И вот стоит он с петлей на шее на бочке, под старой липой, что растет в двух шагах от родного дома, и молчит...

— Кто знает этого человека?— обратился к толпе переводчик.— Кто назовет его имя, получит награду: соль, спички, водку...

Никто не отозвался. Тишина стоит над поселком.

— А ты? Ты молодой, красивый... Что, жить не хочешь? Будешь отвечать?

— Буду,— неожиданно сказал Иван. И от звука его голоса вокруг сделалось еще тише.

На губах немецкого офицера и переводчика довольные улыбки: «Ага, не выдержал этот проклятый русский! Решил спастись!»

А Иван, медленно поворачивая голову, оглядел все вокруг, расправил плечи, глубоко вздохнул.

— Товарищи! Верьте! Советская власть победит!..

Немцы кинулись к нему, пытаясь вырвать из-под него бочку. Иван яростно отбивался ногами, колотя в ненавистные рожи, беснующиеся вокруг. Кто-то в толпе жителей закричал дико, тонко и пронзительно. Но голос Ивана перекрывал все:

— Товарищи! Придет Советская власть! Да здравствует коммунизм!

Он сам оттолкнул бочку, и липа застонала под тяжестью его тела...

Через месяц гестаповцы все-таки докопались, кем был Иван Гарусьин, и арестовали Игната Игнатьевича. Во время допросов, полуживой от пыток, отец, как и сын, не проронил ни слова, и гитлеровцы, отчаявшись вырвать признания, расстреляли его. А жена и дочь Игната Игнатьевича, предупрежденные подпольщиками, бросили дом и ушли к родным, в дальнюю деревню. Но и там до прихода наших продолжали чем только могли помогать партизанам.

* * *

Слесарь Володя Абросимов возвратился домой взволнованный. Зина ждала его, сидя на чемоданах. Сквозной ветер, врываясь в распахнутые окна, закручивал на полу спирали из пыли и мусора, хлопал дверцами буфета, шелестел разбросанными повсюду газетами, всячески доказывал, что отныне он, ветер, полноправный хозяин в доме.

— Придется тебе эвакуироваться одной,— ответил Володя на безмолвный вопрос жены.— Не могу я в стороне... Некрасиво для члена партии...

— А я тоже не поеду. Куда ты — туда и я!

— Но ты ж беременна...

— Ну и что? Придет время — рожу. Война для всех, не для одних мужиков!

— Ну, а если б меня в армию взяли? Тоже не поехала бы?

— Тогда б и решила, если б взяли...

— Да ты знаешь, какое дело мне предстоит?

Зина усмехнулась:

— Ладно тебе... Конспиратор! Думаешь, я не догадалась? И не мечтай!

— Но ты сама посуди: как же я приведу тебя в отряд? Что хлопцы скажут?

— Ничего не скажут. Еще и обрадуются!.. Ну, да ладно. Пока поеду на родину, в Стеклянную Радицу, а там видно будет.

Володя хотел ответить, но вой сирены прервал его. Густо ударили зенитки. Заухали взрывы. К Брянску подходили гитлеровские войска...

К началу сорок второго Володя Абросимов был уже опытным партизаном. Давно остались позади первые, неумелые еще диверсии и операции, первые бои с карателями и походы по хмурым Брянским лесам. Уже погиб в бою под станицей Белобережской командир отряда, секретарь Брянского горкома партии Дмитрий Ефимович Кравцов и на его место стал Михаил Дука — в будущем прославленный партизанский комбриг. Уже не одну могилу оставили партизаны в лесных чащобах. Уже выработались важные партизанские привычки — вслушиваться, вглядываться, быть начеку. И товарищи-партизаны стали для Абросимова родной семьей.

Но о Зине Володя не забывал ни на минуту: «Что с ней? Здорова ли? Как-то она там, в своей Стеклянной Радице? Эх, не смог уговорить, чтоб уехала... Теперь вот гадай да думай!»

Однажды Абросимова вызвал начальник разведки отряда.

— Как звать твою жену?

— Зинаидой... Дмитриевна по отчеству.

— Так... А где живет?

— Должно, в Стеклянной Радице.

— Верно. Что ж, поздравляю с дочкой! Галей назвали.

— Откуда вы знаете?

Начальник разведки несколько минут молчал, улыбался.

— Вообще-то не имею права разглашать,— сказал он.— Но для тебя сделаю исключение. Жена твоя — подпольщица. В ее доме — явочная квартира...

В мае сорок второго после тяжелых боев Дука привел брянцев на отдых в Дятьковский партизанский край. Перед этим Дука послал в Стеклянную Радицу Абросимова, приказал забрать жену и дочь. «В селе сейчас тяжело. Пусть побудет в отряде»,— сказал командир.

Но долго отдыхать Володе и его семье не пришлось. Ни Дука, ни другие командиры отрядов, расположенных в Дятьковском партизанском крае, не подозревали, что в высших гитлеровских штабах уже разработана операция «Брудершафт», в результате которой партизаны Дятьковских лесов должны быть уничтожены, а партизанский край ликвидирован. Эту карательную операцию гитлеровцы, наученные горьким опытом партизанской войны, готовили в строжайшей тайне. Даже вездесущие подпольщики, которые действовали во всех городах, селах и местечках, на сей раз не смогли предупредить партизан. Второго июня под рабочим поселком Любохна, в котором располагался отряд Дуки, ударили очереди. Немцы рвались в лес. Володя Абросимов в тот день был связным при штабе отряда. Передав в свою роту приказ командира «бросить обоз и отходить в глубь леса», Володя огляделся. Жены не было видно... А в лесу все рвалось и грохотало. Над головой сухо щелкали разрывные пули, осыпая Володю ветками и листьями. Там и тут — короткие перебежки немецких солдат, подхлестываемых командами офицеров. «Где Зина? Где... Что с ней? А вдруг убита?» — стучало в голове Володи, когда он, то и дело нажимая спусковой крючок, вместе со всеми отходил в лес... Вдруг меж деревьев мелькнуло знакомое платье.

— Зина!

Володя кинулся к жене, выхватил у нее дочь, подтолкнул:

— Скорей!..

Восемнадцать дней маневрировал Дука по лесам, стараясь оторваться от преследующих по пятам гитлеровцев. Пока пол-отряда вело бой, удерживая врага, другая половина отходила. Вместе с партизанами шла и Зина Абросимова, прижимая к груди крохотное тельце дочери. Все села, даже маленькие лесные хуторки были заняты врагом. Над лесом висела вражеская авиация. И каждый шаг давался голодным, чуть живым от усталости партизанам с огромным трудом... А тут еще ночью, когда требовалось соблюдать особую тишину, вдруг раздавался писк ребенка... Кое-кто начал роптать:

— Девчонка нас демаскирует... Что у нас, отряд или ясли?

Когда эти разговоры дошли до Дуки, он вызвал Абросимова и командира взвода Валерьяна Федоровича Мерца.

— Когда лошади ржут, никто не возражает?— сказал он, похлопывая прутиком по голенищу.— Не предлагают избавиться от коней? А крохотуля такая пискнет — это, видите ли, мешает... Имейте в виду, товарищи, мы несем полную ответственность за жизнь ребенка. Передайте остальным, чтоб больше — никаких разговоров.

Перед уходом из Дятьковских лесов под Навлю, в районе которой в тот момент было относительно спокойно, Дука решил снова послать Зину в Стеклянную Радицу.

— Там нужна явка,— сказал он.— У тебя опыт уже есть. Так что действуй.

И Зина с дочкой опять пошла в Стеклянную Радицу, и явочная квартира продолжала действовать. Володя в это время мало что знал о судьбе жены. Изредка разведчики, вернувшиеся из-под Дятькова, шепотом передавали привет. И все.

А потом снова начались тяжелые бои, и отряд Дуки вновь запетлял по лесам... И тонкая ниточка, связывающая Володю Абросимова с женой и дочерью, прервалась.

Многое еще пришлось пережить и Володе и Зине. Бывший слесарь участвовал во всех крупных операциях партизанской бригады Дуки. Вместе с другими он взрывал знаменитый Голубой мост на Десне, бился под Желтянкой, вырывался из окружений и засад. В бою в партизанском лагере в урочище Медвежьи Печи был тяжело контужен.

А Зина по заданиям партизан не раз ходила в Брянск за важными сведениями, которые передавали ей городские подпольщики, и возвращалась назад, минуя немецкие посты, с сумками, в которых несла продукты и медикаменты для партизан...

Летом сорок третьего гестапо заподозрило Зину в связи с партизанами. За ней установили слежку. Но один из подпольщиков, который работал в полиции по заданию партизан, вовремя предупредил ее, и Зина, захватив дочь, успела уйти в лес, в отряд Ромашина...

В сентябре 1943 года, после того, как Брянщина была освобождена от гитлеровских захватчиков и Володя Абросимов вместе с родной бригадой прошел перед трибуной на партизанском параде в Орле, он вернулся в родной Брянск. Вышел на выщербленную, разбитую вокзальную площадь. Задумался. Смутно было на душе у бывшего партизана. Куда идти? Жены с дочкой нет... Может, погибли... Куда идти?

— Эй, Володька!— услышал он и обернулся. Перед ним стоял знакомый партизан.— О чем горюешь?

— А-а!.. Не береди душу!..

— Слушай! А ведь тебя жена ищет! В Ямской она!

Не помня себя от радости, Володя побежал в Ямскую. Нашел нужный дом. Переступил порог.

— Зина!

— Володечка!.. Пришел наконец!

— А где дочка?

На лавке сидели четыре маленьких девчонки примерно одинакового возраста.

— Угадай, какая твоя?

Володя остановил взгляд на черненькой, со следами комариных укусов на лице.

— Вот она!

— Ну раз она — забирай и до дому...

Зинаида Дмитриевна и Владимир Георгиевич Абросимовы по-прежнему живут в Брянске. Оба работают. В их семейной жизни царит прежнее согласие. Только Владимир Георгиевич уже не слесарь, а заместитель главного механика завода дорожных машин. А Галя давно выросла и вышла замуж.

* * *

Я рассказал о двух семьях брянских подпольщиков и партизан. А ведь их было много — повсюду на полоненной врагом советской земле. Их члены — и самые старые и самые малые — вместе с нами, молодыми, обязанными по закону защищать Родину с оружием в руках, вынесли на своих плечах жесточайшие лишения и тяготы и безмерную горечь утрат. И оттого все они, мертвые и живые,— равноправные участники великого народного подвига в годы войны и по праву разделили солдатскую славу в День Победы. И брянская земля навсегда сохранит память об этих семьях в своих былях и памятниках.

Рассказываем о привычном: ВАШИ ВОЛОСЫ

Загадка волос

Мы помним из школьного курса анатомии схему — разрез волосяной сумки, из которой растет толстый, как дерево, волос. Сам по себе он однороден, не содержит каких-нибудь микроорганов и кажется чем-то простым и даже неодушевленным.

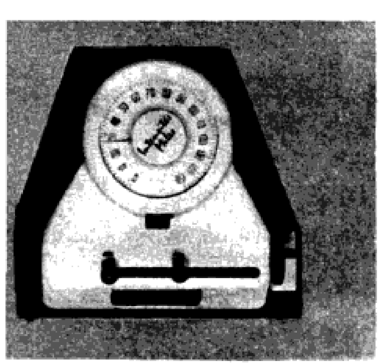
Недавно в Москве побывал французский ученый, **доктор наук Парижского университета Анри Миль.** Результаты его исследований волос переворачивают наши привычные представления.

Наш корреспондент Александр Игнатов встретился с Анри Милем. А. Миль награжден Военным крестом, медалью Сопротивления, орденом Почетного легиона. Исследованиями волос он начал заниматься сразу же после войны, когда работал в химической лаборатории. Как раз перед отъездом в Москву во дворце Шайо в Париже с успехом прошло его первое публичное сообщение о результатах научных исследований.

Вот что рассказывает Анри Миль.

«Доктор волос» Анри Миль.

Динамометр — прибор, с помощью которого измеряется коэффициент сопротивления волос.

Фото А. Гостева.

Не знаю уж почему, но никому из исследователей — дерматологов, косметологов или парикмахеров не пришло в голову заняться измерением волос. Простым измерением. У каждого волоса есть две характеристики: диаметр и сопротивление на разрыв. Диаметр волос у человека одинаков и постоянен. Что же касается второго признака — сопротивления на разрыв,— то нами установлено, что оно меняется в зависимости от физического и психического состояния человека. Самое удивительное, что всякая аномалия, всякое нарушение равновесия в человеческом организме немедленно отражаются на этом показателе.

Я приведу один очень характерный пример — беременность. При беременности в организме женщины происходят глубокие изменения. Исследуя их, мы заметили интересную закономерность. С самого начала беременности сопротивляемость волос на разрыв падает. Она достигает наинизшего значения к самому трудному моменту — родам. А затем происходит весьма быстрое возвращение к нормальному состоянию.

А как ведут себя волосы, если в организме не происходит никаких изменений? Я делал сотни, тысячи измерений и все более убеждался: у каждого здорового человека сопротивление волос на разрыв, если, конечно, они не подвергались химической обработке, имеет строго индивидуальное значение. Мы наблюдали за пациентами длительное время, и результаты были постоянными. Но как только в организме что-нибудь происходило, это сразу же отражалось на состоянии волос. Нам удалось определить, что увеличение их хрупкости обычно предвосхищало заметное ухудшение состояния здоровья.

Так, у одной из моих пациенток, за которой я следил около десяти лет, динамометрия (сопротивление волос на разрыв) составляла 80 граммов. В ходе наблюдений мы зафиксировали необъяснимое падение динамометрического коэффициента. Но пациентка чувствовала себя отлично. И все же мы порекомендовали ей обратиться к врачу для тщательного исследования. Через несколько недель после серии анализов у нее была обнаружена злокачественная опухоль в горле. Началось усиленное лечение, и коэффициент стабилизировался. Почти четыре года он был равен 27 граммам. Затем стал медленно повышаться — болезнь была побеждена, и мы первые сказали ей об этом.

О том, насколько чувствительны волосы к любому происшествию с организмом, говорит тот факт, что даже курс борьбы с ожирением или нервная депрессия тут же отражаются на состоянии волос.

Удалось установить нечто еще более важное. Оказалось, что по соотношению диаметра волос и коэффициента их сопротивления можно разделить всех людей примерно на три группы (сравните с тремя группами крови). И если это соотношение у какого-нибудь человека не позволяет отнести его ни к какой группе, значит, в его организме что-то не в порядке. Выходит, нет необходимости в многократных измерениях, нет нужды в бесцельном ожидании. Первые же измерения подскажут нам, нормален или анормален организм человека.

Из всего этого можно сделать ряд весьма важных заключений для самых разных областей жизни и деятельности человека. Не говоря о чисто научной стороне дела, наши исследования могут быть широко использованы в практике косметологов, парикмахеров да и работников медицины. Ведь аппараты, которыми проводятся измерения, невелики по размерам, вполне транспортабельны и не требуют особой подготовки персонала. Для установления сопротивления волос на разрыв требуется всего восемь минут, а диаметра волос — четверть часа. Эти измерения настолько просты, что их может сделать и фельдшер, и медицинская сестра, и парикмахер.

При широком внедрении специально разработанных аппаратов резко возрастет социальная роль парикмахеров. Люди будут приходить к ним не только для того, чтобы постричься, а для того, чтобы проверить по состоянию волос свое здоровье. Помимо того, измерения подскажут парикмахеру, какие химические препараты нужно применить к пациенту, чтобы они не наносили волосам вред, а помогли им. Ведь коэффициент динамометрии показывает величину силы, которую необходимо приложить к волосу, чтобы, например, завить его. Зная по составу каждого препарата его, так сказать, «силу», можно будет выбрать для каждого человека подходящее средство. Более сильный химический препарат может «убить» волос, а завивка с помощью недостаточно сильного вещества окажется недолговечной.

Возможно, что наше открытие будет весьма интересно для подготовки космонавтов. Нет, это не шутка. Наши измерения покажут, готов ли космонавт к полету, нет ли какой-нибудь анормальности в его организме, не замеченной ранее. Ну, а после полета динамометрические данные запечатлеют происшедшие в нем изменения.

В общем, перед нами огромное поле деятельности. Сегодня главный вывод таков: волос — живое существо, показатель здоровья.

Я сейчас занимаюсь подготовкой к созданию во Франции научного центра по изучению волос. Но, конечно, я мечтаю о том, чтобы кафедры патологии волос были открыты во всех странах.

Мне кажется, что наше открытие скорее всего может быть применено в Советском Союзе. Почему? Во-первых, в вашей стране можно в обязательном порядке ввести в профессиональные школы, готовящие парикмахеров, курс патологии волос. И тогда ваши мастера причесок не только станут намного квалифицированнее, но и получат роль своего рода советников. А в наших странах частной инициативы для парикмахера не существует обязательного минимума знаний. Поэтому ему плевать на все научные открытия.

То же самое и с химическими препаратами, ныне столь широко применяемыми в косметологии. У нас их производят огромные компании, которые не жалеют средств на рекламу и для которых главное — прибыль. С научной точки зрения, например, абсолютное большинство шампуней, производимых во Франции да и в других странах Запада, настоящий яд. Да, да, яд! Составляющие их химические препараты не стоят ничего ни с научной, ни с лечебной точки зрения. Бороться с вредными химикатами в условиях капиталистического государства безумно трудно. В вашей стране можно добиться не только полной безопасности средств, но и наиболее целесообразного их использования.

Ну, а теперь вопрос, который интересует многих: когда же мужчины перестанут лысеть?

— В этом отношении сегодня мы еще бессильны.— Доктор Миль показывает на свою голову и разводит руками.— Но я надеюсь, что мои исследования хоть немного приблизят то время, когда головы всех мужчин будут всегда покрыты прелестными и к тому же настоящими прическами.

Реальность и фантазия

Имя Яна Брейгеля Старшего, четырехсотлетие со дня рождения которого исполняется в этом году, не пользуется сейчас такой широкой известностью, как имя его отца, великого нидерландского художника Питера Брейгеля Старшего. И это объясняется особой камерностью творчества Яна Брейгеля, рассчитанного на узкий круг утонченных ценителей.

Для современников же Ян Брейгель был одним из популярнейших художников. Любители-меценаты наперебой старались купить его произведения и заказывали ему их вперед, крупнейшие художники предлагали ему сотрудничество.

В картинах Рубенса (как и Рубенс, Брейгель носил титул художника эрцгерцога) Ян Брейгель неоднократно писал гирлянды цветов и пейзажи. Именно в эти жанры Брейгель внес много интересного.

Любовь к изображению цветов Брейгель, по-видимому, унаследовал от своей бабки Марии де Бессемерс, талантливой миниатюристки. Во многих его картинах мы видим целые гирлянды и букеты. Не случайно «Обоняние» — лучшая из пяти картин мадридской серии, изображающей «пять чувств». Прекрасный сад. Аллея деревьев, уводящая взор вдаль. Пышный цветник на переднем плане. Кажется, что художник поставил цель изобразить все полевые и садовые цветы. Они размещены в китайских вазах и горшках, растут густыми купами, целые груды их лежат на земле. Кажется, что они издают густой, пьянящий аромат.

Один из современников Яна Брейгеля отмечал, что он писал цветы не только искусно и точно, но и как бы передавал их душу. А сама манера письма, приближающаяся к миниатюрной, использование тончайших кистей и ярких, сверкающих красок превращают эти картины в роскошное, праздничное зрелище.

Картина «Цветы» — образец мастерства художника. Тонко подобрана цветовая гамма — красные, синие, белые, желтые цвета. На темном, почти черном фоне краски начинают сверкать и переливаться всеми цветами радуги. Дается «портрет» каждого цветка, переданы его особенности, и, однако, это не иллюстрация для ботанического атласа — это картина, исполненная тонкого настроения.

Ян Брейгель много путешествовал. В молодости совершил поездку в Италию. Неоднократно бывал в Чехии и Германии. Эти путешествия пробуждают в нем интерес к пейзажу.

Пейзажи Яна Брейгеля можно условно разделить на два типа: реальный и фантастический.

К первому относится картина «Сельский пейзаж с мельницей». Это небольшое произведение «перенасыщено» фигурками людей, неуклюжих и суетливых, что вносит диссонанс в тихий, спокойный пейзаж. По-видимому, человеческие фигуры в этой картине написаны не Яном Брейгелем, а другим художником, как это часто бывало в творческой практике мастера. Об этом сообщают современники Яна Брейгеля.

«Горный пейзаж» чем-то напоминает пейзаж Питера Брейгеля Старшего. Но это сходство чисто внешнее. Грандиозное, стихийное чувство природы, составляющее самую суть искусства Питера, неизвестно Яну. Ему, художнику мягкого, лирического дарования, чужды эпические порывы. Его природа носит сказочный характер. Он как бы любуется ею из окна роскошного замка.

«Горный пейзаж» выражает языком живописи поэтическую метафору: противопоставление мира реальности миру мечты.

Первый план вполне «реальный»: с фигурами крестьян, обрабатывающих землю, едущих на телеге, бредущих по дороге. Второй план — мягкие очертания гор, погруженных в голубоватую дымку,— мир мечты, «идеальный пейзаж». Здесь сказались итальянские впечатления художника, а также влияние его старших современников-пейзажистов Лукаса ван Валькенборха и Конинкслоо.

Уже при жизни Яна Брейгеля появляется множество подражателей его манеры, масса копий с его работ. Художник получил прозвище «Бархатный». Это синоним того уникального и очаровательного мира, который создает мастер. Написанные с поразительной точностью, картины Яна Брейгеля не оставляют, однако, впечатления холодной академичности, потому что чувство в его картинах всегда преобладает над рассудочностью. «Идеальный пейзаж» Яна Брейгеля оказал позже влияние на творчество таких крупнейших мастеров, как Г. Сегерс, Н. Пуссен, К. Лоррен.

Л. ДЬЯКОВ

Ян Брейгель. 1568—1625. СЕЛЬСКИЙ ПЕЙЗАЖ С МЕЛЬНИЦЕЙ.

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

ГОРНЫЙ ПЕЙЗАЖ.

Якутский республиканский музей изобразительных искусств.

Ян Брейгель. ЦВЕТЫ.

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Евгений ПЕРМЯК

Рассказ

Ведьма в стеклянном тереме

Рисунок Ю. Черепанова.

На рыбной ловле, как и на охоте, не столь ловится, добывается, сколько рассказывается.

Когда совсем завечерело, мой знакомый, тагильский сталевар, зазвавший меня на эту речку, сказал:

— Теперь можно сматывать удочки и разводить костер. Рыба спать ушла.

— Пожалуй, что так,— согласился второй, приставший к нам. Он работал на горе Высокой. Экскаваторщик. Его фамилию я тоже не буду называть, так как разговор пойдет о делах тонких и сугубо личных. В таких случаях лучше обойти имена. Или выдумать другие. А этого мне не хочется. Не хочу знакомых людей называть не так, как они зовутся. В этом есть что-то обидное.

Пока я возился с костром, мой сталевар открыл банку консервов, экскаваторщик принялся резать колбасу, сыр, расставлять на газете, заменившей скатерть, все прочее. Появилось и то, что предшествует закуске.

— Для разбегу... по единой,— предложил экскаваторщик.

Сталевар ничего не ответил на это, как будто сказанное не могло иметь к нему отношения.

— Что же это вы? — удивился наш новый знакомый.— Неужели металлург, и не того... Это самое... Не пьете...

— Не то что не пью... Иногда случается... А вообще-то бросил.

— Бросили? Ее? Да как же это возможно?

— Значит, возможно, коли бросил.

— Расскажите, пожалуйста,— попросил экскаваторщик.

— Долгая обедня.

— Ну, пожалуйста...

— Не сумею в доскональности.

— Как сможете,— не отставал экскаваторщик.— Мне это вот как надо.— Он показал на горло.

— Зачем?

— Сам хочу! Не могу. Сильнее она меня, гадина.

— Да нет,— сказал сталевар.— Какая в ней сила... А если и сила, то сила от вашей слабости.

— Как вы, как?

— Ладно уж, коли такое дело,— согласился сталевар.— Расскажу. Мне и самому любо вспомнить. Слушайте.

Мы положили в костер шишек для дыма от комаров и принялись слушать...

— Не знаю, с чего начать. Не то с дедовой притчи, не то с сердечного укола. Ну, да что там гадать, как начнется, так пусть и начинается...

Пить я не пил, но выпивал. Не то чтобы регулярно... Не каждый день. В понедельник, например, только опохмелялся. Во вторник раскачивался, ну, а в среду и уж тем более в четверг как не раздавить сто пятьдесят для коловращения кровей и в ознаменование перевыполнения сменного задания! Причина всегда находится. А если не находится, то долго ли ее придумать? За новолуние даже можно выпить. А за прилет скворцов — чем плохо? Не говоря уж, если чей-то день рождения, благоверной или кого-то из товарищей. В таком случае пол-литра на питуха, меньше никак не уложишься. Сталевары же. Горячий цех. Огневые плавочки. Формулировок-мотивировок пьющему в кассе взаимопомощи брать не приходится. Они сами собой приходят. А если формулировка-мотивировка пришла, открывай заседание. С рюмочки начал, стопочкой продолжил, стаканчиком завершил... А потом: «Шумел камыш, деревья гнулись...». И пошел, поехал в космическое, на Луну и обратно. А другой раз и на дальние планеты. Пьяному что? Ему и солнышко с арбуз кажется, да в кошелку не лезет...

Так оно и шло. Жена замечаний не делала, хоть и переживала, молчала. Понимала, что значит у печи плавку выстоять. Дети — тем более. Разве можно трижды орденоносному отцу слово сказать? А свое думают. И читаю я по их глазам, что ко мне уважения меньше и меньше. «Чепуха,— говорю я сам себе,— трудовыми подвигами я не только их заставлю себя уважать, но и всех, кто газеты читает». А подвигов не стало. Не подвигаются подвиги, а совсем наоборот. Всякое бывало на печи. И худую сталь выдавал... И свод печи слезиться начинал от перегрева... Очень критически я стал задумываться о себе, особенно когда мотор в левом боку кольнуло. Не то чтобы двусторонне или как-то еще... А так... Легкий намек... Деликатный звонок. А впечатление осталось серьезное. В глазах муть, а голова светлая...

Сегодня укол... Завтра прокол... А послезавтра прикол, и читай «мое почтение» в черной рамочке на последней странице в заводской газете. Представил я это все, и так вдруг мне стало жалко оставлять своих неоперенных ребят и за жену боязно, а больше всего за себя. Ну, сами посудите, только-только в зрелые годы вошел, и вдруг... Ради чего? И вот тут-то я дедову притчу вспомнил. Вспомнил дедову притчу, а дед тут как тут. На обоях проступил. Сквозь цветы. Сердится не сердится, но и улыбки на лице у него нет. Ну, думаю, допился внук. Спать не спишь, а сны видишь. Губы у деда шевелятся, а слов не слышно. Немой бред.

Не страшно, а стыдно. Не в деда любимый дедов внук пошел. Не оправдал доверия. Не сдержал слова. А слово было дадено ему в твердом уме и здравой памяти. Обещал я деду...

...Тут, пожалуй, лучше всего вернуться в мои шестнадцать лет и рассказать, как это было.

У нас в роду дни рождения отмечались и отмечаются, как говорится, с году жизни. Давным-давно так заведено. А круглые годы, скажем, десять лет, двадцать... сорок. Это особо. А мне в шестнадцать юбилей устроили. Паспорт получил. Гражданином стал. Серьезно отмечали. Отец харьковский велосипед вкатил. Мама шевиотовый костюм купила. Бабка щенка охотничьего привела, а дед...

Дед всех удивил: пол-литра водки принес и спрашивает:

— Что это, внук?

— Как,— говорю,— что? Водка.

А дед на это:

— Нет, парень. Это не водка... Водкой она только притворяется да называется теми, кто по верхам глядит, вглубь не всматривается. Это, внучек, ведьма. Колдунья в стеклянном тереме. Обманная гадина. Губительница жизней. Гидра.

И пошел о водке рассказывать такое, что спине холодно, голове жарко.

Тогда я резонно спрашиваю:

— Если она такая, зачем же мне даришь ее?

А он:

— Для науки. Для мудрости. Для памяти. Н-на! Владей ею... Только она тобой пусть никогда не владеет.

Годы шли, и я помнил дедов наказ. Не сторонился веселой колдуньи, кое-когда разрешал ведьме себя потешать, но в кабалу к ней не лез. Мог и на полрюмке остановиться. Но...

Но колдунья, она и есть колдунья. Долго она притворялась покорной, а свое дело делала. Приручала к себе. На привыкание нажимала. А привычка сами знаете что. И приучила. Приручила. Околдовала, проклятая. Управлять стала мною. Нашептывала всякое... И я слушался ее... Противился, но выполнял. Посылала к пьющему дружку — шел. К себе подсказывала зазвать пьянчугу — зазывал. Хворь придумывала и приказывала собой лечить. С перцем. Лечил. А потом я только не молился на нее. А она за это жаловала притуплением памяти. Забывчивостью... Мозг размывала мне. Мышцы дрябнуть стали. Глаза начали хуже видеть. И с женой я не так приветлив стал... И в конце концов этот укол... Маловажный, как я уже сказал, укол. А болький. Не столь в сердце, сколько в сознание. И я будто прозрел вдруг. Задумался: как можно мне, человеку, в полоне быть? И у кого? У наркотической жидкости. Стыд!

Говорю я так, а перед глазами дедушка. Не исчезает с обоев. Глаза тоскливые. Губы шевелятся, а слов опять не слышно. Но по шевелению губ видно, что упрекает меня старик.

Не выдержал я, поднялся с кровати, зажег полный свет. Потом оделся. Выходную пару надел — и к ней. А она еще только початая в бутылке блестит. Нагло так сверкает. Хрустально. Верит в себя. Верь, думаю, подлая! Посмотрим, чей верх будет.

Поставил я ее посреди стола и говорю:

— Н-ну, гидра, прощаться пора. Хватит тебе, ведьма, своим подлым обманом мою смерть торопить. Кончилась твоя власть.

Дети притихли в той комнате. Жена в этой плачет. Никогда они не видывали таким меня. Думают: помешательство началось. И я бы так подумал, глядя на человека, который с бутылкой разговаривает.

— Прощай,— говорю,— веселуха, иди куда-нибудь дураков искать. Здесь дураки кончились. Хоть и не протрезвели, а ума не пропили.

И хотел было я ее оскорбительно вылить... и смыть водой, чтобы духу ее не было. Да унизительно показалось. Выходит, значит, я боюсь ее присутствия. Нет, думаю, оставайся ты в своем стеклянном тереме. Красуйся. Мани. Мучай привычкой меня, а я, как дедушка... Могу тебя даже в рюмку налить... Пригубить могу и не выпить.

Так мы пробеседовали с ней, а наутро, в выходной день, я проснулся хотя и не в полном здравии, но в отменной твердости.

Жена, будто не помня ночного разговора с гидрой, налила мне стопку и огуречного рассола в чашке поставила. Выпил я рассол с превеликим, а стопку оставил.

Пришел понедельник, вторник пришел. Среда, четверг, пятница минули. Суббота наступила. Суббота — колдуньино уженье. А я ни в какую...

— Родной мой,— прильнула ко мне жена,— зачем так круто себя ломать? Выпей хоть самую малость.— И подносит стаканчик.— С организмом нельзя шутить. Надо исподволь.

И доктор позвонил, а потом зашел. Сам выпил и мне велел.

— Что ж,— говорю,— коли вы так научно болеете за меня, зачем же мне характер выше меры показывать?

Сказал так — и выпил. Не все. Достаточно осталось в стопке, чтобы характер свой мне в недопитом увидеть.

Опять неделя прошла. Опять суббота настала. Очень тянуло. Ну, прямо хоть на стену лезь... Тут старшая дочка Линочка бутылку шампанен принесла:

— Папа, поздравь, я премию в клубе вытанцевала.

— А почему же бутылками там премируют? — спрашиваю я и в глаза гляжу дочери.

Она покраснела и бросилась ко мне на шею.

— Не умею я врать, папочка... Купила я ее.

— И я врать не умею,— признался ей,— манит она меня пока, окаянная. А за то, что вы все так меня любите, спасибо вам. Раскупоривай. Это уж не гидра, а всего лишь ее шипучий слуга.

Выпили всей семьей. Хорошо время провели. Оказывается, моим ребятам есть что отцу рассказать. А отцу есть что послушать. И вообще...

И вообще какая-то новая жизнь началась. Не то чтобы сызнова, но не под гору, а в гору. Руки сильнее стали. Есть больше начал. Может быть, это все самовнушение, но видеть стал чище. Интересы разные появились. Дел оказалось всяких прорва. На заводе выявилось какое-то другое отношение. Никто ничего не говорит, но ты чувствуешь, что тебя больше ценят. А кое-кто даже завидует — не как-то там, а по-хорошему. Один даже сказал:

— Вот ты, оказывается, какой человек... Сила!

Да и самому мне не верилось. Неужели в самом деле расстался с ней? Неужели вышел из ее кабалы?

Вышел. Не тянет, не манит... Слава тебе, дедушка мой, Гордей Петрович. Спасибо тебе за притчу. Точка.

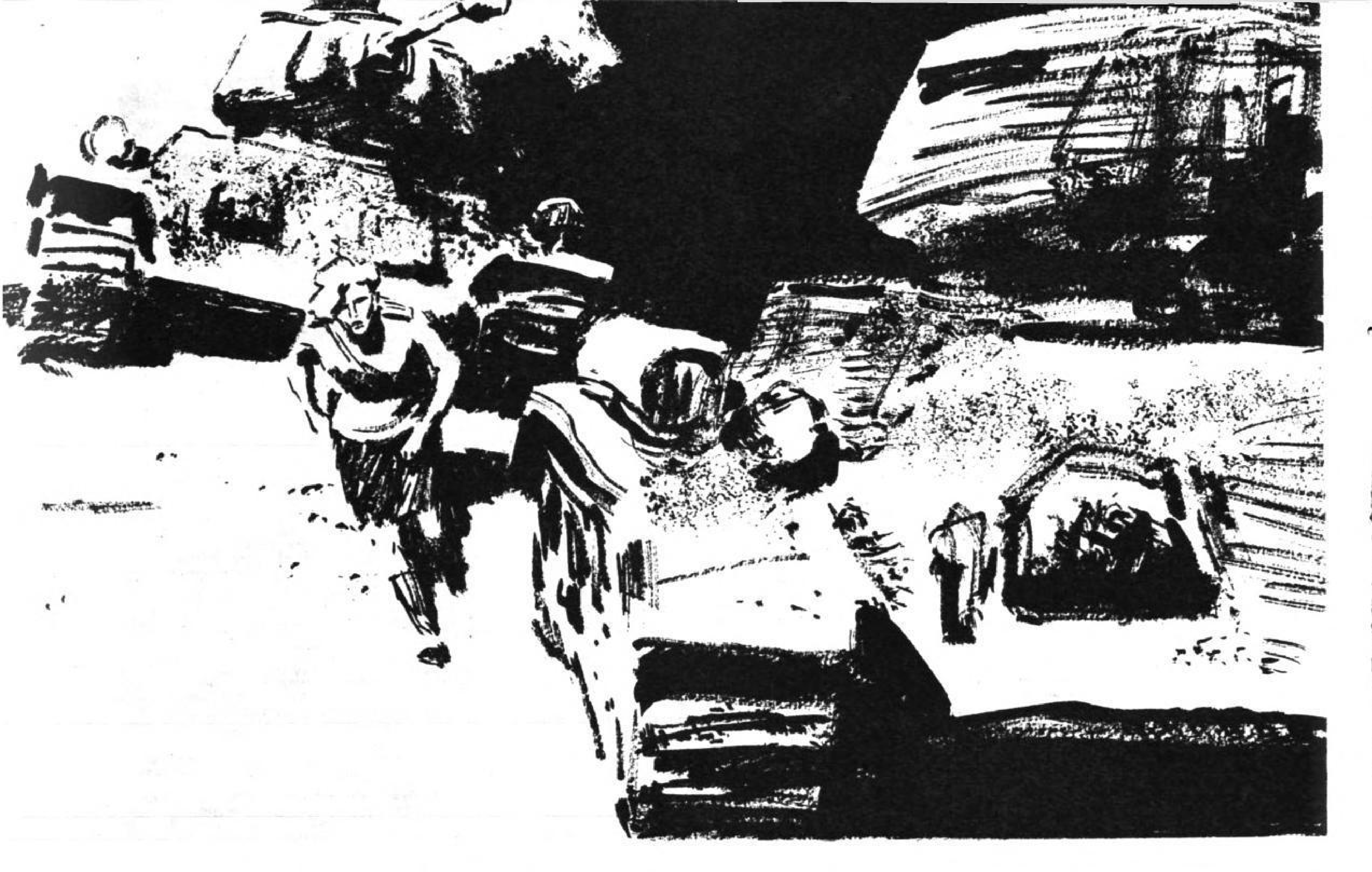
* * *

Закончив так, рассказчик поднял рюмку с водкой, чокнулся с нами, выпил и сказал:

— Главное — в этом деле не надо ханжить. Не позволять ей власть брать над собой — это одно, а бояться ее — это другое.

Сказав так, он оставил рюмку, улыбаясь, посмотрел на нас, будто спрашивая, какое впечатление произвело это все.

Мы молчали. Потому что нам было о чем помолчать на эту тему.

ОГНЕННАЯ ДУГА

Николай АСАНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

2

«12 июля наши войска продолжали вести бои с противником на Орловско-Курском и Белгородском направлениях. Особенно упорные бои шли на Белгородском направлении.

Нашими войсками на Орловско-Курском и Белгородском направлениях за день боев подбито и уничтожено 122 немецких танка. В воздушных боях и зенитной артиллерией сбито 18 немецких самолетов.

По уточненным данным, за 11 июля на Орловско-Курском и Белгородском направлениях в воздушных боях и огнем зенитной артиллерии сбит не 31 немецкий самолет, а 71 самолет противника».

СОВИНФОРМБЮРО.

Оперативная сводка за 12 июля 1943 года.

Утро двенадцатого июля Толубеев встретил на командном пункте стрелковой дивизии, прикрывавшей Прохоровку с юга.

Тяжелый танк командира бригады и связная «тридцатьчетверка» были замаскированы в небольшой дубовой роще у подножия холма. Вместе с Толубеевым на КП поднялись его радист, Кристианс и Вита. Вита надеялась опросить пленных, и, хотя это был несостоятельный предлог, Кристианс поддержал ее. Толубеев понял: просто побоялся оставить ее без присмотра, а тут, как, должно быть, надеялся Кристианс, при посторонних она будет спокойнее.

Одиннадцатого июля немцы с двух направлений прорвались к Прохоровке. Все их усилия продвинуться западнее, под Томаровкой, не удались, и теперь они изменили направление удара, пытаясь выйти «на оперативный простор» восточнее Прохоровки с последующим ударом на город Обоянь. Командир дивизии показал карту с последними изменениями в полосе действий дивизии, и Толубеев перенес его отметки на свою карту.

Огромное поле сражения, затянутое не столько туманом, сколько гарью и пылью, было пока безмолвно, только изредка ухали минометы, единственной задачей которых было не давать противнику покоя. Толубеев почему-то вспомнил «Слово о полку Игореве», когда воинов закрыло тьмой солнечное затмение, заметались птицы и звери и таинственный Див закликал с вершины дерева, предупреждая Волгу и Поморье, Корсунь и Тмутаракань о походе русских воинов...

Измученный, усталый командир полка, приютивший в своем расположении НП дивизии, все-таки заметил Виту и любезно уступил ей свое место у стереотрубы. И она впервые увидела поле боя...

Ни та, ни другая сторона не рисковала убрать с поля боя сожженные за эти несколько дней танки. Они так и стояли сизыми железными памятниками. Впрочем, теперь они служили отличным укрытием для пехотинцев, и, может быть, за одним из них прятались просочившиеся ночью немцы, а за другим — русские, которые готовились выдержать новую атаку. Все это объяснил Вите командир полка, потом отошел, присел на пустой снарядный ящик, прислонился к стене и сразу заснул.

Но Вита уже ничего не видела, кроме того, что именовалось «поле боя».

Между тем там, на поле боя, начиналось какое-то неясное движение. Командир дивизии вдруг шагнул к телефону и приказал кому-то: «Огонь!»

Вита поняла: немецкие пехотинцы скапливаются в покатой лощине для атаки, и редкие мины, падающие с гулким уханьем в эту лощину, не достигают их. Командир дивизии, вернувшийся к стереотрубе, что-то крикнул; командир полка, мгновенно проснувшийся при первом минном разрыве, схватил трубку, сказал в нее какое-то слово — «молодцы» или «огурцы»,— и тут из-за редкой дубовой рощицы с диким ревом

Окончание. См. «Огонек» №№ 30—38.

понеслись над самым полем боя длинные хвостатые молнии из синего огня и черного дыма, и в лощине вспыхнул грохочущий пожар, закрывший все пространство впереди огненной пеленой. И Вита поняла: это были советские «катюши»...

Немецкие орудия открыли яростный огонь по дубовой рощице, и Вита подумала: там уже никого нет в живых. Но живых не было в лощине, там еще дымилась земля, но никто не бежал, не выскакивал из этого дымного пламени, а радист, сидевший со своей рацией в уголке, что-то услышал в эфире, доложил командиру дивизии: «Дивизион РГК занял вторую позицию!» И в голосе его слышалось такое торжество, что Вита поняла: гвардейские минометчики сразу после залпа переменили позицию, и теперь обозленные внезапным налетом «катюш» немцы бьют по пустому месту.

И тогда появились тяжелые танки противника.

«Танки дальнего действия, гор громоносных гряда...» — вспомнила Вита какую-то строчку русских стихов.

Даже из безопасного укрытия было странно и страшно наблюдать это тяжкое, землеколеблющее движение сотни, а может, и двух сотен машин, шедших клином, все расширяющимся по мере того, как танки выкатывались из междухолмий и лощин, в которых они скрывались до начала атаки.

Они шли не стреляя, как будто сидящие в них люди считали себя неуязвимыми и презирали жалкие окопчики русских, их мелкие траншейки, их пушки. Шли они железным клином, как когда-то немецкие, закованные в тяжелую броню конные рыцари наступали на русских, но ведь и тогда русские остановили их железные клинообразные орды на Чудском озере. Так неужели сейчас эта клинообразная «свинья», как называли такое построение сами немцы, прорвется сквозь эти окопы, траншеи, пушечные батареи и раздавит тут всех и все?

Она оглянулась на мужа, но тот уже оторвался от амбразуры, взглянул на Кристианса, на командира дивизии, вдруг шагнул к Вите, сильно обнял ее и поцеловал и, странно бледный, но спокойный, с веселыми глазами, спрыгнул в траншею, а за ним спрыгнул его радист, и они исчезли.

Немецкие танки шли на небольшой скорости, они разыгрывали «психическую» атаку, они пытались подавить воображение русских солдат своей мощью, тяжестью, неуязвимостью. Но вот задние ряды танков начали накатываться быстрее, и теперь уже образовалось два клина, три клина, а острие первого построения, казалось, нависло над передней траншеей, над мелкими, наспех вырытыми окопчиками охранения, и тогда танки открыли огонь, буравя русские позиции взрывами снарядов, всплесками пламени, грохотом взрывов.

И в это время заговорила русская артиллерия.

Эти бесстрашные артиллеристы, на руках выкатывавшие противотанковые пушки для стрельбы прямой наводкой, знали свое дело. Прямо перед собой, у подножия холма, Вита увидела, как часто затряслось от выстрелов небольшое орудие, как три или четыре солдата быстро-быстро задвигались около него и головной немецкий танк вспыхнул, прошел еще несколько метров и замер, все сильнее разгораясь темным фиолетовым огнем. И в ту же секунду другой танк наехал на пушку, на людей, а когда он повернул вдоль линии траншей, на том месте уже ничего не было: помятый ствол орудия, какие-то мокрые комья на земле. Но и этот танк недолго праздновал свою победу: из земли поднялся человек и швырнул в него что-то блеснувшее на солнце, и танк завертелся на месте, как вертится пришибленная собака. Но и человек упал и больше не поднялся.

Немцы, видно, определили, что на холме находится наблюдательный или командный пункт, потому что в подножие холма густо посыпались снаряды, и разрывы их все поднимались, уже с потолка текла земля, уже застучало по бетонным плитам осколками, и Кристианс взял Виту за руку и увлек за собой в запасное укрытие, а командиры остались в полуразрушенном блиндаже, вокруг которого грохотала железная буря.

Они пробежали по глубокой траншее метров пятьдесят, и Кристианс ввел ее в другой блиндаж. Тут было попроще, потеснее, не было стереотруб, но амбразуры позволяли видеть поле боя. У одной из амбразур стоял майор, он оказался командиром другого стрелкового полка, был тут и телефонист и радист. Кто-то подал Вите бинокль, и она снова прильнула к амбразуре. За ее спиной полковник Кристианс тихо переговаривался с майором, и Вита, холодея от страха, услышала:

— Да, группа танков прорвалась, пятнадцать или двадцать машин...

Но офицеры говорили об этом так буднично-спокойно, словно речь шла о визитерах, пришедших нежданно-негаданно, но их тоже нужно принять достойно, и она так же внезапно успокоилась: полковник Кристианс — опытный человек, он сделает все, что надо. Ее душа опять была на поле боя, рвалась вслед за мужем, и тут она увидела его...

Конечно, она увидела не Толубеева, а его тяжелые танки. Они выходили со стороны невысокого еще солнца, с востока, и шли не клином, а лавиной, чтобы было удобнее, как поняла Вита, стрелять по танкам противника. Танки Толубеева нацелились на правый фланг немецкого танкового клина, и немцы еще не видели их.

Тяжелые танки Толубеева быстро сближались с немецкими «тиграми», и Вите показалось, что они уже смешались с машинами противника. Но тут немецкие танки развернулись по чьему-то приказу против нового врага, и оказалось, что их отделяют от русских танков еще триста или пятьсот метров. Но вооруженные тяжелыми пушками советские танки все шли на сближение, непрерывно стреляя, и вот вспыхнул один немецкий танк, второй, третий... Они пылали сизыми факелами под неярким утренним солнцем, и никто не выскакивал из них, не бежал по пустому полю. Но и в полку Толубеева уже вспыхнуло несколько машин, вдруг останавливаясь после быстрого бега и замирая тяжелыми глыбами.

Но остальные машины продолжали свой бег, рассекая немецкую колонну, а из дубовой рощи уже ударили артиллерийские самоходные установки и противотанковая артиллерия, слева вырвались нестройной шеренгой стремительные «тридцатьчетверки», откуда-то из-за холмов показались еще две колонны тяжелых танков «ИС», и Вита со страхом увидела, как теперь уже две или три сотни машин одновременно стреляли, сходились и расходились на этом видимом пространстве, и ей показалось, что под ногами у нее качается земля, что грохот выстрелов и рев моторов возносятся до самого неба...

Она все пыталась отыскать и никак не могла найти командирский танк мужа с белой, крупно нарисованной на бортах цифрой «10», потому что «ИС» продолжали двигаться уже в самой гуще этого машинного боя, рассекая колонну «тигров», скрытые машинами врагов и черной пеленой боя от глаз Виты.

Но вот «ИС» разрубили немецкую железную «свинью» и сразу развернулись в две стороны — фронтом, и Вита различила машину мужа. Толубеев теперь оказался на самом левом фланге колонны тяжелых танков, что ринулись уже с тыла на атакующие немецкие машины, прижимая их ближе к артиллерийским позициям русских, а вторая колонна преследовала отступавшие «тигры», и там и тут все время вспыхивали фонтаны огня и земли, и там и тут горели или останавливались как вкопанные немецкие танки и русские танки, но разорванное немецкое железное чудовище больше не могло срастись, и разрыв между отступающими и прижимаемыми к советским долговременным укрепленным позициям танками все расширялся. Иной немецкий танкист, уразумев, видно, что ему грозит быстрая гибель, вдруг разворачивался и шел назад, но тогда один, два или даже три из наших танков бросались к нему, и он либо снова поворачивался и отступал еще ближе к русским позициям, либо продолжал пробиваться обратно, к своим позициям, но тут же замирал на месте или вспыхивал, как вспыхивает бенгальский огонь детской елочной хлопушки.

Она потеряла из виду танк мужа, а когда снова поймала его в перекрестье бинокля, вся судорожно сжалась. Пушка на танке торчала наискось, по-видимому, заклиненная прямым попаданием снаряда, и к нему подбирался «тигр».

«Тигр» непрерывно стрелял, танк Толубеева со свернутой пушкой без выстрела шел на сближение с «тигром». Вита ничего не могла понять, губы ее беззвучно кричали: «Беги! Беги!», — но танк мужа все приближался к «тигру» и тут внезапно ринулся вперед и всей своей мощью ударил «тигра» в правый его борт...

Вита вскрикнула, как будто эта мощь многотонного удара пришлась по ее усталому, измученному сердцу или она сама нанесла этот удар и теперь умирала, истощенная последним усилием. Полковник Кристианс бросился к ней, выхватил из рук бинокль и прижался к амбразуре. Когда она очнулась и снова смогла встать рядом с полковником, она и без бинокля увидела, что у «тигра» сбита гусеница, но и наш танк встал неподвижно, и ни из «тигра», ни из машины мужа никто не выходит, как будто все они разом погибли.

Вокруг двух столкнувшихся машин образовывалась пустота, как возле гробов с покойниками: живые машины продолжали бой и передвигались к позициям, а погибшие — то там, то здесь, и немецкие и русские — оставались на поле неподвижными глыбами металла, но то из одной, то из другой вдруг выскакивали люди, иные в горящей одежде, другие с оцепенелым однообразием движений, но они еще жили — катались по земле, сбивая с себя пламя, или шли к советским окопам с поднятыми руками, или бежали за этими, сдающимися, с автоматами в руках, но они жили, а две машины, сцепившиеся в жестоком столкновении, стояли неподвижно. Тогда Вита с ожесточением крикнула полковнику Кристиансу:

— Что же мы стоим? Ведь тут рядом связной танк!

Он попытался схватить ее за руку, но она уже повернулась и нырнула в знакомую траншею, побежала, слыша за собой догоняющий топот подкованных сапог, но не обернулась, страшась, что полковник схватит ее, и остановит, и не даст ей выполнить главное дело ее жизни.

Она все опережала полковника, — ведь она была молода, тренированна, а он стар, как ей казалось, — наверно, ему уже было больше сорока, — и она знала, что не поддастся ему, — и вот перед ней уже рощица, теперь с обитой листвой, со сломанными стволами, с перекореженными сучьями. И тут она увидела «тридцатьчетверку», в которой приехала на наблюдательный пункт вслед за танком мужа, и застучала по броне попавшим под руку камнем. Водитель открыл верхний люк, и тут она услышала отчаянный голос Кристианса:

— Вита, подождите, я с вами! Вы же ничего не сможете сделать одна!

Мельком оглянувшись, уже влезая в люк, она увидела, как Кристианс машет ей автоматом, и подумала: «Он не застрелит меня! Или он поедет со мной, или я отделаюсь от него!»

Она хлопнула водителя по плечу, приказывая ехать, и Кристианс каким-то немыслимым прыжком оказался сзади нее. Мотор ревел, и она больше ничего не слышала и не хотела слышать. Тут Кристианс положил перед водителем танка развернутую карту местности, и она увидела пометки: «Отдельное дерево», «Ветряная мельница», «Холм», и холм был помечен крестом, — а затем ломаную линию, сделанную толстым карандашом, и только тут поняла, что полковник показывает водителю проход в минном поле. Она как-то и не подумала, что в своем нетерпении заставит водителя бро-

сить машину на полной скорости через минное поле, и теперь благодарно кивнула полковнику. А водитель уже ориентировался на местности, разыскивая это отдельное дерево, эту ветряную мельницу, от которой давным-давно остался только фундамент и три наката бревен.

Но ее нетерпение, ее страстная молитва помогли ей увидеть эти незначительные приметы, которые понятны только с земли и только пешеходам, тем самым саперам, что ставили тут мины и должны были бы провожать постороннего человека тихим шагом, след в след через эти проходы. И водитель, повинуясь ей, резко вывернул машину возле холма, и тут Вита увидела поле боя снова, но теперь это было полем боя и для нее, потому что полковник Кристианс вдруг прильнул к пулемету, и она заметила впереди ленточку пыли от пуль, а за этой ленточкой бежали им навстречу немецкие пехотинцы с разбитых бронетранспортеров, бежали в атаку, так как их уже отсекли от танков и им некуда было больше бежать, как вперед,— а вдруг они еще победят? И «тридцатьчетверка» казалась им не страшной, потому что они только что увидели сражение тяжелых танков и самоходок, и они все бежали навстречу танку, и только пыльная полоса, взбиваемая пулями уже не перед ними, а среди них, заставила их повернуть вправо, оставив с разметанными руками пять или десять человек в серо-зеленых мундирчиках на пути «тридцатьчетверки».

И тут Вита увидела **т о т** танк и танк мужа. Она увидела их снизу, с поля, и «тигр» показался ей чудовищно огромным, а приземистый, неподвижный и безжизненный танк мужа очень маленьким. Но больше всего ее напугало то, что «тигр» начал оживать: у нее на глазах медленно приподнялся верхний люк, и в отверстии показался человек в офицерском мундире. Он только взглянул на поле, увидел мчащуюся прямо на него «тридцатьчетверку» и тут же нырнул в танк. И тогда вокруг «тридцатьчетверки» поднялся шквал из земли и стали,— немцы пытались расстрелять ее.

— Направо! Направо!— резко и гневно скомандовал Кристианс, и водитель подчинился этому приказу, а Вита только тут поняла, что они ушли из обзора танкистов, а Кристианс снова прильнул к пулемету, и теперь его пули секли по броне танка там, где раньше открывалась горловина люка.

Водитель резко остановил танк рядом с «ИС», но Кристианс приказал ему податься назад: ему было нужно видеть и верхние люки башни немецкого танка и нижний, аварийный, и водитель подал машину обратно, а Вита выскочила и бросилась к танку мужа. У нее ничего не было в руках, и она попыталась стучать по броне кулаками, пока Кристианс не бросил ей сумку с инструментами. Вита выхватила какой-то тяжелый ключ и принялась выстукивать выученный когда-то радиосигнал: «Вита!», «Вита!», «Вита!». Больше она ничего не умела выстукивать радиосигналами, но ведь этот сигнал ей показал он, Вольёдя, и он должен понять, что рядом с ним не враги, а она, Вита...

Пророкотала очередь из пулемета Кристианса,— это опять начал оживать танк врага, и Вита принялась еще сильнее бить по неподатливому металлу: «Вита!», «Вита!», «Вита!»,— и тогда крышка аварийного люка отвалилась и из него выглянули измученные глаза Вольёди под окровавленной шапкой волос. Он смотрел ничего еще не понимающими глазами, а тяжелораненый водитель все пытался спустить его вниз.

Кристианс выскочил из «тридцатьчетверки» и помог Вите вытащить Толубеева, который тут же рухнул на землю. Кристианс протянул руки и поднял Толубеева. Толубеев был без чувств.

Он был легкий, худой, как в тот странный день, когда она увидела его в усадьбе на берегу озера Треунген, и Вите показалось, что она и одна подняла бы его в танк, но Кристианс не поверил в ее силы и сам втиснул его на сиденье. Потом они подняли водителя. Этот был хоть и невелик ростом, но плотен, тяжел, и Вите показалось, что они никогда не справятся с ним, но они уложили и его. И тогда Кристианс подошел к немецкому танку и постучал.

Он стучал долго, и, как поняла Вита, тоже какой-то радиоприказ, а она сидела за пулеметом, боясь, что вдруг люк внизу откроется и она не сможет выстрелить по человеку. Но открылся верхний люк, и оттуда на землю сначала упали три автомата, два пистолета, потом сумка с документами, и только тогда показались поднятые вверх руки. Но немцу было трудно вылезать с поднятыми руками, и он умоляюще крикнул:

— Мы сдаемся! Сдаемся!

Кристианс мотнул головой, и они начали вылезать один за другим. Их там осталось в живых трое, в этой металлической коробке, и они стали рядом, а Кристианс, отшвырнув их автоматы и пистолеты, обшаривал их, нет ли спрятанного оружия. Потом он приказал им уцепиться за скобы для десантников, швырнул их оружие под ноги Вите, и «тридцатьчетверка» заюлила между сраженными танками и самоходками, и опять Кристианс мотнул головой, указывая на карту с проходами через минные поля, гневно сказав:

— Осторожно! Мина взрывает и чужих и своих!

Сам он стоял в открытом люке и следил за немцами, которых качало на броне. Но они уже смирились со своей участью и совсем не хотели воевать.

Водитель остановил танк у первой траншеи. Навстречу бежал майор, командовавший полком, по траншее бежал из полуразрушенного командного пункта командир дивизии, какие-то люди с сумками на плече, и Вита поняла: санитары...

А совсем рядом продолжался танковый бой, а в глубине советских позиций грохотали взрывы: там добивали прорвавшиеся немецкие танки,— и стояли столбы пыли в полнеба, дым, гарь, и в то же время вокруг была жизнь, хотя и измученная, усталая, полная ожидания смерти. Но не всем было суждено умереть даже в этом страшном бою.

3

«12 июля наши войска нанесли мощный контрудар по вражеской группировке в районе Прохоровки. Здесь произошло невиданное по своему размаху танковое сражение. Одновременно с обеих сторон в нем участвовало более 1 500 танков, сотни самоходных артиллерийских орудий и значительные силы авиации. После сражения поле боя было покрыто грудами металла. Только за один день враг потерял подбитыми свыше 400 танков. В этом сражении особо отличились бронетанковые и механизированные войска, которыми командовал генерал П. А. Ротмистров».

«ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ». 1941—1945.

Это им было суждено прочитать потом, много лет спустя.

Но когда Толубеев окончательно пришел в себя, было всего восемь часов утра, бой все еще продолжался, и его искал тот самый генерал Ротмистров, о котором потом люди будут читать в истории этой битвы. Две бригады тяжелых «ИС», вооруженных 122-миллиметровыми пушками, ворвались в расположение противника, и генерал искал подполковника Толубеева, чтобы тот обеспечил начавшийся прорыв. И Толубеев, пришедший в себя, вызвал радиста, расположился рядом с медсанбатом и стал управлять боем своей бригады, а Вита, присев возле них на обрубке дерева, начала допрашивать командира танкового полка из дивизии «Адольф Гитлер», которого они с Кристиансом взяли в плен. Взял его, конечно, Кристианс, но в своем донесении назвал ее.

Начинался перелом в одном из величайших танковых сражений века...

ФИЛЬМ-ОПЕРА «ДИЛОРОМ»

Лучшее украшение великолепных чертогов и садов восточного богача — красавица Дилором (Диларам); когда она поет, замолкают птицы, чтобы послушать чарующий голос. Поет Дилором о своей любви к молодому художнику Мони и славит его талант. Но Дилором — раба: ее, разлучив с любимым, продают в гарем шаха Бахрама... Грустными стали отныне песни Дилором: ни украшения, ни дорогие дары влюбленного шаха не трогают ее сердца. Разгневанный шах прогоняет непокорную Дилором в пустыню; там и находит Мони красавицу девушку, умирающую, но не предавшую любви.

Эта печальная история, полная вместе с тем мужественной и страстной борьбы за право на любовь, на счастье, рассказана в одной из поэм знаменитой «Хамсе» Алишера Навои — «Семь планет». Она-то и вдохновила узбекского композитора Мухтара Ашрафи, Народного артиста СССР, на создание оперы «Дилором». Уже десять лет с неизменным успехом «Дилором» идет на сцене театра оперы и балета имени Алишера Навои в Ташкенте.

Однако условное искусство оперы — при всей ее яркости — все же не могло вместить полноту драматических образов поэмы, исчерпать глубину философского пафоса произведе-

ПЕТР НИКИТИН

Умер Петр Аркадьевич Никитин — писатель и журналист. Два десятка лет он работал в «Известиях» — корреспондентом на Дону, на фронтах Отечественной войны, редактором отдела литературы. Его очерки, статьи, корреспонденции были полны большевистского огня, правдивы, честны, как честен был он сам —

ния. Родился новый творческий замысел: перенести воплощение «Семи планет» на экран.

Работая над сценарием широкоэкранного фильма-оперы «Дилором», Али Хамраев и Камиль Яшен бережно сохраняли драматургию оперного либретто. Вместе с тем они дали возможность художнику и оператору широко использовать при съемке фильма красочные массовки, разнообразные, исторически достоверные интерьеры, натурные кадры.

Самарканд, где провел годы изгнания Алишер Навои, Ферганская долина, пустыня Кызылкум — вся земля Узбекистана помогала создать убедительную, живую атмосферу фильма.

Теперь режиссеру-постановщику Али Хамраеву предстояло решить самую трудную задачу — найти таких исполнителей, которые при драматическом таланте и внешней убедительности точно следовали бы жестам, мимике, выражению лица синхронно поющих оперных артистов.

Али Хамраев смело обратился к испытанному уже в кино методу дебюта.

Однофамилица режиссера — Гюли Хамраева выросла в театральной семье артиста и режиссера Раззака Хамраева. С детства ее влекло нелегкое искусство танца. Окончив хореографическое училище, она стала солисткой балета. В ее исполнении танцевальных партий Али Хамраев увидел не только высокую технику танца, но еще и драматическое начало и большую образную выразительность игры. Так началась для Гюли Хамраевой ее новая, экранная жизнь. Роль Дилором поставила молодую артистку в ряд с лучшими «Джульеттами Востока».

Роль художника Мони играет выпускник Ташкентского театрально-художественного института имени А. Н. Островского Шухрат Иргашев. Мони удался молодому артисту; он выразителен не только во внешнем рисунке, но и в драматическом раскрытии души своего героя, его внутреннего мира.

Н. ЗЫБИНА

На снимке: рабочий момент съемки фильма «Дилором». Режиссер Али Хамраев беседует с дебютантами Гюли Хамраевой и Шухратом Иргашевым.

Фото А. Карзанова.

большевик с 1937 года, старый комсомолец.

В нем была та немеркнущая искра, которая жила в сердцах коммунистов и комсомольцев тридцатых годов, строивших Магнитку, «Уралмаш», Комсомольск-на-Амуре, создававших колхозы, участвовавших в качестве авангарда в огромном движении советского общества к победе социализма.

Когда болезнь вынудила его уйти на пенсию, он не остался в стороне от жизни: ездил по стране, писал, каждой строкой своего творчества утверждая большевистскую правду.

Он любил жизнь, знал ее, ценил и боролся против всего, что мешало ей.

Он начал свою общественную жизнь с селькора, стал видным писателем-очеркистом. Он не написал большого романа или повести, но вся его жизнь — это повесть о нелегком, но славном труде советского человека, внесшего свой вклад в дело социалистического созидания.

Он прожил 62 года. Жить бы еще и жить, но много было затрачено сил, и их не хватило.

Труд журналиста-большевика, писателя-борца — это горение, это самозабвенность.

Д. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. КРАСЮК, Н. КРУЖКОВ, Л. КУДРЕВАТЫХ, Л. ЛЕРОВ, В. ПОЛТОРАЦКИЙ, А. СОФРОНОВ, М. СТРЕПУХОВ, М. СУИЧМЕЗОВ, С. СУТОЦКИЙ.

ОЛИМПИЙСКОЕ БЕСПОКОЙСТВО

Ринг покажет

Недавно появилось сообщение старшего тренера сборной команды советских боксеров В. И. Огуренкова. Оптимистическое по тону своему, оно содержало весьма обнадеживающее утверждение, что советский бокс располагает перед Мехико вполне достаточным резервом молодежи, которая вместе с испытанными, опытными мастерами составит сильную олимпийскую команду. В этом мы могли убедиться на чемпионате СССР, проведенном в Ленинакане. Чемпионат прошел под знаком напряженнейшего и равного соревнования за почетное право стать олимпийцем.

Можно смело утверждать, что выбор у тренеров был в большинстве весовых категорий.

В большинстве, но не во всех. Нам представляется, что наиболее благополучно обстоит дело в легких весах.

В Мехико советский бокс будут представлять молодые, но уже известные в мире бокса мастера: Виктор Запорожец, Николай Новиков, Валерий Соколов, Валерий Плотников, Валерий Белоусов, Евгений Фролов, Владимир Мусалимов. За каждым из них стоит, по меньшей мере, три-четыре равноценных боксера.

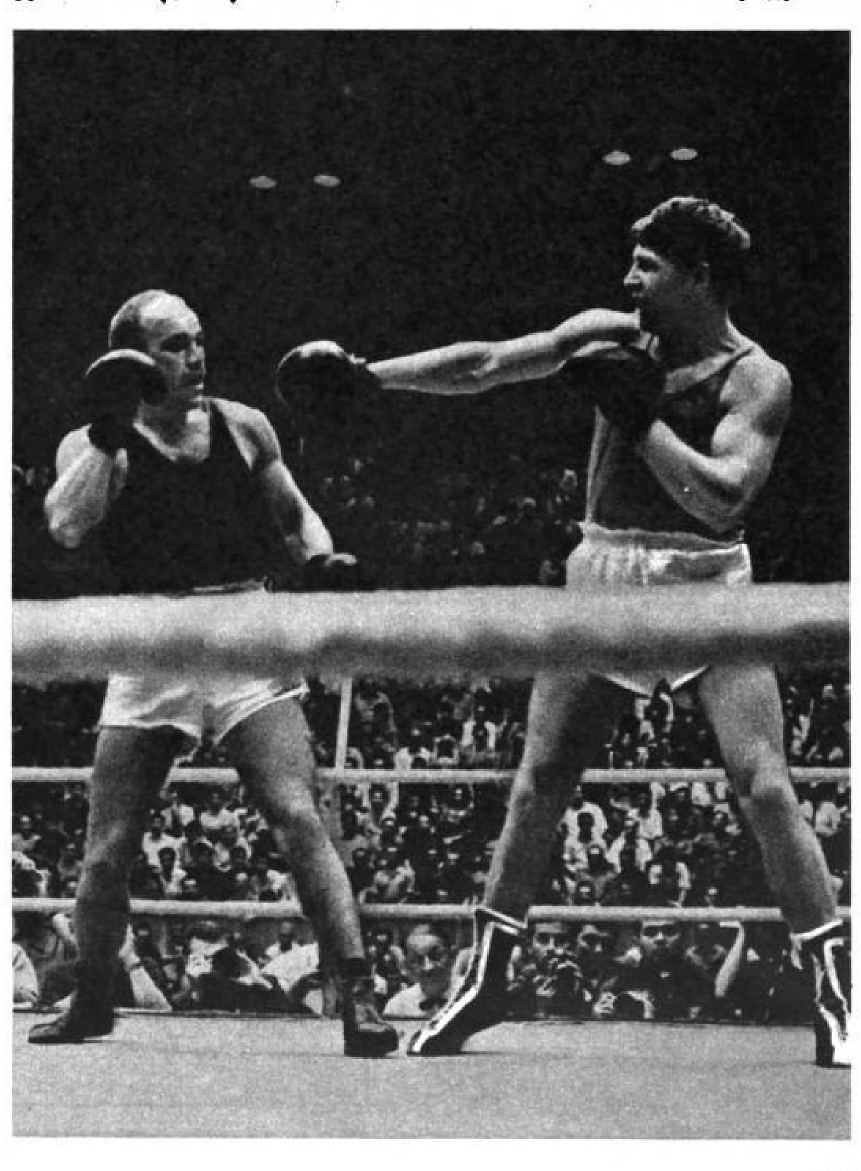
Увы, менее благополучное положение в весовых категориях от первого среднего до тяжелого. Необходима оговорка: на Олимпийских играх 1968 года, вероятно, достаточно сильно смогут выступить и многоопытный, расчетливый и точный Борис Лагутин (первый средний вес), опытный Алексей Киселев (второй средний вес) и темпераментный, закаленный во многих международных испытаниях Дан Позняк (полутяжелый вес). Но, к сожалению, названными именами ограничивается в этих весовых категориях список претендентов в сборную. Это тревожит и настораживает.

Особого разговора заслуживает, на наш взгляд, проблема тяжелого веса. Здесь вот уже много лет, пожалуй, с тех пор, как оставили ринг Николай Королев и Альгирдас Шоцикас, не появляются достойные их мастерства и славы молодые боксеры. Слов нет, стойко вели себя на ринге Лев Мухин и Александр Изосимов, но далеко обоим до того высшего международного класса бокса, который был присущ их старшим товарищам.

Увы, отставание боксеров-тяжеловесов стало традицией. Появился, сверкнул на короткое время способный молодой боксер Вадим Емельянов. Любители бокса с интересом и симпатией встретили его, однако, не располагая необходимой разносторонней техникой ведения боя, обладая весьма ограниченным запасом средств атаки и защиты, он не долго смог продержаться на ринге. Думается нам, его спортивный путь — явление характерное и поучительное.

Не обладая достаточной техникой защиты, молодой тяжеловес получает слишком много ударов (а ведь удар боксера тяжелого веса может потрясти самого выносливого спортсмена), и это приводит к тому, что боксер сходит с ринга раньше времени. Так случилось и с Альгирдасом Шоцикасом, который сразу же оказался один на один с Николаем Королевым, Андро Навосардовым, Мартином Линномяги. Те тренеры, которые считают, что мощные, богатырского сложения молодые люди и без

Дан Позняк (слева) и Алексей Киселев. Фото Л. Бородулина.

достаточной техники могут побеждать, жестоко заблуждаются. Эта неверная точка зрения, может быть, и привела к тому, что сегодня, накануне новой олимпиады, в тяжелых весовых категориях наш выбор так ограничен.

Этот вопрос, вероятно, заслуживает специального обсуждения. Так, к примеру, не очень понятно, почему федерация бокса отказывается от проведения матчей на звание абсолютного чемпиона страны по боксу? Ведь это помогло бы воспитанию молодых боксеров наиболее дефицитных весовых категорий — полутяжелой и тяжелой! Достаточно вспомнить острейшее соперничество Виктора Михайлова и Николая Королева — в предвоенные годы, Николая Королева и Альгирдаса Шоцикаса — в более позднее время. Заметим, кстати, что впервые звание абсолютного чемпиона страны Николай Королев выиграл в возрасте 19 лет и одержал победу над великолепным мастером Виктором Михайловым не за счет одного или двух случайно проведенных ударов, а в точной, умелой игре на ринге. Почему мы отказываемся от такого интереснейшего и полезного соревнования? Объяснение одно: плохо готовим боксеров в полутяжелом и особенно тяжелом весах, некому соревноваться в мастерстве на таком серьезном уровне.

Кстати, почему не привлечь к специальной тренировке тяжеловесов такого опытнейшего бойца и выдающегося тренера, как Виктор Павлович Михайлов?

Размышления эти попутны. Надо полагать, федерация бокса СССР займется наконец этой насущной проблемой. Ведь дело дошло до того, что, когда покинут ринг Дан Позняк и Алексей Киселев, весьма трудно будет найти им замену в сборной команде страны.

Кто же наши наиболее серьезные соперники на олимпийском ринге в Мехико?

Видимо, сильную команду выставит Западная Германия. В недавнем матче команд боксеров ФРГ и Соединенных Штатов Америки крупную победу (7 : 3) одержали немецкие боксеры, а выиграть столь внушительно у американцев нелегко. Хотя любительский бокс в США значительно уступает профессиональному, но известно, что именно любительский ринг, в частности традиционные соревнования на приз «Золотые перчатки», пополняет ряды профессионалов. Именно такой путь прошли Джо Луис, Сонни Листон, Кассиус Клей...

Усиленно готовятся к Мехико боксеры Франции. В поисках наиболее оптимального олимпийского состава они уже встречались с командами Венгрии, Чехословакии, Польши, Румынии.

В хорошем предстартовом настроении папаша Штамм, как уважительно называют старейшего тренера польских боксеров. Разумеется, у него сейчас немало забот по окончательному укомплектованию сборной олимпийской команды, но, судя по всему, польские мастера кожаной перчатки снова станут на Олимпийских играх опаснейшими конкурентами в борьбе за победу. В боевой форме, как можно предположить, опытные боксеры Грудзень, Драган и Треля, весьма перспективны молодые познаньские спортсмены Кури и особенно Вихман, одержавший недавно верх в бою с именитым Сишипчаком.

В каждой весовой категории предстоит интереснейшая борьба. Очень сильная компания соберется, например, в первом полусреднем весе — Кулей (Польша), Кайди (Венгрия), Стойчев (Болгария), Маккурт (Ирландия), Антонну (Румыния). Нелегко придется здесь нашему Е. Фролову. Вероятно, сильными боксерами будет представлен второй средний вес, где особенно опасны такие мастера, как итальянец Касатти, румын Кивер, польский боксер Словакевич, сменивший на большом ринге знаменитого Валасека...

Много можно ждать от хозяев олимпиады, темпераментных мексиканских боксеров, в частности от Дельгадо, победителя предолимпийского турнира, и Мартинеса — чемпиона V Панамериканских игр.

Да, борьба в Мехико предстоит трудная, и предвидеть ее исход сейчас невозможно. Ринг покажет, как говорят боксеры.

М. АЛЕКСАНДРОВ,
Вс. ОЗМИДОВ,
мастер спорта СССР

Плетеные дома

На юге Ирака растут пальмы и тростник высотой в несколько метров. Местные жители сооружают из этих растений красивые плетеные здания.

Ближе к небу

Молодой голландец соорудил из двух старых велосипедов один. На вопрос, какое преимущество его изобретения, он ответил: «Чем выше, тем воздух чище!»

Единственная коллекция

Владелец одной автомастерской в Голландии коллекционирует регистрационные номера автомашин разных стран мира.

Лиха беда — начало!

Двадцатитрехлетняя испанка Амелия Дель Кастильо — единственная в мире женщина — тренер футбольной команды.

Зонт на голове

Эта дамская шляпа, названная «Нежное крыло»,— последний крик моды лондонских модельеров. Ее диаметр — 1 метр и двадцать сантиметров.

Зеркальная одежда

Американские модельеры предложили платье и чулки, сделанные из 1 500 мельчайших зеркал. Они полагают, что такую одежду будут носить в 2000 году.

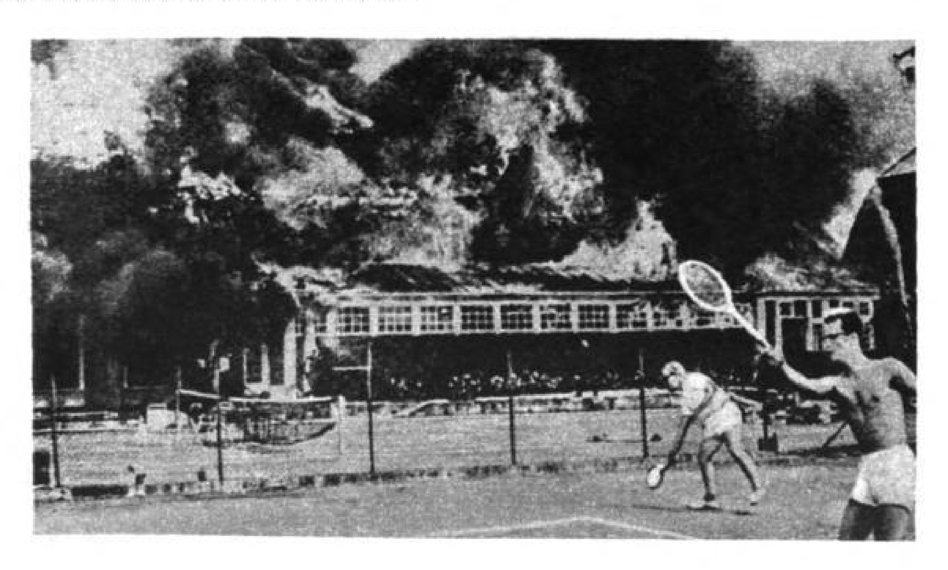
Новый аттракцион

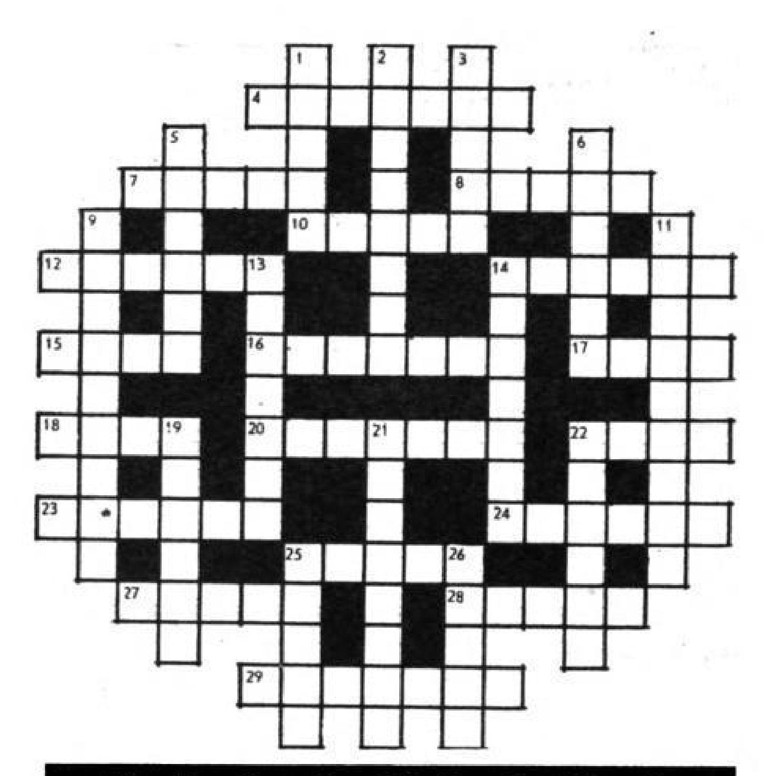
Известный испанский тореадор Аурелио Каталайуд вышел на арену боя с шестом.

Жаркие поединки

В Копенгагене загорелось здание спортивной базы. Съехались пожарные, собрались толпы любопытных. Спортсмены, однако, не обращая внимания на пожар, продолжали соревноваться.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Курорт в Литовской ССР. 7. Хлопчатобумажная ткань. 8. Немецкий композитор и дирижер. 10. Порт в Чили. 12. Город в Ростовской области. 14. Автор картины «Тачанка». 15. Войсковое подразделение. 16. Слово с противоположным по отношению к другому слову значением. 17. Роман М. Горького. 18. Хвойное дерево. 20. Опера П. И. Чайковского. 22. Прибрежный ветер. 23. Литературный жанр. 24. Химический элемент. 25. Областной центр в РСФСР. 27. Настольная игра. 28. Время года. 29. Вулканическая горная порода.

По вертикали:

1. Животный мир. 2. Спутник планеты Юпитер. 3. Тропическое растение. 5. Рассказ А. П. Чехова. 6. Строительный материал. 9. Птица семейства синиц. 11. Русский архитектор XVIII—XIX веков. 13. Народный писатель Белоруссии. 14. Спортсмен. 19. Приток Аракса. 21. Сборник литературных произведений. 22. Равновесие. 25. Количество экземпляров печатного издания. 26. Снаряд для метания.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

По горизонтали:

4. Кустодиев. 5. Атташе. 6. Лесков. 8. Инсоляция. 13. Панорама. 14. Апельсин. 15. Токио. 17. Готовальня. 18. Библиотека. 21. Атлас. 23. Фазометр. 25. Полемика. 26. Беккерель. 27. Август. 28. Польша. 29. Синтаксис.

По вертикали:

1. Кувшинка. 2. Коноплянка. 3. Черепица. 5. Альбом. 7. Волчья. 9. Патронташ. 10. Валластер. 11. «Жерминаль». 12. Дидактика. 15. Танта. 16. Оникс. 19. Альдебаран. 20. Тоника. 22. Иматра. 24. Раевский. 25. Палеолит.

На первой странице обложки: Алишер Навои. Портрет работы художника А. Перова. Ташкент.

На последней странице обложки: Зонтики... Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00163. Сдано в набор 3/IX-68 г. Подписано к печ. 17/IX-68 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 033 000 экз. Изд. № 1805. Заказ № 2479.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Марат ЦЕБОЕВ

Фото К. Каспиева.

Этот детский кинотеатр не имеет постоянного адреса. Сегодня он в какой-нибудь из школ Целинограда, завтра его можно встретить в совхозном детском саду, а послезавтра в большом дворе на окраине города, где нет поблизости клуба. Кинотеатр передвигается очень быстро, со скоростью до 80 километров в час. Четырехколесный зрительный зал заправляется бензином и называется «Малюткой», потому что самые многочисленные его зрители — дети дошкольного и младшего школьного возраста. И в холод, и в снег, и в дождь, и в жару — всегда «Малютка» работает, всегда вызывает своим появлением шквал детской радости. Педагоги утверждают, что если поставить «Малютку» рядом с обычным кинотеатром, то дети наверняка предпочтут смотреть фильмы в «Малютке».

Мы побывали в совхозном детсаде «Аленка», который находится в поселке Кирово, Целиноградского района.

— Ура! Ура! «Малютка» приехала!.. Дядя Петя приехал! Ура-а-а!

Хлопая в ладоши, малыши высыпали на веранду и прилипли к окнам.

Во дворе разворачивался пестро разукрашенный автобус. На его окнах — сказочные персонажи. Здесь и Буратино с черепахой Тортилой, и купающиеся поросята, и козлята укладываются спать, и петух с курицей обучают цыплят физзарядке, и рыбка кормит своих рыбешек, и добрый доктор Айболит...

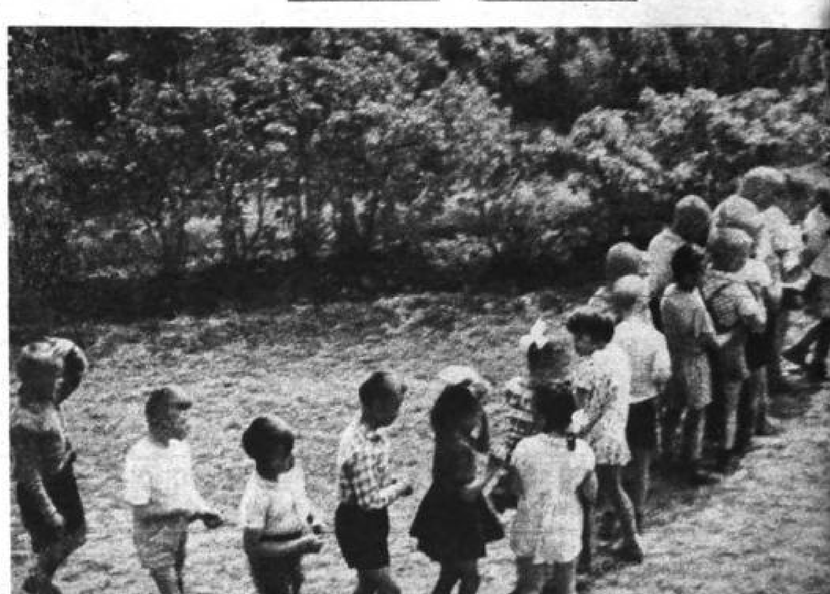
Волнение передалось даже самым маленьким, тем, которые еще и ходить как следует не научились. Глазки их смотрят с недоумением: «Что это такое — «Малютка»?» Наверное, им тоже хочется принять участие в веселом мероприятии. Но, увы: детям до двух лет смотреть фильмы категорически воспрещается. Подрасти надо.

Детей построили и вывели на улицу. Но строй тут же нарушается.

Дядя Петя начинает раздавать нетерпеливым малышам билетики, они стоят недорого — пять копеек. Не обошлось без слез: Андрюше Климовичу и Оле Мазало не досталось билета. Не беда! Не плачьте... Дядя Петя пропустит и так. Но что это? Кайрат Сагинбаев и Олег Ерошкин пустились вдруг со всех ног по газону. Неужели не хотят смотреть кино? Нет. Это ветер-проказник, вырвав у ребят билетики, подхватил их и понес. Надо догонять!

Наконец все места заняты. На каждом сиденье по три-четыре крохотных зрителя. Занят весь проход, а перед экраном дети расселись прямо на полу.

Дядя Петя подключил шнур к сети, перемотал ленту, и кино началось.

Показывают мультфильмы. Временами раздается дружный ребячий хохот. Когда на экране кошка, ребята мяукают, когда коровы — мычат.

...Мультфильмы кончились. Дядя Петя меняет ленту, и начинается серьезный фильм «Конный цирк». Затаив дыхание, смотрят малыши на дрессированных и послушных лошадок.

Когда на экране под звуки бешеных осетинских ритмов появились лихие конники и стали исполнять темпераментный горский танец, ребята кричали с воодушевлением: «Асса!»

Не все выдерживали сеанс до конца. Некоторые трехгодовалые дети засыпали, и их выносили на руках. Но большинство, дай им волю, просидели бы в «Малютке» до ночи.

После сеанса я взял интервью.

— Просидел бы кто-нибудь из вас здесь целый день?

— Я бы целый месяц просидел,— ответил семилетний Толя Кожа.

— А я бы год просидела,— убежденно заявила Ира Твердова.

— А я,— отпарировал Толя,— пока бы автобус не поломался.

Петр Петрович Супрунов — бессменный водитель, киномеханик, кассир, билетер и директор передвижного детского кинотеатра «Малютка» — рассказывает:

— Буквально все дети Целинограда и ближних районов знают «Малютку», а меня дядей Петей называют. Некоторые девушки уже замуж повыходили, а все равно я для них «дядя Петя». Когда я куда-нибудь приезжаю, не нужно никакого объявления. Моментально выстраивается очередь.

Очень нравятся малышам такие «Малютки»!

...ОТЕАТР БЕЗ АДРЕСА

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663